

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 18 (2) 2021

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2021

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
18(2) 2021
Сентябрь 2021**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 18.09.2021 г.

Формат 70x100^{1/16}
Усл. печ. л. 14,46
Тираж 500 экз.
Заказ № 2113898

Отпечатано в типографии «Малахит»
620014, г. Екатеринбург,
ул. Шейнкмана, 7

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллех – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Сянмэй Сюй – Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК, Пекин, КНР

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

06.10.2020 Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
18(2) 2021
September 2021**

Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on September 18, 2021
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 14,46
Issues – 500
Order # 2113898

Printed by typography «Malahit»
Scheinkman street 7
Ekaterinburg, 620014, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Xiangmei Xu – Institute for the Study of Party History and Literature at the CPC Central Committee, Beijing, China

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

The journal is abstracted/indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included into the «CyberLeninka» database

October 6, 2020 the journal is included in the European Reference Index for the Humanities ERIH PLUS

№ 18(2)

Тропы метода

Кондрашов П.Н.

Социальная диалектика В.И. Ленина10

Костогрызов П.И.

Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Часть II.....36

Сонина Е.О.

«Модернизация» и «реформа» в политическом дискурсе современной России: опыт нарративного анализа49

Летняков Д.Э.

Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти61

Парадигмы и процессы

Сон Ж.Г.

Популяризация корейского языка и культуры в России как инструмент «мягкой силы»77

Зарянский С.А.

Современное состояние «мягкой силы» Японии: достижения и проблемы91

Сальников Е.В., Сальникова И.Н.

Противодействие расизму в спорте или его новый виток: противоречивые практики движения Black Lives Matter 111

Конференц-зал

Тимофеева Л.Н.

Россия и мир в условиях политической пандемии 125

Современная логика и интеллектуальные технологии

Лобовиков В.О.

Логически формализованная аксиоматическая система эпистемологии Кси, моделирующая экстраординарное утверждение Канта о предписывании физиком априорных законов природе142

Рецензии и рефераты

Глазырин В.А.

Новое рентное общество158

18(2)

Tropes of Method

- Kondrashov, P.N.**
Lenin's social dialectics.....10
- Kostogryzov, P.I.**
Decisionism in Russia: Carl Schmitt's Pre-Revolutionary Precursors and Modern
Interpreters. Part II36
- Sonina, E.O.**
"Modernization" And "Reform" in the Political Discourse of Modern Russia:
The Narrative Analysis Experience49
- Letnyakov, D.E.**
Contested Past: On Substantiation of a Pluralistic Approach to Historical Memory ...61

Paradigms and Processes

- Son, Zh.G.**
Popularization of the Korean Language and Culture in Russia as an Instrument of
"Soft Power"77
- Zaryansky, S.A.**
Contemporary "Soft Power" of Japan: Achievements and Problems91
- Salnikov, E.V., Salnikova, I.N.**
Countering Racism in Sports or Its New Round: Controversial Practices of the Black
Lives Matter Movement 111

Conference Chamber

- Timofeeva, L.N.**
Russia and the World in the Context of the Political Pandemic 125

Modern Logic and Intellectual Technologies

Lobovikov, V.O.

A Logically Formalized Axiomatic Epistemology System Ksi Modeling Kant's
Extraordinary Statement of Physicist's Prescribing A-Priori Laws to Nature142

Reviews and Abstracts

Glazyrin, V.A.

New Rental Society158

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА В.И. ЛЕНИНА**Пётр Николаевич Кондрашов,**

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
pnk060776@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.02.2021, принята к публикации 16.06.2021

Для цитирования: Кондрашов П. Н. Социальная диалектика В.И. Ленина // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 10–35. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_10

Аннотация

Целью статьи является историко-философский анализ наиболее важных аспектов ленинской диалектики социальных процессов и явлений, понимаемой и как метод, и как формы объективной и субъективной диалектики. В статье анализируются исходные положения ленинского учения: «ядро» диалектического метода (принцип единства и борьбы противоположностей), исторический «дух марксизма» (рассмотрение любого явления как историчного) и классовый характер социальных исследований. В связи с этими фундаментальными положениями в структуре социальной диалектики В.И. Ленина эксплицируются такие необходимые элементы, как принципы историчности, конкретности, тотальности, единства теории и практики, отражения/репрезентации, творческого («опережающего») сознания и одновременного «сосуществования» высших и низших социальных форм и структур. Помимо этого, социальная диалектика Ленина (как диалектическое единство теории и практики) рассматривается в свете ее разрушительного содержания по отношению к капитализму и созидательного – к построению социализма. В результате проведенного исследования автор формулирует определение социально-диалектического и материалистического метода Ленина как способа конкретно-исторического исследования конкретных социальных явлений, процессов и ситуаций (тотальностей), посредством чего в этих социальных структурах и механизмах выявляются реально существующие классовые противоречия, через анализ которых объясняется истори-

© Кондрашов П.Н., 2021

ческая динамика самих социальных явлений, т. е. их возникновение, существование, функционирование и гибель (переход в иное состояние). Наконец, посредством этого, и научного, и социально-классового анализа, а также научно обоснованного прогнозирования можно осуществлять соответствующую социальную *практику*, направленную как на разрушение существующих эксплуататорских систем угнетения, так и на созидание будущего общества на основе выявленных ростков и тенденций, которые изнутри взрывают нынешнее состояние и ведут к возникновению нового. Автор делает вывод, что наиболее важными заслугами Ленина в разработке социальной диалектики марксизма был конкретно-исторический анализ конкретной ситуации, понимаемой как тотальность, и возвращение активного, инициативного революционного субъекта в социально-историческую практику.

Ключевые слова:

Ленин, марксизм, материалистическая диалектика, тотальность, историчность, опережающее сознание, историческая инициатива, единство теории и практики, принцип «сосуществования», диалектика разрушения и созидания.

UDC 101.8

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_10

LENIN'S SOCIAL DIALECTICS

Pyotr N. Kondrashov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
pnk060776@gmail.com

Article received on February 25, 2021, accepted on June 16, 2021

For citation: Kondrashov, P.N. (2021). Lenin's social dialectics. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(2), 10-35. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_10

Abstract

The purpose of this article is to conduct a historical and philosophical analysis of the most important aspects of Lenin's dialectics of social processes and phenomena, understood both as a method and as a form of objective and subjective dialectics. The article considers basic provisions of Lenin's doctrine: the "core" of the dialectical method (the principle of the unity and struggle of opposites), the historical "spirit of Marxism" (consideration of any phenomenon as historical) and the class nature of social research. In terms of these fundamental provisions the structure of Lenin's social dialectics contains such necessary elements as the principles of historicity, concreteness, totality, the unity of theory and practice, reflection/representation, creative ("outstripping")

consciousness and simultaneous “coexistence” of higher and lower social forms and structures. In addition, Lenin’s social dialectics (as the dialectical unity of theory and practice) is examined in the light of its content, destructive in relation to capitalism and creative regarding construction of socialism. As a result of the study, the author formulates the definition of Lenin’s socio-dialectical and materialist method as a way of concrete historical research of specific social phenomena, processes and situations (totalities), by which real class contradictions are revealed in these social structures and mechanisms, and through the analysis of which the historical dynamics of social phenomena is explained, i.e. their emergence, existence, functioning and death (transition to another state). Finally, through this both scientific and social-class analysis, as well as scientifically based forecasting, it is possible to implement appropriate social *practice* aimed both at destroying existing exploitative systems of oppression, and at building a future society on the basis of identified sprouts and trends that blow up the current state from inside out and lead to the emergence of a new one. The author concludes that the concrete historical analysis of the specific situation, understood as totality, and reversion of an active, initiative revolutionary subject to the socio-historical practice were the most important Lenin’s achievements in the development of Marxist social dialectics.

Keywords:

Lenin, Marxism, materialist dialectics, totality, historicity, outstripping consciousness, historical initiative, the unity of theory and practice, the principle of “coexistence”, dialectics of destruction and creation.

Введение

В апреле 2020 г. исполнилось 150 лет со дня рождения В.И. Ленина. В связи с этой юбилейной датой и в России, и во всем остальном мире публикуется огромное количество научных, биографических, публицистических, художественных работ, посвященных самым разным сторонам деятельности этой многогранной личности поистине мирового масштаба. Здесь же нас будет интересовать только его *философия*. Ленин внес огромный вклад в развитие фактически всех элементов *философии марксизма* (и это в то время, когда многие марксисты считали, что *в марксизме нет своей собственной философии*). Но особое значение, на наш взгляд, имеет его разработка *материалистической диалектики*, осуществленная на всех направлениях: от методологии, диалектической логики и диалектики объективного материального мира до диалектики революционного процесса и диалектики построения социалистического общества.

В теоретическом и политико-практическом наследии Ленина диалектика, развиваясь и постоянно обогащаясь, принимала самые разнообразие формы. Обо всех этих перипетиях написано много работ. Однако прежде чем приступить к непосредственному анализу заявленной темы, следует обозначить метафилософский контекст рассмотрения. Дело в том, что мы различаем два, часто пересекающихся, часто противоположных взгляда на диалектику у самого Ленина. С одной стороны, это *объективно-сциентистская, онтологическая* диалектика природы, изложенная в «Материализме и эмпириокритицизме» (1909 г.),

восходящая через Г.В. Плеханова к позднему Ф. Энгельсу периода «Анти-Дюринга»; с другой – *субъектно-активистская* диалектика «Философских тетрадей» (1895–1920 гг., основной текст 1914–1915 гг.) и вообще *всей социально-политической деятельности* Ленина, восходящая к К. Марксу и Ф. Энгельсу, Н.Г. Чернышевскому, частью к идеям народников.

Первая форма ленинской диалектики была подхвачена сталинистами (М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, Я.Э. Стэн, В.Н. Ральцевич, Э.Я. Кольман) в конце 1920-х – начале 1930-х гг., вульгаризирована и закреплена в марксизме-ленинизме (диамат/истмат), в котором бессубъектная диалектика природы, действительно, была «распространена» на общество и историю (И.В. Сталин), чего не было ни у классиков, ни у Ленина, ибо они «шли другим путем»: от диалектики классов, способов производства и общественных формаций и исторического процесса к «диалектике всего» (у Энгельса). На Западе эта ленинская диалектика была, напротив, *творчески* развита в структуралистском (Л. Альтюссер, Н. Пуланзас, Э. Балибар, М. Годелье, Л. Гольдман, Ж. Рансьер) и аналитическом (Дж. Коэн, Ю. Эльстер, Дж. Ремер, Э.О. Райт) марксизме. Наиболее значимые советские исследования ленинской диалектики, представленной в «Материализме и эмпириокритицизме», мы находим в работах Б.М. Кедрова, З.М. Оруджева, Э.В. Ильенкова.

Вторая форма ленинской диалектики (весьма близкая к диалектике К. Маркса его раннего периода) имела продолжение в работах советских психологов (Л.С. Выготский, П.П. Блонский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, А.В. Брушлинский) и философов (Э.В. Ильенков, М.С. Каган, Г.С. Багицев, Э.Г. Юдин, Г.П. Щедровицкий, К.Н. Любутин), ориентированных на деятельностный подход. Такая активистская диалектика Ленина серьезно повлияла на А. Грамши, частью на Мао Цзэдуна, на идеологов национально-освободительных движений и левых радикалов середины XX столетия (Г. Маркузе, А. Негри, М. Тронти, Ж. – П. Сартр, Г. Дебор, Д. Бенсайд, Э. Че Гевара).

Детальное исследование всех форм диалектики (объективной, субъективной, социально-исторической, теории диалектики социализма) в ленинской мысли на разных этапах ее развития было в свое время представлено в монографии «История марксистской диалектики. Ленинский этап» (Курсанов, 1973). Специальную монографию проблеме «Ленин и диалектика» посвятил М.М. Розенталь (1963), где, наряду с идеологическим пустословием, встречаются и интересные моменты. Но судьбы ленинской диалектики и ее интерпретации в истории философии – тема отдельного разговора.

Несмотря на свое незнакомство с ранними текстами Маркса и зависимость своих философских взглядов от сциентистской линии Энгельса-Плеханова, Ленин сумел проникнуть в мысль молодого Маркса о *центральном месте активного субъекта в историческом процессе*, что полностью игнорировалось вождями II Интернационала с их линейным детерминизмом и «железными законами истории». Именно в этом и сказалась радикальная диалектичность социальной и политической мысли В.И. Ленина в противоположность и Ф. Энгельсу «Анти-Дюринга», и Э. Бернштейну с М. Адлером с их «кантианскими вариациями», и «рenegату» Каутскому с его дарвинистскими биологическими замашками, и большевикам-махистам во главе с А.А. Богдановым.

Именно отказ в революционной инициативе рабочему классу со стороны лидеров европейской социал-демократии в 1914 г., когда она поддержала Первую мировую войну, и шокировал Ленина. Этим, кстати, объясняется интересный биографический факт из его жизни: вместо того чтобы броситься в пучину борьбы, связанной с войной, Ленин в 1914–1915 гг. садится за изучение «Науки логики» Гегеля, т. е. за изучение его революционной диалектики.

Если в политической философии Ленин фактически всегда придерживался активистской позиции, то в онтологии и гносеологии стоял на объективистской точке зрения, особенно в «Материализме и эмпириокритицизме». Однако работа над гегелевскими текстами внесла и в эти сферы долю активизма. М. Бергфельд, говоря о «научном» марксизме вождей II Интернационала и их использовании диалектики, в несколько грубой манере констатирует: «Спасая диалектику от интеллектуальной помойки, Ленин также подтверждает примат человеческой воли в революционном процессе, что находит свое высшее выражение в его «Апрельских тезисах» (Bergfeld, 2012).

Поскольку ленинская диалектика, взятая в целом, многогранна не только в собственно научном и философском, но и в первую очередь в политическом и практическом смысле, что требует соответствующего многостороннего анализа, то в предлагаемой статье мы обратимся к *предварительному* анализу некоторых идей Ленина, относящихся только к его *социальной диалектике*. Поэтому наше разыскание изначально ограничено этими рамками и не претендует на всесторонность.

Диалектику (в ее целокупном ленинском понимании) можно рассматривать по крайней мере в трех *научных* смыслах, а именно как:

1) **свойство** неживой и живой природы, общества, культуры, психики и мышления развиваться через имманентные им противоречия и их снятие. Речь идет о так называемой *объективной диалектике*, в том виде, как ее понимал вслед за Ф. Энгельсом Ленин;

2) **учение** об этом свойстве бытия и особенностях его проявления в той или иной сфере бытия, а также система категорий и законов, посредством которых схватывается и отражается в мышлении объективная диалектика мира: «учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», то есть развития всего конкретного содержания мира и познания его, то есть итог, сумма, вывод *истории* познания мира» (Ленин, 1973b, с. 84) (так называемая *субъективная диалектика*; в широком смысле – *диалектическое мышление*, движение и развитие мыслей, понятий, которые отражают в сознании объективную диалектику);

3) **метод**, посредством которого исследуется объективный и субъективный мир.

В предлагаемой статье мы проанализируем только *некоторые аспекты ленинской диалектики социальных процессов и явлений* в оптике трех указанных «форм» обнаружения диалектики, полностью оставляя в стороне, «вынося за скобки» ленинскую онтологическую диалектику материи и сознания, известные всеобщие законы, ленинскую концепцию единства диалектики, логики и теории познания, диалектику естествознания и близкие к ним темы, в основном затронутые в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Заметим

только, что в свете исследований последних лет все эти темы требуют нового, более тщательного осмысления.

Исходные положения социальной диалектики Ленина

В качестве исходных пунктов, из которых далее разворачивается диалектика и диалектический метод Ленина, мы возьмем три его известных положения, касающихся ядра *диалектики, духа марксизма и классового (партийного) характера социальной науки*.

1. Ядро диалектики. «Вкратце, – пишет в 1914 г. Ленин (1973b), – диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития» (с. 203). Хотя здесь речь идет о диалектике как *учении*, но понятно, что у Ленина «учение» всегда неразрывно связано и с соответствующим *методом*, и с соответствующей *практикой*. В данном положении Ленин говорит о том, что составляет внутренний стержень диалектического научного метода исследования – обнаружение во всяком явлении *реально (онтологически) существующих внутренних и внешних противоречий и их синтезов* (Розенталь, 1963, с. 44). В приложении к исследованию социальных процессов для Ленина это «ядро» фундаментально означает требование экспликации, во-первых, *конкретных противоречий в развитии экономической структуры*; во-вторых, *классовых противоречий*, выраженных *объективно* в классовой борьбе и отстаивании классовых интересов, *субъективно* – в формах классового сознания.

Однако здесь возникает вполне разумный вопрос: а для чего вообще надо обнаруживать в социальных явлениях (процессах, состояниях, механизмах, структурах, отношениях, формах сознания, нормах, институтах) эти противоречия/противоположности и их единства/синтезы? Какова *цель* реализации, *применения этого принципа*? Явно же, что все это должно проделываться не ради «спортивного интереса». И не только для того, чтобы с умным видом сказать: «Вот, мол, посмотрите, как противоречив этот мир», или ради простой констатации факта: «Нью-Йорк – город контрастов».

2. Дух марксизма. На этот «прагматический» вопрос отвечает второе исходное положение, сформулированное в 1916 г. Лениным (1975) в одном письме Инессе Арманд, где он пишет: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» (с. 329).

Взятые вместе эти два исходных принципа, по сути дела, говорят, что, во-первых, через экспликацию противоречий необходимо выявлять *внутреннюю динамику, процессуальность* общественного бытия и сознания, т. е. обнаруживать их *историчность*; во-вторых, эксплицировать те тенденции, *ростки будущего*, которые постепенно *вызревают в настоящем*. Это полностью соответствует тому, как К. Маркс рассматривал свой метод. В одном из отзывов на первый том «Капитала» русский экономист Н. И. Зибер написал (и Маркс с ним полностью согласился): «Для него [Маркса], сверх того, еще важен закон их изменчивости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому... Его [«Капитала»] научная цена заключается в выяснении

тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим. И эту цену действительно имеет книга Маркса» (Маркс, 1960, с. 20–21). На это же обращает внимание и Г. Лукач (1990), анализируя революционную реальную политику Ленина, когда пишет, что для Ленина «диалектика и есть теория истории» (с. 117).

3. Классовый (партийный) характер социального исследования.

Синтезируя эти два исходных принципа (учение о противоречиях и историчности социального бытия), мы приходим к еще одному фундаментальному принципу марксистской диалектики – *принципу социальной ангажированности*, вовлеченности, захваченности ученого, исследующего те или иные общественные явления. В этом «субъективистском» моменте состоит *специфика* социальной науки, ее отличие от «объективистских» математических и естественных наук. В одном месте В. И. Ленин (1968) замечает: «Если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы» (с. 17). Обществознание, и тем более *исследование конкретного человека в конкретной ситуации*, не может не быть оценочным, личностно и социально ориентированным, ибо оно всегда так или иначе, сознательно или бессознательно, выражает *интересы* конкретных социальных групп, в которые включен или которым симпатизирует *исследователь как конкретный живой человек*.

У Ленина этот принцип был радикально *конкретно-историчным*, и связан не просто с констатацией очевидного факта социальной обусловленности исследования (даже, например, якобы «объективной» социологической или экономической статистики), а с анализом *конкретных классовых интересов и соответствующей им классовой борьбе*, прежде всего, конечно же, в России. Поэтому никакой «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся казенная и либеральная наука защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству. Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства – такая же... наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала» (Ленин, 1973а, с. 40).

У Ленина такая *политизация принципа социальной обусловленности знания* выступает в виде *тотальной диверсификации классового подхода*, сквозь оптику которого рассматриваются *любые явления*. Если Маркс и Энгельс говорили о *социальной обусловленности содержания нашего сознания* условиями нашего собственного существования («общественное бытие определяет общественное сознание»), что позже дало импульс развитию такой науки, как *социология знания*, то Ленин, безусловно, «перегнул палку», и вместо социальной детерминации содержания сознания сделал ставку на *классовый подход*.

Дело в том, что у него имеет место не только радикальная *политизация социальной философии*, но даже и онтология с гносеологией. В рамках истории философии классовая борьба, с точки зрения Ленина, обнаруживает себя в борьбе идеализма и материализма. Так, в 1894 г. 24-летний Ильич писал: «Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обяывая при всякой оценке события, прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (Ленин, 1958, с. 419). В 1909 г. он повторяет: «... за гносеологической

схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партии в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденцию и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад» (Ленин, 1961, с. 380). Стало быть, классовый интерес, по Ленину, *органически включен в философию*¹. «Ленин понимал, что *материалистическая диалектика* (и ее эпистемология) включает в себя *самодвижение* в вещах [*self-movement in things*], явлениях, процессах, а также *сознательную человеческую деятельность по преобразованию общества*. Стало быть, это не вопрос исторической диалектики идей, а скорее самодвижение и самотворение [*self-creation*] истории посредством социальных классов и индивидов» (Krausz, 2015, p. 355).

Таковы, на наш взгляд, исходные принципы ленинской социальной диалектики, применение которых мы обнаруживаем во всей его и теоретической, и практической деятельности.

Элементы ленинской диалектики социальных процессов

В структуре ленинского диалектического метода можно выделить следующие *необходимые* (конечно, не все, а только, на наш взгляд, наиболее важные, имеющие конститутивное значение) «моменты», без которых *диалектики (как метода) не существует*, но которые по отдельности *могут существовать и вне диалектики*, будучи самостоятельными методами или же моментами какого-либо другого метода исследования (Розенталь, 1963, с. 43–54).

1. Принцип историчности. Поскольку согласно и Марксу, и Ленину материалистическая диалектика в самой своей глубине представляет собой *науку истории* (Маркс, Энгельс, 1955, с. 16), первым в нашем анализе должен выступить *принцип историчности*, согласно которому *любое явление* исследуется как *развивающееся*, т. е. как нечто:

1) имеющее свое *прошлое*, вырастающее из синтеза внешних и внутренних противоречий этого прошлого;

2) налично существующее, фактическое (*настоящее*);

3) и уже за счет действия собственных противоречий выходящее за свои пределы и порождающее возможность некоторого будущего состояния (*будущее*).

В.И. Ленин (1970с) относительно этого замечает: необходимо «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (с. 67).

Поскольку мы поставили своей целью эксплицировать базовые элементы *социальной диалектики* Ленина, то в свете вышеизложенных идей можно сфор-

¹ Однако если уже ленинизм представлял собой радикально политизированный марксизм, всеми своими сторонами связанный с классовым подходом, то сталинизм, в свою очередь, гипертрофировал ленинский классовый подход до абсурда, когда, например, стали писать о *классовой математике, классовой садоводстве, материалистической диалектике кузнечного дела, подчинении интимной жизни классовой, революционно-пролетарской целесообразности*. И все это связывалось с «безошибочным классовым чутьем».

мулировать следующее определение социальной историчности (в ее отличии от историчности природной).

Социальная историчность – это единый, цельный темпоральный когерентный процесс развития, в ходе которого каждое новое поколение людей:

- застаёт некоторый *первичный* для себя социальный природно-предметный мир, созданный предшествующими поколениями;
- встраивается в материальные и идеальные структуры этого мира через его *практическое* и *теоретическое* освоение;
- затем под влиянием внутренних и внешних противоречий *изменяет* этот наличный мир (*настоящее*) посредством общественной преобразующей (революционной) деятельности;
- созидает *новое*, в котором сохраняются «следы» предшествующих ему состояний бытия (*прошлое*), т. е. *созидает* ранее не существовавшие отношения, структуры, предметы, свойства, формы деятельности, идеи, потребности, ситуации (*будущее*);
- передает этот *новый* мир следующему поколению, для которого преобразованный универсум снова выступит в качестве *первичной* естественно-исторической предзаданности.

2. Принцип конкретности. В силу того, что марксистская социальная диалектика (в отличие, например, от гегелевской) имеет дело не с абстрактными, а с *конкретными* социально-историческими явлениями, то «*основным принципом диалектики*» (Ильенков, 2015, с. 201) становится *принцип конкретного историзма*. Согласно этому принципу, социальные явления надо исследовать не с точки зрения неких «общих» законов, не «как таковые», а именно как *конкретные*, существующие эмпирически здесь и сейчас. И только затем можно абстрагироваться от конкретного и подняться до уровня абстрактного, например, до категории *общественной формации*. Причем это исследование, идущее *от конкретного к абстрактному*, всегда осуществляется в *диалектическом единстве* с противоположным по направленности методом – методом *восхождения от абстрактного к конкретному*. В рамках *подлинной* диалектики их *нельзя мыслить и применять в каком-то отрыве друг от друга*, как это зачастую делается.

Метод конкретного историзма – это метод движения мысли исследователя вслед за функционированием и развитием самого предмета исследования (социального явления), посредством чего схватывается место этого явления в целостном общественном организме и его историчность. В работах Маркса, и особенно Ленина (в применении к конкретным российским условиям), этот принцип означал движение исследования от анализа *повседневности (единичного)* через осмысление ее в структурах конкретной экономической, социальной, политической, культурной ситуации в той или иной стране (*особенное*) к включению ее в контекст господствующего способа производства и общественной формации (*всеобщее*).

Для наглядности применения этой конкретно-исторической диалектики единичного, особенного и всеобщего приведем следующий пример. Скажем, я каждое утро пью чай *Dilmah*. Это *явление*, феноменальная сфера бытия, поверхность бытия, по ту сторону которой находится *другая, более глубокая реальность*, позволяющая этому повседневному феномену *быть*: за моим чаепитием «*скрывается*» международная торговля, посредством которой чай, выращенный

на Цейлоне или в Индии, расфасовывается в Англии, оттуда экспортируется в Россию и попадает именно в тот магазин, куда я обычно прихожу за ним. В свою очередь, международная торговля оказывается *фундированной* в тотальном развитии товарного производства, которое детерминируется капиталистическим способом производства. Не будь этих *исторически* сформировавшихся бытийных условий и практик, ни о каком феномене *повседневного* чаепития не могло бы быть речи.

Таким образом, историчность моего чаепития (*явление*) становится понятной только тогда, когда эксплицируется *историчность* самой возможности этого феномена – стоящие по ту сторону многообразные формы человеческой деятельности (*сущность*). При этом цепочку исторических отсыланий можно выявлять до бесконечности: историчность самого процесса чаепития, даже самого чая как растения; историчность рынка, посредством которого он попал ко мне; историчность капитализма, породившего этот международный рынок; историчность денег, которые я трачу на покупку чая; историчность чайных чашек, фарфора, из которых они изготовлены, ложек, чайников, сахара, газовых плит и даже водопровода, доставляющего в мою квартиру воду для чая, мытья чашки и ложки.

Но и мое *личное* чаепитие также проходит ряд исторических («онтогенетических») ступеней, которые невозможно игнорировать при исследовании *этого конкретного* феномена. Когда-то чай для меня заваривали мама и бабушка, затем я научился делать это самостоятельно (и это тоже оказывается имеющим свою собственную историю как некий *период обучения*), после моей женитьбы этим станет заниматься сначала моя супруга, а потом дети и внуки.

Стало быть, здесь, помимо всего прочего, выявляется также *диалектика сущности и явления*, схватывается и *историчность явления*, и *погруженность его в конкретный контекст тотальности*. Более того, только реконструируя эту имманентную взаимосвязь конкретного (*моего чаепития*), особенного (включенность в контексты российской действительности) и всеобщего (включенность в систему мирового капиталистического рынка), мы достигаем понимания этого конкретного, т.е. «постигаем специфическую логику специфического предмета» (Маркс, 1955а, с. 325). В 1920 г. Ленин (1977b) дал весьма экспрессивное, «экзистенциальное» определение центрального методологического момента конкретности и в науке, и в политике: «самая суть, в чем *живая душа* марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации» (с. 136).

Если углубляться еще и в социально-классовый анализ данного феномена, то, безусловно, можно было бы выявить классовые различия между мною (потребляющим дешевый чай) и представителем высшего общества (для которого то, что я пью, – помой). Само собой разумеется, что подобная ситуация, с одной стороны, фундируется в социальной структуре конкретного общества, национальных культурных практиках и соответствующем способе производства; с другой – она конституирует и соответствующие эмоциональные отношения человека к миру: у одного как существа забытого, подавленного, обесчеловеченного, у другого как существа «высшего». Но в обоих случаях существа *отчужденного*.

Именно такого рода *экзистенциально наполненный классовый анализ* мы находим и у основоположников (см. «Положение рабочего класса в Англии» молодого Ф. Энгельса и «Капитал» К. Маркса), и у В.И. Ленина. Более того, та-

кая экзистенциальная составляющая марксистского анализа как раз и связывает теорию с революционной практикой. Как справедливо пишет Т. Краус в ответ на заявления о «жестко линейной» концепции истории в марксизме в целом и у Ленина в частности: «В социальной теории Ленина *история открывает множество возможностей*. Поэтому искусство революционной политики заключается в осознании [*recognizing*] и поиске пути среди *альтернатив*. Такой выбор «с точки зрения пролетариата», конечно, не всегда означает выбор наиболее радикального революционного действия, ибо отправной точкой может быть только то, что *конкретно возможно* [*specifically possible*]. По мысли Ленина, предпосылка для определения того, что *возможно*, а что нет, заключается в историческом, *конкретном* анализе политических отношений и соответствующих классовых отношений» (Krausz, 2015, p. 365).

3. Принцип единства теории и практики. Все вышесказанное означает, что с точки зрения ленинской диалектики *необходимо исследовать констелляцию конкретных исторически сложившихся социальных (прежде всего классовых) условий, процессов и явлений*. А поскольку марксизм – это «не догма, а руководство к действию» (Ленин, 1977а, с. 55), то в социальной диалектике Ленина огромное значение приобретает *анализ ситуации*, ведущий к соответствующей практике. Именно *активистская* позиция классического марксизма и ленинизма (и всех подлинно ленинистских форм марксизма XX–XXI вв.), изначально фундированная в *единстве теории и практики*, радикально отличает марксизм от всех иных философских концепций. Более того, в свое время Л. Альтюссер, опираясь на Ленина и Мао, заявил, что марксистская философия – это, по сути, уже и не наука, и не теория теоретической практики, как он считал ранее, а «в последней инстанции – *классовая борьба в теории*» (Althusser, 1976, p. 37). Примерно в этом же смысле высказывался и Б. Брехт, когда говорил, что в *бурные времена письменные столы философов превращаются в баррикады*.

Выше мы уже говорили о радикализации классового подхода в ленинизме. В политическом аспекте эта радикализация была характерна для всех форм большевизма, но у Ленина она приобрела всепронизывающий характер (Русакова, 1995). Например, синтез теории и практики удивительным образом обнаруживает себя уже в самых ранних работах Ленина в том, что сугубо *технические* вопросы, скажем, по поводу используемых крестьянами видов плугов, он сначала превращает в вопросы *социальные*, а затем в *классовые*, делая соответствующие *практические* выводы для классовой борьбы. Поэтому А. Негри совершенно справедливо заключает, что «определение диалектики как производства является высшей точкой ленинского анализа. В заключение подчеркнем удивительную оригинальность этого прочтения Гегеля. Она и свежа, и тепла, и глубина ее несравненна, особенно когда... Ленин использует парадоксальный практический перевод диалектики, позволяющий ему (а позднее Мао) превратить ее в оружие пролетариата» (Negri, 2014, p. 177). И. Херманн (ученик Г. Лукача) пишет, что «в своем мышлении, в своей теоретической и политической деятельности Ленин, по всей видимости, под влиянием Гегеля концентрировался на целом, на тотальности, соединив идею и практику изменения сознания и мира» (Hermann, 1978, p. 182).

4. Принцип тотальности. Следующий необходимый элемент материалистической диалектики связан с необходимостью рассматривать конкретные

социальные явления как внутренне взаимосвязанные, с одной стороны, со всеми иными социальными процессами, институтами и т. д., с другой – в их взаимосвязи с природой. В этом смысле любое социальное явление оказывается и *структурно-функциональным*, и *конститутивным*, и *генетическим* (порожденным другими явлениями и порождающим другие явления) *элементом когерентного целого – тотальности*. Поэтому все социальные явления должны исследоваться как *взаимодействующие внутри целостности*. Отсюда следуют два взаимосвязанных принципа:

– *принцип тотальной взаимосвязи (взаимодействия)*: любое общественное явление рассматривается как: 1) результат взаимодействия; 2) система, состоящая из взаимодействующих элементов; 3) одна из сторон взаимодействия с другими явлениями; 4) динамическая причина возникновения других взаимодействий и явлений;

– *принцип тотальности (целостности)* – принцип материалистической диалектики, согласно которому всякое общественное явление рассматривается как структурно-функциональная часть органического целого, социальной системы, общества.

Целостность, тотальность (*Totalität, Gesamtheit, Integrität*) – это, с одной стороны, *внутренняя собранность, структурно-функциональное органическое единство всех элементов какой-либо системы* (предмета, процесса, личности, состояния), при котором каждая часть сохраняет свою специфику, а их целокупность получает новые дополнительные качества, не сводимые к простой сумме качеств элементов; с другой стороны, *внешняя всеохватность, полнота и каузально-телеологическая взаимосвязанность всех элементов системы*, внутреннее единство человеческого, социального мира.

Именно в этом смысле Г. Лукач (2003) и выдвигает свои *методологические* идеи о фундаментальном значении категории *тотальности* для познания. Маркс, пишет он, разработал «совершенно новую науку [науку истории]», положив в ее основание «точку зрения тотальности» (с. 128). «Точка зрения тотальности... определяет не только предмет, но также субъекта познания. Буржуазная наука рассматривает явления общества – сознательно или бессознательно, наивно или изоциренно – всегда с точки зрения индивида. А с точки зрения индивида нельзя разглядеть никакой тотальности, в лучшем случае можно увидеть аспекты отдельной области, а по большей части – лишь нечто фрагментарное: разрозненные «факты» или абстрактные частные законы. Тотальность предмета может быть положена лишь тогда, когда полагающий субъект сам является тотальностью. Когда полагающий субъект, чтобы мыслить самого себя, вынужден мыслить предмет как тотальность» (с. 128). «Стало быть, конкретно изучать общество – это значит соотносываться с обществом как целым. Ибо только при таком соотношении конкретное сознание, которое имеют люди относительно своего существования, проявляется во всех своих существенных определениях» (с. 128).

Г. Маркузе (2000) совершенно справедливо связывает принцип тотальности в марксистской диалектике с принципом конкретного историзма, когда пишет, что «диалектический метод по самой своей природе становится методом историческим» (с. 400). Дело в том, что любые явления, факты, вещи всегда включены, «встроены» в более обширные структуры и системы, всегда оказываются некоторыми определенными *частями* некоторого *целого*, которое, в свою очередь,

оказывается частью более обширного конкретно-исторического контекста (как это мы продемонстрировали в анализе чаепития). «Любой факт, – продолжает Маркузе, – можно подвергнуть диалектическому анализу... Однако любой такой анализ приводит к рассмотрению структуры общественно-исторического процесса и показывает, что этот процесс является определяющим для тех фактов, которые анализируются. Диалектика воспринимает факты как элементы определенной исторической тотальности, от которой они не могут быть изолированы» (с. 400).

В январе 1921 г. В.И. Ленин в статье «Еще раз о профсоюзах», критически развивая мысль Н.И. Бухарина о «вреде односторонности», которую тот проиллюстрировал на примере, что стакан – это и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья, пишет:

«Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное.

Далее. Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно неважно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан, и т.п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т.д. <...>.

Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении. По отношению к стакану это не сразу ясно, но и стакан не остается неизменным, а в особенности меняется назначение стакана, употребление его, связь его с окружающим миром. В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» (Ленин, 1970а, с. 289–290).

Г. Маркузе (2000), комментируя это рассуждение, пишет, что, ссылаясь на пример со стаканом воды, Ленин подчеркивает, что «вся человеческая практика должна войти в «определение» объекта»; следовательно, независимая объективность стакана с водой исчезает. «Любой факт можно подвергнуть диалектическому анализу только в той мере, в какой этот факт испытывает на себе влияние антагонизмов социального процесса» (с. 400).

М. Бри (2017) относительно этой дискуссии о профсоюзах и нового в социальной диалектике Ленина пишет: «В одном из центральных пунктов Ленин раз-

вивает позицию, идущую принципиально дальше его прочтения Гегеля в 1914-м. Он приходит к новому пониманию противоречий. В 1914-м и в последующие годы на переднем плане находился прежде всего *антагонистический* характер противоречий: то, что выигрывает одна сторона, другая неизбежным образом должна проиграть. Здесь мы имеем дело с «или-или». Но в дискуссии о профсоюзах Ленин вводит такой тип противоречий, при котором положительно развиваются обе противоположные стороны, взаимно друг друга усиливают и друг другу способствуют. Это можно также назвать «солидарным опосредованием противоречий», в отличие от их антагонистического развертывания» (с. 113).

Более того, надо учитывать и то, что для Ленина история была «не абстрактным целым [whole], не объектом изучения, а инструментом, с помощью которого можно обнаружить те элементы и тенденции, которые необходимо продолжить и изменить в разгар «коллапса»... Он пришел к такому пониманию тотальности, согласно которому *целое* состоит из различных противоречий, раскрывая которые, можно обнаружить элементы, непрерывные и прерывистые процессы [*continuous and discontinuous elements*] в движении истории. При таком понимании «социальная революция», то есть «качественный скачок» [*“qualitative leap”*], становится органичной и неотъемлемой частью истории «современного общества», что Ленин считал одним из важнейших выводов марксизма» (Krausz, 2015, p. 355–356).

5. Принцип отражения/репрезентации. Следующий необходимый принцип, вытекающий из самого понятия взаимодействия между социальными явлениями внутри тотальности, предполагает рассматривать социальное явление как открытую (отражающую) систему, т. е. как нечто, определенным образом *реагирующее* на воздействие другого явления и (через соответствующие изменения тех или иных свойств или состояний) репрезентирующее (воспроизводящее) особенности воздействующего явления в своих морфологических или внутренних структурах.

Помимо всего прочего, в марксистской (в том числе ленинской) диалектике социального бытия этот принцип имеет особый, специфический смысл: *сознание отражает, репрезентирует бытие. Онтологически* это положение означает, что, *в конечном счете*, мы большей частью мыслим, думаем о том, что нас окружает, в каких условиях мы живем, что мы делаем, с кем вступаем в отношения, *какими* вещами пользуемся и т. д. Иными словами, *предметом* нашего сознания, так или иначе, всегда оказывается *наше собственное существование, бытие*. Именно это имеют в виду К. Маркс и Ф. Энгельс (1955), когда пишут: «Сознание [*das Bewusstsein*] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [*das bewusste Sein*], а бытие людей есть реальный процесс их жизни» (с. 25).

Это *онтологический* аспект диалектического принципа отражения в сфере социального бытия. *Методологический* аспект данного принципа можно представить в виде трех взаимосвязанных «правил»:

1) При исследовании того или иного социального феномена надо всегда выявлять описанный выше общий механизм детерминации содержания сознания условиями существования (тут можно вспомнить знаменитую «пятичленку» Г.В. Плеханова, описывающую цепочку детерминаций от степени развития производительных сил до эстетического мировосприятия).

2) При реализации этого правила надо придерживаться *материалистической* линии: «Мышление определяется бытием. Это значит, что одно дело – действительные отношения людей, существующие фактически в материальной действительности, другое дело – сознание о них. Это сознание не является первоначальным, но обусловлено, определяется действительно существующим строем общества и всеми материальными условиями, в которых живут люди. Надо уметь изучать именно действительные общественные отношения, как они существуют на самом деле, не смешивая их с тем, что люди о них думают, с представлениями людей» (Адоратский, 1961, с. 444). Стало быть, надо методологически разграничивать два онтологических модуса *действительного жизненного процесса* (Маркс, Энгельс, 1955, с. 25, 36): *действительно существующие отношения* и *то, что о них думают люди*.

3) Наконец, в рамках механизмов репрезентации необходимо учитывать и диалектику сущности, и явления, т. е. применять принцип материалистической диалектики, в рамках которого один и тот же объект рассматривается в качестве и явления, и сущности: за всяким явлением социальной жизни стоит сущность, а именно та или иная форма *социально-исторической практики, конкретная человеческая деятельность*, результатом осуществления которой и оказывается данное конкретное социальное явление. Потому что «общественная жизнь является по существу *практической*» (Маркс, 1955b, с. 3).

б. Механизм творческого («опережающего») сознания. Поскольку речь идет о диалектике, то уже сама фиксация процесса репрезентации, отражения общественного бытия в содержании и структурах общественного сознания с необходимостью предполагает и *противоположный процесс влияния общественного сознания на содержание и структуры общественного бытия*. Эти два процесса должны всегда рассматриваться в своем единстве, о котором говорил Ленин, фиксируя «ядро диалектики». К сожалению, многие вульгаризаторы марксизма и ленинизма догматически и односторонне (т. е. *метафизически*) ориентировались только на принцип отражения, на ту онтологическую и гносеологическую концепцию сознания, которая была представлена Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», и сводилась к пассивному механизму «фотографирования». Сталинская версия ленинизма сделала ставку именно на эту пассивность не только в философии, но и в политической практике, за что его («марксизм-ленинизм») критиковал А. Паннекук, который прямо связывал теорию отражения и сталинскую практику партийного руководства рабочим классом и крестьянством, как будто бы сами рабочие – это дети или недоумки, которых надо вести к социализму за руку.

Однако если мы возьмем «Философские тетради», и тем более *конкретно-исторические и социологические* работы, то увидим, что в них Ленин, напротив, учитывая роль собственно репрезентативного (пассивного) отражения, на *первое место* выводит диалектически необходимый *противоположный процесс* – *активное созидание мира сознанием*. Ленин (1973b) прямо пишет: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (с. 194). Человеческое сознание – это всегда рефлексивно-интенциональный, отражающе-предвосхищающий, пассивно-активный психический акт, внутреннее содержание момента активности которого не сводится к абстрактному «*обратному влиянию сознания на бытие*».

Достаточно обратиться к *повседневной* жизни, чтобы убедиться в этом: да, безусловно, *содержание* нашего сознания *определяется*, «*наполняется*» тем, как, с кем, где, среди каких вещей и в каких отношениях мы живем в этом мире. Но, с другой стороны, мы, осмысляя («отражая») это существование, размышляя над тем, *как мы живем*, скажем, находим это существование *неудовлетворительным* и в соответствии со своими представлениями («идеалами») о *лучшей* форме бытия *изменяем, преобразуем* свою наличную повседневную жизнь (например, изменяем наши отношения с коллегами, заводим кота, женимся или делаем ремонт).

Собственно говоря, здесь речь идет и о том, что П. К. Анохин назвал *опережающим, превосходящим сознанием* (в отличие от сознания *отстающего, репрезентативного*), и о том, что именуется *воображением, фантазией*, и что будучи связанным с научным исследованием называется *прогнозированием*. Сегодня зачастую потешаются над понятием *научный социализм*, которое в свое время ввел Ф. Энгельс. Но именно в этом понятии (которое обозначает только то, что видение будущего, его *прогноз*, а не «предсказание», формируется не на основе наших фантазий о желаемом лучшем общественном устройстве, а на выявлении путем *научного* анализа тех тенденций, которые содержатся в противоречивом настоящем и которые указывают возможные альтернативы развития общества) как раз и схватывается то, что в социологических и политических работах и практике Ленина получило свое непосредственное воплощение.

7. Принцип «сосуществования» – принцип марксистской диалектики, согласно которому при возникновении более развитых и сложных форм бытия и сознания в них *снимаются* менее развитые формы и существуют в них в качестве «моментов», элементов новой сложной органической целостности, но при этом сами эти менее сложные и развитые формы *не исчезают* после своего включения/снятия в более развитые системы.

На этот момент ленинской диалектики обратил внимание японский логик и философ-марксист Мита (Амакасу) Секисуке. Так, он пишет: «Обсуждая «монополию», Ленин говорит, что *свободная конкуренция* является фундаментальной характеристикой товарного производства и капитализма, и что эта фундаментальная характеристика товарного производства сводится на нет, становясь ее противоположностью в *монополии*. Но при этом Ленин пишет, что *монополия возникает из свободной конкуренции*, более того, *монополия существует наряду со свободной конкуренцией*, на вершине свободной конкуренции, и по этой причине противоречия эпохи империализма являются еще более сложными и резкими. Стало быть, говоря о монополии, это не означает, что *существует только монополия*. Она *существует наряду со свободной конкуренцией на основе свободной конкуренции*» (Mita, 1977).

Принцип одновременного сосуществования систем различного структурного, технического, социально-исторического уровня впервые был использован Лениным в одной из его самых ранних (написана в 1893 г., опубликована в 1937 г.) работ «По поводу так называемого вопроса о рынках», где он, критикуя народников, показывает, что в российской реальности имеет место *наслоение* различных способов производства и хозяйственных укладов друг на друга, т. е. *многоукладность*. В работе 1894 г. «Что такое «друзья народа»...?» Ленин выделяет феномен многоукладности («пережитков» феодализма и холопства

в системе нарождающегося капитализма) как специфическую черту, историческую особенность российского капитализма, а в опубликованной в 1899 г. книге «Развитие капитализма в России» «его анализ сочетания барщины и капиталистической экономики после реформ 1861 г. представляет собой полностью зрелую часть работы» (Krausz, 2015, p. 84).

Подобную же *социальную диалектику сосуществования* Ленин применял, например, для анализа культурного развития широких народных масс в 1920-е гг., обосновывая необходимость проведения *культурной революции* и элиминации «пережитков прошлого». Самое интересное состояло в том, что Ленин, по сути, выступил тогда *против пролетарских авангардистов* в защиту классического культурного наследия. «В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо... Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоящей черной работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы» (Ленин, 1970d, с. 363–364)². И еще: «... нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т. п. В вопросах культуры торопливость и размахистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошоенечко на ус» (Ленин, 1970b, с. 389)³.

Собственно говоря, у Ленина речь идет о достаточно обыденных вещах, но они зачастую упускаются при использовании диалектического механизма *снятия* (*die Aufhebung, das Aufheben*), который фиксирует момент *преемственности* в процессе *развития* от низшего к высшему. Так, в вульгарном марксизме эта преемственность трактуется в том смысле, что в более высокой форме предшествующие формы низшего порядка *исчезают*. Например, при появлении диалектической логики в ней *снимается* (и ею *поглощается*) логика формальная. На самом деле, отмечает Мита Секисуке, такая позиция больше характерна для Гегеля и Сартра. У Маркса же, Энгельса и Ленина формальная логика (аналитический метод) *сосуществует* наряду с логикой диалектической (Mita, 1977).

² В свете этих положений становится понятно, что «культурные революции» в Китае (при Мао) и Кампучии (при Пол Поте) никакого отношения ни к ленинизму, ни к марксизму не имеют, а только *дискредитируют* их.

³ Думается, что в эпоху нынешнего роста на Западе разного рода ЛГБТ- и *queer*-движений (особенно в среде «юных литераторов» и левых) Ленин, безусловно, подобных слов бы не сказал. Широко известно его негативное отношение к идеям авангардистов, сексуального раскрепощения, радикальным (на *тот момент*) феминистским проектам А. Коллонтай и К. Цеткин, к концепциям «секса как стакана воды», «половым заповедям революционного пролетариата» и «обобществлению жен». В 1990 г. П. Готфрид опубликовал книгу *The strange death of Marxism* («Странная смерть марксизма»); сейчас бы он, наверное, переименовал ее в *The queer death of Marxism*. Вообще вопрос о соотношении марксизма и различных *queer*-движений, именующих себя «марксистскими», – тема отдельного исследования.

В середине XX в. этот ленинский принцип эвристически применили, например, В. Райх, Э. Фромм и Э. Блох (в своей концепции *неодновременности*) для анализа причин широкой поддержки нацистов в Германии и их победы на парламентских выборах 1932 г.

В этом контексте постленинских исследований следует заметить, что идея Ленина о необходимости «привнесения» социалистических идей в рабочий класс «извне» связана как раз с укорененностью российских рабочих конца XIX – начала XX вв. в деревенской, «мелкобуржуазной» жизни, т. е. определена социальной и духовно-эмоциональной *неодновременностью* – противоречием в их повседневности между городской жизнью пролетария и сохранившейся тесной связью с жизнью сельской, с общинным крестьянским укладом. Поэтому Октябрьская революция оказалась *рабоче-крестьянской* не только по классовому составу революционного субъекта, но и в силу социальной диалектики *неодновременности* (связь с деревней) и *одновременности* (городской быт и фабричный труд) в жизни российского пролетариата.

Ленинская диалектика разрушения/созидания: взгляд Николая Бухарина

Социально-историческая диалектика Маркса была, по сути дела, *негативной, разрушительной и ограниченной* в плане своего конкретно-исторического содержания. В последнем случае речь идет не о формально-методологических процедурах диалектической логики, а об историческом материале, который исследуется посредством диалектического инструментария. Дело в том, что *содержательно* анализ Маркса *заканчивается* теоретическим обоснованием необходимости диктатуры пролетариата. Ленин же работает уже с совсем другим «материалом», не только *теоретически*, но и *практически*.

Н. И. Бухарин (1988) следующим образом эксплицирует в 1924 г. то новое, что привнес Ленин в материалистическую диалектику:

1) Если мы будем, рассуждает он, под марксизмом понимать *систему методов исследования общественных явлений*, «тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собою разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизирующее методологию марксова учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм есть полный *возврат* к тому марксизму, который был сформулирован самими Марксом и Энгельсом» (с. 61).

2) Если же под марксизмом мы будем понимать *определенную сумму идей* относительно *конкретных* исторических общественных явлений, то в таком случае «совершенно ясно, что ленинский марксизм есть поле гораздо более широкое, чем марксизм Маркса. Понятно почему. Потому что к той сумме идей, которая была тогда, прибавилась, как результат анализа совершенно новых явлений, совершенно новой исторической полосы, новая сумма конкретных положений. В этом *условном* смысле ленинизм есть вывод за грань марксизма» (с. 61).

Отсюда и то *новое*, что, с точки зрения Н. И. Бухарина (1988), дал марксизму Ленин: «диалектика истории такова, что когда мы стали у власти, то... стал необходим другой аспект, как практический, так и теоретический. Ведь нам надо, с одной стороны, разрушить, а с другой – *построить*. Мы должны

были поставить перед собой ряд таких вопросов, которые бы нам дали *синтез этого разрушения старого и построения нового и синтез этих аспектов в некотором едином целом*... В.И. Ленин этот синтез дал... Совершенно ясно, что *это есть самое новое, самое значительное в том, что дал ленинизм как теоретическая система в дальнейшем развитии марксизма*» (с. 63).

«Если теперь мы спросим себя, как мы можем характеризовать в общем и целом историческое лицо этого *ленинского* марксизма, то мне кажется, что его можно рассматривать как соединение, как *синтез тройкого порядка*. Во-первых, это есть возврат к марксовской эпохе, но не просто возврат, а *возврат, обогащенный всем новым*, т. е. это – синтез марксизма Маркса со всеми результатами анализа новейших социально-экономических явлений; сюда входит, следовательно, марксистский анализ всего колоссально нового, что дает нам новая эпоха. Это во-первых. Во-вторых, это есть соединение и *синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса*, и, в-третьих, это есть синтез *разрушительной и созидательной* работы рабочего класса, причем последнее обстоятельство мне кажется наиболее важным» (Бухарин, 1988, с. 62).

Общее определение ленинской социальной диалектики

Итак, с точки зрения *Ленина* существует только конкретно-исторический социальный мир (тотальность), обладающий имманентной логикой развития, понять которую можно, только исследовав *конкретность* этого мира в его противоречиях и динамике (то, что Ленин называет каждый раз *ситуацией*). Поэтому *объективная* социальная диалектика – это *имманентная динамика самого общества*, его *развитие* из внутренних противоречий, которые возникают не логическим, а *историческим* путем.

Как научный метод материалистическая социальная диалектика – это *способ и инструментарий исследования* материальных (бытие) и идеальных (сознание) социальных явлений, посредством которого в этих явлениях:

– путем эмпирического анализа выявляются *реально (онтологически) существующие внутренние и внешние противоречия*, синтез которых приводит к *изменению, развитию* этого объекта как в количественном (*эволюция*), так и в качественном (*революция*) отношениях;

– через анализ борьбы этих противоречий и противоположностей (прежде всего *классовых*) объясняется *историческая динамика* самих социальных явлений, т. е. их возникновение, существование, функционирование и гибель (переход в иное состояние);

– «внутри» *перехода от существования к гибели* этот метод позволяет увидеть те ростки, моменты и тенденции, которые изнутри разрушают нынешнее состояние и ведут к возникновению *нового* (например, ростки капитализма в «теле» европейского феодализма в XIV–XV вв. или современные формы некапиталистических, нетоварных отношений в структуре глобального капитализма, которые приведут к посткапитализму);

– сам процесс исследования внутренних и внешних противоречий некоего социального явления представляет собой *конкретный анализ конкрет-*

ной ситуации, а не применение каких-то застывших, абстрактных «матриц» и «концептов», пригодных «на все случаи жизни»;

– все это позволяет делать реалистические научно обоснованные *прогнозы* (а не «предвидения» и «озарения») относительно альтернатив развертывания как ближайшего, так и самого отдаленного будущего;

– наконец, посредством этого, и научного, и социально-классового анализа, а также научно обоснованного *прогнозирования* можно осуществлять соответствующую социальную *практику*: как *разрушительную* (по отношению к капитализму), так и *созидательную*.

Это то, что Э.О. Райт назвал в марксизме (понимаемом как *эмансипативная наука*) *социально-критической освободительной функцией*. Задачами этой науки, говорил он своим студентам, являются:

«1) осуществление [*elaborating*] систематической диагностики и критики существующего мира;

2) прогнозирование [*envisioning*] жизнеспособных альтернатив;

3) разработка [*developing*] теории трансформации. Первая из этих задач говорит нам, *почему мы хотим покинуть мир, в котором мы живем*; вторая говорит нам, *куда мы намереваемся идти*; и третья говорит нам, *как добраться отсюда туда*» (Wright, 2008, p. 2).

В любом случае ленинская мысль движется в русле дальнейшего развития 11-го тезиса Маркса о Фейербахе. Но Ленин радикализует положение основоположника в субъектно-активистском ключе, диалектически синтезируя теорию и практику. *Единство «конкретного анализа конкретной ситуации»*, осуществленного на основе всех вышеперечисленных принципов (*теория*), и вытекающего из него «руководства к действию», реализуемого активным субъектом и воплощаемого в революционном разрушительно-созидательном преобразовании социальных структур (*практика*), и есть, собственно, *целкупная ленинская диалектика социальных процессов*.

В современных условиях для многих стран и даже целых регионов мира в Африке, Азии и Латинской Америке, где еще существует доиндустриальное общество, а также бесчеловечные условия, порожденные постколониальным капитализмом, именно ленинизм *оказывается наиболее релевантной формой революционной марксистской теории и практики*. И именно ленинизм (с соответствующей национальной спецификой) в ближайшем будущем будет для этих обществ *актуальной разрушительно-созидательной перспективой*.

И в этом отношении переоценить значение ленинского марксизма (речь идет именно о *марксизме Ленина*, а не о «марксизме-ленинизме») невозможно. И связано это значение даже не столько с ленинским развитием и обогащением теории и методологии социальной диалектики марксизма, сколько с *практическим и политическим возвращением в марксистскую науку человеческой инициативы, опережающего сознания* (в противовес сознанию «отражающему», «фотографирующему», пассивно-рефлексивному), действительного живого *активного субъекта*, человека (в лице пролетариата) как *творца истории*.

Именно на этом построена вся деятельность Ленина, который «вновь вернул марксизму его революционную жизнь... благодаря возврату к его сути... исторической инициативы... В борьбе со всевозможными формами догматиз-

ма, ведущего к историческому фатализму, экономизму, стихийности... Всем толкованиям марксизма, которые под предлогом объективности смешивают «научную» историю с той историей, где будущее начертано заранее и где человек отсутствует, *Ленин противопоставлял подлинно марксистское понимание исторической перспективы*» (Гароди, 1994, с. 6).

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, можно, пользуясь диалектикой общего, особенного и единичного, сделать следующие выводы.

Во-первых, ленинизм (как и марксизм в целом) представляет собой уникальное явление в мировой истории, в рамках которого диалектически, органически и пластично синтезируются «теория» и «практика». Со стороны «теории» это – *мировоззрение* (как система представлений о мире, человеке, месте человека в этом мире и о том, что должен делать человек в этом мире), *наука* и *социально-ангажированный (классовый) анализ*. Со стороны «практики» – *политическая деятельность* (партия, программа, тактика и стратегия, политическое участие, вовлеченность), *разрушительная практика* по отношению к капитализму-империализму, *созидательная практика*, направленная на построение некапиталистического⁴ общества.

Во-вторых, ленинское понимание социальной диалектики ориентировано (помимо всего прочего) на *целостное, конкретно-историческое и конкретно-классовое видение ситуации*. Фундаментальное в ленинской диалектике – *учитывать постоянно меняющуюся и развивающуюся констелляцию конкретных условий* (в которых одновременно сосуществуют «моменты» из разных исторических эпох), т. е. видеть всеобщую связь явлений, диалектику сущности и явления, включенность *конкретного* объекта/процесса во внутренне противоречивое целое, а также *историчность этого целого*; не только анализ того, как возникла и развивалась конкретная социальная реальность, но и *какова динамическая перспектива ее дальнейшего развития*.

И вот в этом пункте мы подходим к самому важному в ленинской версии марксистской диалектики. Это не только *«точка зрения тотальности»*, не только *конкретно-исторический анализ конкретной ситуации*, а в первую очередь *возвращение инициативного революционного субъекта в социально-историческую практику*. По сути дела, в противоположность деятелям II Интернационала, считавшим грядущую социалистическую революцию само собой «автоматически» осуществляющимся в силу исторической необходимости сугубо объективным социальным процессом, Ленин в своей социально-политической диалектике вернул в марксизм *субъекта, субъектное измерение* социального бытия. Чего только стоит его знаменитый анализ субъективного фактора в революции (Ленин, 1969, с. 218–219; Ленин, 1977а, с. 69–70). Отказываясь от «автоматизма» и фатализма вождей II Интернационала, Ленин дал рабочему движению то, что сегодня не совсем правомерно называют *утопией, утопическим сознанием*: об-

⁴ Подчеркнем, что не-капитализм (а советское общество не было капиталистическим вообще и неким «государственным капитализмом» в частности) вовсе не означает с необходимостью социализм.

раз справедливого человеческого будущего общества, которое наступит не «само собой» в силу абстрактной «исторической необходимости», а *должно быть создано самими людьми, ибо люди и есть творцы своей собственной истории*⁵.

В-третьих, ленинская диалектика – это не просто синтез теории и практики в их «больших нарративах», она существует не только в высокой теории и на уровне государственной практики. На самом деле социальная диалектика Ленина предельно *приземлена*, она «работает» и на повседневном уровне. Любому человеку стоит поучиться у Ленина органическому, пластическому рассмотрению *любого явления сквозь призму его включенности в целостную структуру конкретных отношений и условий*. И самым простым примером такого рассмотрения, как мы видели, является ленинский анализ *стакана воды*, – анализ, над которым сегодня зачастую просто потешаются, не понимая его внутренней глубины. Умение «схватывать» целое в его развивающихся противоречиях и скрытых взаимосвязях нужно и школьнику со студентом для понимания внутренней взаимосвязи между изучаемыми предметами, и учителю с преподавателем для понимания «предметных взаимосвязей», но прежде всего государственному деятелю, ученому, организатору, директору завода, начальнику цеха, бригадиру, директору школы, классному руководителю, воспитателю в детском саду, родителям в семье и т. д.

На основе ленинской версии марксистской диалектики мы можем создавать не только научные методы и концепции, не только разрабатывать когерентные учебные планы, не только руководить государством или предприятием как *целостностью*, включенной в связи с другими целостностями (что разучились делать нынешние руководители, принимающие законы, которые не имеют никаких системных связей со всеми остальными сторонами целостности⁶), но и развивать практики «менеджмента» на самых различных уровнях – от ин-

⁵ Однако распространена и противоположная точка зрения на ленинское понимание роли масс в революции, которая впервые, наверное, была четко сформулирована бывшим другом и соратником Ильича А. Н. Потресовым, который, анализируя ленинскую книгу «Что делать?», писал, что у Ленина «революционер превращался в демиурга истории, а пролетариат... оставался в положении объекта, первосортного материала, вне рядов подлинных творцов революции» (Потресов, 1906, с. 281).

⁶ Например, проект увеличения материнского капитала. Дело, безусловно, хорошее. Но возникает вопрос: что будет с детьми, которые родятся в ближайшие 5–10 лет? Где они будут учиться, работать? Увеличивая материнский капитал, надо принимать меры по развитию, скажем, начального и среднего профессионального образования на 10–20–30 лет вперед. Надо подготавливать почву для того, чтобы через 15–20 лет были рабочие места. Надо предвидеть бум на рынке недвижимости: эти дети через 20 лет будут создавать свои собственные семьи, и им будет нужно жилье. Стало быть, надо предпринимать шаги по подготовке огромных масс воспитателей яслей и детских садов, учителей и т. д. Любое социальное явление – явление *системное*, структурно-функционально связанное со всеми другими общественными явлениями и процессами, хотя между ними, быть может, и нет непосредственной, прямой связи. Социальная диалектика Ленина *позволяет эти связи обнаруживать и выстраивать на их основе соответствующую деятельность*.

дивидуальной самоорганизации и повседневной деятельности до управления глобальными процессами.

Наконец, заметим, что именно этот теоретико-практический «ансамбль» общего, особенного и конкретно-единичного и определяет непреходящую актуальность ленинской социальной диалектики. Поэтому, как это ни странно и даже *несовременно* звучит сегодня, надо снова учиться *мыслить по-ленински*. Учиться, учиться и еще раз учиться!

Список литературы

1. Адоратский, В.В. (1961). Марксистская диалектика в произведениях Ленина. В *Избранные произведения* (с. 443–459). М.: Политиздат.
2. Бри, М. (2017). *Открыть Ленина снова*. М.: Логос.
3. Бухарин, Н. И. (1988). Ленин как марксист. В *Избранные произведения* (с. 50–85). М.: Политиздат.
4. Гароди, Р. (1994). *Марксизм XX века*. М.: Прометей.
5. Ильенков, Э.В. (2015). *Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса*. М.: Ленанд.
6. Курсанов, Г.А. (Ред.). (1973). *История марксистской диалектики. Ленинский этап*. М.: Мысль.
7. Ленин, В.И. (1958). Экономическое содержание народничества и его критика в книге г. Струве. В *Полное собрание сочинений* (Т. 1, с. 347–534). М.: Политиздат.
8. Ленин, В.И. (1961). Материализм и эмпириокритицизм. В *Полное собрание сочинений* (Т. 18, с. 7–384). М.: Политиздат.
9. Ленин, В.И. (1968). Марксизм и ревизионизм. В *Полное собрание сочинений* (Т. 17, с. 15–26). М.: Политиздат.
10. Ленин, В.И. (1969). Крах II Интернационала. В *Полное собрание сочинений* (Т. 26, с. 209–265). М.: Политиздат.
11. Ленин, В.И. (1970а). Еще раз о профсоюзах. В *Полное собрание сочинений* (Т. 42, с. 264–304). М.: Политиздат.
12. Ленин, В.И. (1970b). Лучше меньше, да лучше. В *Полное собрание сочинений* (Т. 45, с. 389–406). М.: Политиздат.
13. Ленин, В.И. (1970с). О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. В *Полное собрание сочинений* (Т. 39, с. 64–84). М.: Политиздат.
14. Ленин, В.И. (1970d). Странички из дневника. В *Полное собрание сочинений* (Т. 45, с. 363–368). М.: Политиздат.
15. Ленин, В.И. (1973а). Три источника и три составных части марксизма. В *Полное собрание сочинений* (Т. 23, с. 40–48). М.: Политиздат.
16. Ленин, В.И. (1973b). Философские тетради. В *Полное собрание сочинений* (Т. 29). М.: Политиздат.
17. Ленин, В.И. (1975). Письмо И.Ф. Арманд. 30 ноября 1916 г. В *Полное собрание сочинений* (Т. 49, с. 328–334). М.: Политиздат.
18. Ленин, В.И. (1977а). Детская болезнь «левизны» в коммунизме. В *Полное собрание сочинений* (Т. 41, с. 1–104). М.: Политиздат.
19. Ленин, В.И. (1977b). «Коммунизм». В *Полное собрание сочинений* (Т. 41,

с. 135–137). М.: Политиздат.

20. Лукач, Д. (1990). *Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей*. М.: Международные отношения.

21. Лукач, Д. (2003). *История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике*. М.: Логос-Альтера.

22. Маркс, К. (1955a). К критике гегелевской философии права. Введение. В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 1, с. 219–368). М.: Политиздат.

23. Маркс, К. (1955b). Тезисы о Фейербахе. В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 3, с. 1–4). М.: Политиздат.

24. Маркс, К. (1960). Послесловие ко второму изданию «Капитала». В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 23, с. 12–22). М.: Политиздат.

25. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Немецкая идеология. В К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 3, с. 7–544). М.: Политиздат.

26. Маркузе, Г. (2000). *Разум и революция*. СПб.: Владимир Даль.

27. Потресов, А.Н. (1906). *Этюды о русской интеллигенции*. СПб.: Издательство О.Н. Поповой.

28. Розенталь, М.М. (1963). *Ленин и диалектика*. М.: Издательство ВПШ и АОН, 1963.

29. Русакова, О.Ф. (1995). Ленинская модель большевизма. В А.В. Гайда и К.Н. Любутин (Ред.), *Ленинизм и Россия* (с. 277–318). Екатеринбург: УрО РАН.

30. Сартр, Ж.-П. (2008). *Проблемы метода*. М.: Академический Проект.

31. Althusser, L. (1976). *Essays in self-criticism*. London: New Left Books.

32. Bergfeld, M. (2012). *Review of “Lenin” by L. Lih*. Retrieved November 25, 2020, from https://marxandphilosophy.org.uk/reviews/7732_lenin-review-by-mark-bergfeld/

33. Hermann, I. (1978). Marxizmus es totalit s. In *A gondolat hatalma* (pp. 171–192). Budapest: Sz pirodalmi Kiado.

34. Krausz, T. (2015). *Reconstructing Lenin*. New York: Monthly Review Press.

35. Mita, S. (1977). *The method of Capital*. Retrieved December 20, 2020, from: <https://www.marxists.org/subject/japan/mita/method-capital.htm>

36. Negri, A. (2014). *Factory of strategy: Thirty-three lessons on Lenin*. New York: Columbia University Press.

37. Wright, E.O. (2008). *Class, state and ideology: An introduction to social science in the marxist tradition*. Wisconsin: University of Wisconsin.

References

1. Adoratskiy, V.V. (1961). Marksistskaya dialektika v proizvedeniyakh Lenina [Marxist dialectics in the works of Lenin]. In *Izbrannyye proizvedeniya* (pp. 443–459). Moscow: Politizdat.

2. Althusser, L. (1976). *Essays in self-criticism*. London: New Left Books.

3. Bergfeld, M. (2012). *Review of “Lenin” by L. Lih*. Retrieved November 25, 2020, from https://marxandphilosophy.org.uk/reviews/7732_lenin-review-by-mark-bergfeld/

4. Brie, M. (2017). *Otkryt’ Lenina snova* [Rediscovering Lenin]. Moscow: Logos.

5. Bukharin, N.I. (1988). Lenin kak marksist [Lenin as a Marxist]. In *Izbrannyye proizvedeniya* (pp. 50–85). Moscow: Politizdat.
6. Garaudy, R. (1994). *Marksizm XX veka* [Marxism in the twentieth century]. Moscow: Prometej.
7. Hermann, I. (1978). Marxizmus es totalit s. In *A gondolat hatalma* (pp. 171–192). Budapest: Sz pirodalmi Kiado.
8. Ilyenkov, E. V. (2015). *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v «Kapitale» Marksa* [Dialectics of the abstract and the concrete in Marx’s “Capital”]. Moscow: Lenand.
9. Krausz, T. (2015). *Reconstructing Lenin*. New York: Monthly Review Press.
10. Kursanov, G.A. (Ed.). (1973). *Istoriya marksistskoy dialektiki. Leninskiy etap* [History of Marxist dialectics. Lenin’s stage]. Moscow: Mysl’.
11. Lenin, V.I. (1958). Ekonomicheskoye sodержaniye narodnichestva i yego kritika v knige g. Struve [The economic content of narodism and the criticism of it in mr. Struve’s book]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 1, pp. 347–534). Moscow: Politizdat.
12. Lenin, V.I. (1961). Materializm i empiriokrititsizm [Materialism and empirio-criticism]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 18, pp. 7–384). Moscow: Politizdat.
13. Lenin, V.I. (1968). Marksizm i revizionizm [Marxism and revisionism]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 17, pp. 15–26). Moscow: Politizdat.
14. Lenin, V.I. (1969). Krakh II Internatsionala [Collapse of the Second International]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 26, pp. 209–265). Moscow: Politizdat.
15. Lenin, V.I. (1970a). Yeshcho raz o profsoyuzakh [Once again on the trade unions]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 42, pp. 264–304). Moscow: Politizdat.
16. Lenin, V.I. (1970b). Luchshe men’she, da luchshe [Better fewer, but better]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 45, pp. 389–406). Moscow: Politizdat.
17. Lenin, V.I. (1970c). O gosudarstve. Lektsiya v Sverdlovskom universitete 11 iyulya 1919 g. [The state: A lecture delivered at the Sverdlov University. July 11, 1919]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 39, pp. 64–84). Moscow: Politizdat.
18. Lenin, V.I. (1970d). Stranichki iz dnevnika [Pages from a diary]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 45, pp. 363–368). Moscow: Politizdat.
19. Lenin, V.I. (1973a). Tri istochnika i tri sostavnykh chasti marksizma [Three sources and three component parts of Marxism]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 23, pp. 40–48). Moscow: Politizdat.
20. Lenin, V.I. (1973b). Filosofskiye tetradi [The philosophical notebooks]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 29). Moscow: Politizdat.
21. Lenin, V.I. (1975). Pis’mo I.F. Armand. 30 noyabrya 1916 g. [Letter to I.F. Armand. November 30, 1916]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 49, pp. 328–334). Moscow: Politizdat.
22. Lenin, V.I. (1977a). Detskaya bolezn’ “levizny” v kommunizme [“Left-wing” communism: An infantile disorder]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 41, pp. 1–104). Moscow: Politizdat.
23. Lenin, V.I. (1977b). “Kommunizm” [“Communism”]. In *Polnoye sobraniye sochineniy* (Vol. 41, pp. 135–137). Moscow: Politizdat.
24. Luk cs, D. (1990). *Lenin. Issledovatel’skiy ocherk o vzaimosvyazi yego idey* [Lenin. A study on the unity of his thought]. Moscow: Mezhdunarodnyye

otnosheniya.

25. Lukács, D. (2003). *Istoriya i klassovoye soznaniye. Issledovaniya po marksistskoy dialektike* [History and class consciousness. Studies in Marxist dialectics]. Moscow: Logos-Al'tera.

26. Marcuse, H. (2000). *Razum i revolyutsiya* [Reason and revolution]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.

27. Marx, K. (1955a). K kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedeniye [Contribution to the critique of Hegel's philosophy of right. The introduction]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 1, pp. 219–368). Moscow: Politizdat.

28. Marx, K. (1955b). Tezisy o Feyyerbakhe [Theses on Feuerbach]. In K. Marx & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 3, pp. 1–4). Moscow: Politizdat.

29. Marx, K. (1960). Poslesloviye ko vtoromu izdaniyu “Kapitala” [Afterword to the second edition of “Capital”]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 23, pp. 12–22). Moscow: Politizdat.

30. Marx, K., & Engels, F. (1955). Nemetskaya ideologiya [The German ideology]. In K. Marx & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 3, pp. 7–544). Moscow: Politizdat.

31. Mita, S. (1977). *The method of Capital*. Retrieved December 20, 2020, from: <https://www.marxists.org/subject/japan/mita/method-capital.htm>

32. Negri, A. (2014). *Factory of strategy: Thirty-three lessons on Lenin*. New York: Columbia University Press.

33. Potresov, A.N. (1906). *Etyudy o russkoy intelligentsii* [Sketches about the Russian intelligentsia]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoj.

34. Rozental, M.M. (1963). *Lenin i dialektika* [Lenin and dialectics]. Moscow: Izdatel'stvo VPSH i AON.

35. Rusakova, O.F. (1995). Leninskaya model' bol'shevizma [Lenin's model of Bolshevism]. In A.V. Gaida, & K.N. Lyubutin (Eds.), *Leninizm i Rossiya* (pp. 277–318). Ekaterinburg: UrO RAN.

36. Sartre, J.-P. (2008). *Problemy metoda* [The problem of method]. Moscow: Akademicheskii Proyekt.

37. Wright, E.O. (2008). *Class, state and ideology: An introduction to social science in the marxist tradition*. Wisconsin: University of Wisconsin.

Информация об авторе

Петр Николаевич Кондрашов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0975-4418>, e-mail: pnk060776@gmail.com

Information about the author

Piotr Nikolaevich Kondrashov, Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0975-4418>, e-mail: pnk060776@gmail.com

ДЕЦИЗИОНИЗМ В РОССИИ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАТОРЫ КАРЛА ШМИТТА. ЧАСТЬ II

Павел Игоревич Костокрызов,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
pkostogryzov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.09.2020, принята к публикации 28.06.2021

Для цитирования: Костокрызов П.И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Часть II // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 36–48. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_36

Аннотация

Карл Шмитт известен как основоположник децизионизма – учения о политическом Решении, принимаемом сувереном в чрезвычайных обстоятельствах и имеющем конститутивный характер для политического и правового порядка в государстве. Автор статьи, применяя сравнительно-исторический метод, попытался найти в русской политико-правовой мысли начала XX в. концепции, которые могли бы претендовать на роль «протодецизионистских». Речь идет о работах представителей консервативного направления государственно-правовой мысли: Л. А. Тихомирова, Н. А. Захарова и П. Е. Казанского. Другим объектом исследования стали интерпретации децизионизма К. Шмитта в современном российском государствоведческом дискурсе. Показано, что русская наука начала XX в., развивавшая собственное учение о суверенной власти и ее Решении как конституирующем начале политического и правового порядка, пришла к выводам, во многом аналогичным шмиттовским, а в некоторых вопросах продвинулась даже дальше. Из проведенного сравнения сделан вывод, что попытка построить «политическую теологию» на чисто

© Костокрызов П.И., 2021

рациональных, претендующих на научность оснований привела К. Шмитта к обожествлению государства и тем самым к иррационализации науки. Напротив, русские консервативные мыслители никогда не забывали, что политический *онтос* отнюдь не предел бытия, и, будучи в нем последней инстанцией, суверен все же имеет над собой высшее начало. Эта, пусть и чисто идеальная подотчетность, составляет конечное основание суверенности. Именно соблюдение верного иерархического отношения между трансцендентным и имманентным, метафизическим и онтологическим, Божественным и человеческим помогло им удержаться от подмены Абсолютного относительным и избежать обожествления земной власти.

Ключевые слова:

децизионизм, Карл Шмитт, Л. А. Тихомиров, П. Е. Казанский, Н. А. Захаров, консерватизм, государствоведение, верховная власть, суверенитет, политическая теория, политический дискурс.

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_36

DECISIONISM IN RUSSIA: CARL SCHMITT'S PRE-REVOLUTIONARY PRECURSORS AND MODERN INTERPRETERS. PART II

Pavel I. Kostogryzov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
pkostogryzov@yandex.ru

Article received on September 16, 2020, accepted on June 28, 2021

For citation: Kostogryzov, P.I. (2021). Decisionism in Russia: Carl Schmitt's Pre-Revolutionary Precursors and Modern Interpreters. Part II. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(2), 36–48. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_36

Abstract

Carl Schmitt is known as the founder of decisionism – the doctrine of the political Decision made by a sovereign in extreme circumstances and characterized by a constitutive meaning for the political and legal order of the state. Using the comparative historical method the author of the article tries to find in the Russian political and legal thought of the early 20th century concepts that could claim to be “proto-decisionist”. The ideas

of conservative legal thinkers as L.A. Tikhomirov, N.A. Zakharov and P.E. Kazansky are under discussion. Interpretations of C. Schmitt's decisionism in contemporary Russian political discourse are studied as well. It is shown that the Russian science of the early 20th century, which developed its own doctrine of sovereign power and its Decision as the constituting principle of the political and legal order, came to conclusions that were largely similar to those made by Schmitt and in some issues advanced even further. Based on the provided comparison it is deduced that an attempt to build "political theology" on purely rational, scientific grounds led C. Schmitt to deification of the state and thereby to irrationalization of the science. On the contrary, Russian conservative thinkers never forgot that the political *ontos* was by no means the limit of being, and the sovereign as its ultimate authority had still a higher principle over him. This albeit purely ideal accountability was the ultimate foundation of sovereignty. So, constant observance of the true hierarchical relationship between the transcendental and the immanent, the metaphysical and the ontological, the Divine and the human helped them to refrain from replacing the Absolute with the relative and to avoid deification of earthly power.

Keywords:

decisionism, Carl Schmitt, L.A. Tikhomirov, P.E. Kazansky, N.A. Zakharov, conservatism, state studies, supreme power, sovereignty, political theory, political discourse.

Одна из ключевых проблем децизионистской теории как раз и состоит в поиске объективного, для всех бесспорного, критерия, который позволил бы безошибочно отличать опасность, требующую от суверена конститутивного Решения, от «обычной» чрезвычайной ситуации, которая может быть урегулирована с помощью мер в рамках конституционных процедур.

К. Шмитт (2000) прекрасно осознавал принципиальную важность понятия исключительного случая для его теории. «Чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии» (с. 57). Как чудо представляет собой непосредственное вмешательство Бога в естественный ход событий физического мира, преодолевающее законы природы, хотя и не отменяющее их, так и Решение есть непосредственное вмешательство суверена в события мира политического, находящееся в видимом противоречии с буквой юридического закона, но имеющее целью обеспечить саму возможность дальнейшего существования политического космоса с его юридическими нормами. Эта аналогия может быть распространена и на пределы применимости обоих явлений: как чудо Божье совершается крайне редко, когда действие естественных сил неминуемо ведет к катастрофе, для избежания которой необходимым оказывается вмешательство силы сверхъестественной, так не может быть частым и использование сувереном своей чрезвычайной учредительной власти, имеющей надзаконный характер (надзаконность можно рассматривать как аналог сверхъестественности в мире правовых явлений).

Для К. Шмитта (2000) было вполне очевидно, что подобное «политико-юридическое чудо» допустимо только как крайняя мера в обстоятельствах, настоящему исключительных, а не просто чрезвычайных: «Исключительный случай наступает лишь тогда, когда только должна быть создана ситуация,

в которой могут действовать формулы права» (с. 26). Вариантов таких обстоятельств, собственно, только два: создание государственности из политического «ничто», когда суверен выступает демиургом политико-правового универсума, творя первичный порядок из хаоса, и спасение государства от грозящей смертельной опасности, избавление от которой нормальным, конституционным путем не представляется возможным. Именно в этих (редчайших!) случаях суверен изрекает свое Решение, которое и становится основанием нового права. В этом суть децизионизма, а вовсе не в том, чтобы, как обвиняют Шмитта некоторые его критики, превратить чрезвычайное положение в постоянное, заменив нормальный правопорядок перманентным произволом суверенного диктатора.

Первый из названных вариантов с теоретической точки зрения тривиален: когда государство только предстоит создать, тот, кто смог утвердить свою власть, становится сувереном, и его Решение закладывает основание нового порядка. Затруднения возникают со вторым вариантом. Как безошибочно распознать ситуацию, в которой предоставленных законом средств оказывается недостаточно для предотвращения катастрофы, и лишь применение экстраординарной, надзаконной власти суверена может спасти государство? Однозначного критерия децизионизм предложить не смог. По-видимому, его и невозможно сформулировать, оставаясь в рамках чистой теории. Каждая конкретная историческая ситуация уникальна, и, только столкнувшись с ней лицом к лицу, политические акторы могут оценить применимость и достаточность имеющихся в их распоряжении средств; теоретические построения ученых именно в этом вопросе вряд ли способны им помочь. Шмитт (2000) мог лишь констатировать, что «Решение об исключении есть именно Решение в высшем смысле» (с. 15), т. е. имеет конститутивное значение.

Русские государствоведы начала XX в. также не выработали обобщающей теоретической модели исключительного случая, которая была бы непосредственно применима к политической практике. Однако само понимание того факта, что надзаконная власть носителя суверенитета принимать Решение учредительного характера для своего проявления требует чрезвычайных обстоятельств, было ими артикулировано с предельной ясностью.

Для объяснения фундаментального различия между ординарными и экстраординарными решениями суверена Л. А. Тихомиров использовал доктрину о самоограничении верховной власти, разработанную немецкими юристами XIX в., в особенности Г. Еллинеком. Согласно ей пределы действия суверена, обозначенные в конституции, представляют собой самоограничение, принятое им, чтобы не нарушать нормальный порядок государственных дел.

Это самоограничение, писал Л. А. Тихомиров (2008), «не уничтожает факта неограниченности Верховной власти, а только указывает те твердые пути, на которых совершается ее действие. Но если Верховная власть признает эти пути не соответствующими более ее Воле или, другими словами, условиям государственного блага, то она властна *сама* отменить эти «самоограничения» и установить вместо них новые или совсем не устанавливать никаких» (с. 481–482). Как видим, русский мыслитель сформулировал здесь ту же идею, которую позже выразит Шмитт, разве что не используя термины «исключительный случай» и «Решение».

Вполне в децизионистском духе характеризовал самодержавную власть русского императора другой отечественный ученый – юрист Н. А. Захаров (2002): это «власть, к которой прибегают в последние, крайние моменты... в затруднительные, исключительные моменты истории, когда нормы права бессильны пред потоком жизненных явлений, и нужно считаться с тем, что в государстве есть такая простая, несложная, единовольная власть, которая может одним твердым своим решением поднять государство... Только единой самодержавной власти принадлежит полнота власти в затруднительные моменты жизни страны» (с. 326–327). Не сомневаемся, что под этими словами охотно подписался бы и К. Шмитт.

П. Е. Казанский (1999) описывал императорскую власть как «крайнюю, чрезвычайную, последнюю». Именно ей, по словам ученого, принадлежит «право крайних решений», т. е. решений в минуту особой опасности, которой подвергается государство (с. 226–228). И здесь также бросается в глаза полное совпадение хода мысли русского юриста с децизионистской логикой Шмитта. Что у Казанского «крайнее Решение» означает то же, что шмиттовское «Решение в высшем смысле», а обстоятельства, в которых оно принимается, идентичны шмиттовскому «исключительному случаю», очевидно из того, как автор поясняет значение данных терминов, цитируя при этом еще одного своего единомышленника – знаменитого адвоката и депутата Государственной думы Ф. Н. Плевако: «бывают минуты... когда государства... стоят перед вопросом гибели и не имеют в условиях нормальной жизни средств спасения... Когда государство в опасности, спасение государства есть верховный закон... В такие минуты правители не подлежат суду человеческому; суд истории и суд Божий – вот трибуналы, перед которыми они отвечают в своих делах» (с. 228–229).

Важно иметь в виду, что децизионистские построения русских консерваторов не были отвлеченной теорией, а вырабатывались в непосредственной связи с государственно-правовой практикой и политической борьбой начала XX в. Как уже отмечалось, толчок к активизации доктринальных поисков отечественных правых мыслителей дали преобразования государственного строя Российской империи 1905–1907 гг. Ключевые законодательные акты, обозначившие начало и завершение процесса реформирования, – Высочайшие Манифесты от 17 октября 1905 г. и 3 июня 1907 г. – представляли собой очевидные примеры Решений суверена, принятых для спасения государства в исключительной ситуации. Особую важность имел второй из этих актов, вызвавший острую полемику между консерваторами и конституционалистами, в которой оппоненты развернуто аргументировали свои позиции.

Если конституционалисты восприняли третьеиюньский Манифест как государственный переворот, т. к. он был издан вне предусмотренного Основными Законами ординарного порядка законодательства, то консерваторы увидели в нем именно суверенное Решение императора, принятое в условиях исключительного случая.

Особого внимания заслуживает тот факт, что сама верховная власть Российской империи в Манифесте от 3 июня 1907 г. заявила о себе вполне по децизионистски: «Только Власть, даровавшей первый избирательный закон, исторической Власти Русского Царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым. От Господа Бога вручена Нам Власть Царская над народом Нашим.

Перед Престолом Его Мы дадим ответ за судьбы Державы Российской»¹. А председатель Совета министров П. А. Столыпин, обосновывая правомерность Манифеста, прямо апеллировал к «праву Государя спасти в минуты опасности вверенную ему державу»². Это еще раз подтверждает то, о чем говорилось выше: децизионистское понимание суверенитета российской власти было аксиомой не только для консервативных теоретиков, но и для нее самой.

Итак, ни К. Шмитт, ни его русские предшественники не смогли предложить четких критериев, позволяющих однозначным и для всех убедительным образом определять наступление того исключительного случая, когда суверен должен принять Решение «отменить самоограничения и установить вместо них новые», переучреждая тем самым политико-правовой порядок в государстве. Разумеется, это самое уязвимое место децизионистской теории не ускользнуло от внимания ее критиков.

Основной вопрос децизионизма решается на самом глубинном уровне, какой только может существовать в рамках социального онтоса – в сознании отдельного гражданина как юридически, политически и нравственно вменяемого субъекта. Если суверену принадлежит право и обязанность политического Решения, то гражданину – право и обязанность (здесь как нельзя более уместен введенный русским юристом Н. Н. Алексеевым термин «правообязанность») принять это Решение как политически и нравственно обоснованное и подчиниться ему, проявив лояльность реконституированному правопорядку, или отвергнуть его как этот порядок ниспровергающее. К. Шмитт этой проблемы вовсе не видит или обходит ее молчанием, на что указывают его критики.

Э. Б. Кошечев (2016) справедливо замечает, что шмиттовский суверен, заменивший собой Провидение, «не оставляет [гражданину] места для поиска, для сомнений, для вопрошания» (с. 223), тем самым лишая его не только политической, но и нравственной субъектности, заставляя принимать свое Решение как не подлежащий критическому суждению императив. Однако сделанный из этого вывод, что «шмиттовский суверен и есть политическое зло, и в то же время злом является сама концепция децизионизма, поскольку именно она оправдывает превращение критического суждения из требования для всех в привилегию для избранных» (с. 223), представляется нам уже не столь обоснованным. Необходимо принимать во внимание, что Решением (в децизионистском, шмиттовском смысле) является не всякий приказ суверена, издаваемый им по произвольному поводу, а лишь приказ, который существенным образом переучреждает политико-правовой порядок. Такое Решение принимается только в исключительном случае, и уже поэтому не может быть частым, а тем более постоянным явлением. В нормальных же условиях действует обычный правопорядок, который вовсе не требует от гражданина «отключения» критического мышления и бездумного исполнения любых приказов. Кроме того, при таком нормальном течении жизни гражданин имеет дело с властными велениями, ис-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (Т. XXVII) (1910). СПб.: Государственная типография. С. 320.

² Столыпин, П. А. (1991). *Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911*. М.: Молодая гвардия. С. 103.

ходящими не непосредственно от суверена, а от ординарных органов власти, по определению не имеющими того ультимативного характера, который присущ суверенному Решению, а потому подлежащими соразмерению с действующим правом и критической оценке с позиций последнего. Шмитт не был бы юристом, если бы утверждал иное. Все-таки его теория имела целью не подменить право произволом, а выявить его доправовое основание, которое децизионизм полагает в Решении.

Отсылка Э.Б. Кощеева (2016) к идеям Х. Арендт о «банальности зла» (с. 222–223) не добавляет ничего к критике Шмитта, т.к. «банальное зло» потому и банально, что совершается в обычных, а не чрезвычайных обстоятельствах. Нацистские преступники, размышления над мотивами которых привели Арендт к этой концепции, действовали в рутинном режиме во исполнение рядовых приказов «начальства», которые у них не было никакого основания рассматривать как Решения суверена, имеющие «учредительный характер», а потому они не имели и оснований отказываться от собственного критического суждения относительно правового и нравственного значения этих приказов.

Если вынести за скобки несколько поспешный, на наш взгляд, вывод, что «сама концепция децизионизма является злом», то критика Э.Б. Кощеева помогает нащупать коренной недостаток шмиттовского децизионизма. К. Шмитт отказывает человеческой личности в субъектности перед лицом суверена-демиурга, не рассматривая даже теоретическую возможность не подчиниться его Решению. При этом Решение остается предельным понятием его концепции, выше которого уже ничего нет, а следовательно, нет ни критерия, по которому его можно было бы оценить как приемлемое или неприемлемое, ни того субъекта, который был бы полномочен давать такую оценку. Следует ли рассматривать этот недостаток как критический, дающий основание отвергнуть децизионизм в целом как инструмент познания социальной реальности? Разумеется, нет.

Это означает лишь, что в данном пункте теория достигает своих границ применимости и дальнейшее исследование должно вестись иными эпистемологическими средствами. Вообще, необходимым элементом любой научной теории является ясное видение гносеологического «горизонта», за которым она перестает быть релевантной. Слабость подхода К. Шмитта состоит в том, что он стремился построить свою теорию как логически полную, дающую окончательные ответы на все вопросы, относящиеся к области политики и права. Неустраняемая особенность таких замкнутых систем – наличие внутренних противоречий или саморекурсии.

Пытаясь преодолеть тавтологичность юридического позитивизма (а нормативизм Г. Кельзена, с которым полемизировал Шмитт, – интеллектуально изолированная версия все того же позитивизма), шмиттовский децизионизм приходит к такой же тавтологии, лишь перенося ее из юридической сферы в политическую. Если позитивистская мысль циркулирует между утверждениями «государство является правовым, поскольку оно подчиняется праву» и «право есть то, что установлено государством», то у К. Шмитта право есть то, что соответствует порядку, учреждаемому сувереном, который принимает абсолютное Решение в исключительном случае; а какой случай считать исключительным, определяет сам суверен, и не существует никакого внеположного по отношению к нему критерия, который позволял бы оценивать его правоту.

Последовательно проведенный децизионизм шмиттовского типа чреват, таким образом, оправданием тоталитарного или просто тиранического режима. Если «всякий порядок – это правовой порядок, а всякое государство – это правовое государство» (Шмитт, 2000, с. 133), то подданные не могут не признавать правом того, что установил своим Решением суверен. Но таким образом под видом права может быть установлено вообще что угодно (и примеры тому дает в изобилии трагическая история XX столетия). По справедливому замечанию А. Ф. Филиппова (2015), «Шмитт... попадает в ловушку признания правом того, что производится даже тоталитарным государством» (с. 64).

Таким образом, у Шмитта объективный, содержательный, а не формальный критерий различения права и неправа теряется в глубинах доправового (читай: политического). Чтобы такой конкретный, зримый критерий был возможен, должен существовать некий высший принцип, безусловный авторитет которого признавался бы и сувереном, и подданными. Только такой принцип способен сдерживать суверена, неограниченного юридически (а по Шмитту еще и политически). Сам этот принцип не может быть ни юридическим, ни политическим; он должен стоять над социальным универсумом, принадлежать к более высокому уровню бытия. К. Шмитт такого критерия не находит. У него в конечном счете все решает материальная сила – кто смог реализовать свое Решение, навязав его гражданскому коллективу, тот и есть истинный суверен, а следовательно, тот и прав.

Пожалуй, наиболее шокирующая особенность подхода К. Шмитта состоит в том, что назвав свой труд «Политической теологией», он в то же время исключает из своего дискурса саму возможность ведения речи не только о собственно божественном начале, но вообще о всяком, превышающем уровень эмпирически наличествующего социального бытия. Роль божества, теоса в моделируемом им политическом космосе Шмитт отводит суверену – субъекту, пусть и возвышающемуся над любым другим в этом мире, но все же принципиально имманентному ему, лишая тем самым политический универсум трансцендентного начала. «Теология» таким образом оказывается у немецкого мыслителя просто приемом – если не риторическим, призванным очаровать читателя грандиозностью авторского замысла, то методологическим, позволяющим привнести в политическую науку присущую богословию неоспоримость догматов.

Такой имманентизм (т. е. априорное исключение трансцендентного из рассмотрения) позволяет квалифицировать политическую теологию К. Шмитта как *языческую*, т. к. она в конечном итоге приводит (вне зависимости от того, ставил ли ее автор себе такую цель) к обожествлению посюстороннего, тварного феномена, каким является государство. Она вполне сгодилась бы на роль официальной идеологии Древнего Египта или Ассирии, где суверен, будучи имманентен миру физических и социальных феноменов, одновременно признавался божеством. Как ни удивителен этот вывод, учитывая католические корни философии К. Шмитта, но с точки зрения *христианской теологии* автор «Политической теологии» преступил заповедь «не сотвори себе кумира». Христианский философ и публицист В. А. Сендеров (2014) был единственным из российских исследователей, кто отметил эту фундаментальную особенность учения К. Шмитта (с. 170).

Это наблюдение дает основания поставить под сомнение безоговорочное отнесение К. Шмитта к консервативному направлению политической мысли, что стало почти неоспариваемой догмой. И. А. Ерохов (2019) в недавней публикации обратил внимание на наличие в политической философии Шмитта леворадикального компонента. Объявив войну либерализму (а «война», напомним, – одно из ключевых понятий учения Шмитта), немецкий мыслитель взял в союзники не Бога и Традицию (что не позволяет назвать его антилиберальный поход «крестовым»), а безличные социальные силы – государство с его «объективными» интересами и столь же «объективного» суверена. В результате его идейно-политические построения, в которых И. А. Ерохов распознает «стратегический тренд будущего» на «парадоксальный синтез правой и левой революционности» (с. 45), явным образом противостоя либерализму, оказываются в то же время подрывными и по отношению к консерватизму. Дело в том, что лишаясь метафизического, да и скажем без обиняков, религиозного измерения, консерватизм теряет свой «стержень» и превращается в собственную противоположность, даже если сохраняет при этом традиционалистскую политическую «упаковку». В этом, на наш взгляд, состоит шестой урок К. Шмитта для России³. Интересно отметить, что единственным примером применения децизионизма шмиттовского «извода» в практике государственного строительства была франкистская Испания – католическое государство, где криптоязыческие черты теории подверглись существенным коррективам со стороны государственной религии (Алексеева, 2018).

Русские правые мыслители начала XX в. смогли избежать этой ошибки. Их децизионизм, в отличие от шмиттовского, *не теологичен, но теократичен*. Суверен у них не разрастается до масштабов метафизического субъекта, творящего политико-правовой универсум из ничего, а занимает пусть и высшее в этом универсуме, но все же подчиненное по отношению к трансцендентному началу место. Наши консерваторы не боялись прямо указывать на религиозно-нравственный характер этого начала. «В монархии самодержавной есть обязательные нравственные начала, которые ограничивают юридическое верховенство вообще», – писал Л. А. Тихомиров (1992, с. 330). «Выше власти Монарха – власть Бога, Монарх... отвечает перед судом Божиим. Таким образом, для Верховной Власти обязательны и предписания христианской нравственности», – утверждал П. Е. Казанский (1999, с. 371).

Решение суверена, сохраняя свою абсолютность в политико-правовом смысле, подлежит проверке на соответствие идеалу, которому призвано служить государство. «Царская Верховная власть есть верховенство нравственного идеала в государственной жизни... Царская власть не произвольная, она ограничена содержанием идеала, она обязана представлять идеал, действовать сообразно его содержанию. Но оставаясь подчиненной идеалу, она действует властно для его поддержания и осуществления» (Тихомиров, 1992, с. 319) При этом политическая субъектность подданных не «приостанавливается» в момент Решения, как у Шмитта, а сохраняется, проявляясь в том, что они признают или отвергают Решение в зависимости от его соответствия нравственному идеалу.

³ А. Г. Дугин выделил пять уроков, которые Россия может извлечь из учения Шмитта (Дугин, 1994).

Критерием для оценки является совесть, присущая только человеческой личности. Личностями являются не только подданные, но и сам суверен (напомним, что у русских консерваторов, в отличие от Шмитта, речь идет только о монархическом суверенитете), поэтому принятие Решения подчинено тому же критерию. Поскольку нравственно-религиозный идеал у суверена и подданных общий, их оценки должны совпасть. В этом Л. А. Тихомиров (1992) видел одно из преимуществ монархии: к «наилучшему постоянному выражению» нравственного идеала «способнее всего отдельная личность как существо нравственно разумное, и эта личность должна лишь быть поставлена в полную независимость от всяких внешних влияний, способных нарушить равновесие ее суждения с чисто идеальной точки зрения» (с. 69).

Таким образом, децизионизм русских консерваторов начала XX в. имеет «встроенный предохранитель» от тоталитаризма в виде религиозно-нравственного идеала, трансцендентного по отношению как к суверену, так и к подданному, не позволяющий последнему превратиться в бездумный винтик политической машины, заставляя главный нравственный камертон – индивидуальную человеческую совесть – бодрствовать. Будучи внеположен политической реальности, этот идеал не может быть познан средствами политической науки, но должен учитываться ею как действительный факт и действующий фактор.

Из верховенства религиозного принципа следует и еще один критерий, который должен учитывать суверен, – естественно-правовой. «Признавая источником Верховной власти божественную делегацию, мы неизбежно признаем обязательным уважение к тем обязанностям, которые возложены на человека Божественной Волей. Но эти обязанности дают личности право на все, необходимое для исполнения их. Такое право личности для Верховной власти, основанной на делегации Бога, не подлежит никакому посягательству. Оно является «естественным» правом личности, правом, обусловленным не каким-нибудь юридическим законом, но природой связи человека с Богом» (Тихомиров, 1992, с. 423–424).

Заключение

Из проведенного сравнения можно сделать вывод, что попытка построить «политическую теологию» на чисто рациональных, претендующих на научность основаниях, т. е. как *безбожную* теологию (*детеизация* теологии), привела К. Шмитта к практически языческому обожествлению государства и, тем самым, к иррационализации науки, поскольку иррациональный элемент вплетен в саму ткань его теории. Иррациональным оказывается сам ее предмет, т. к. главный объект исследования Шмитта – суверен – наделяется им божественными чертами. Поскольку одно из свойств Божества – непознаваемость рациональными методами, наука на этом заканчивается, и начинается идеология.

Напротив, русские консервативные мыслители никогда не забывали, что политический онтологический предел бытия, и, будучи в нем последней инстанцией, суверен все же имеет над собой высшее начало, коему «отчет дать должен». Именно эта, пусть и чисто идеальная, ни юридически, ни политически не институционализируемая подотчетность и составляет конечное основание суверенности. Поэтому никто из них не дерзнул назвать свое учение «поли-

тической теологией», удовлетвовавшись скромным статусом политической или государственно-правовой теории. Именно это постоянное соблюдение верного иерархического отношения между трансцендентным и имманентным, метафизическим и онтологическим, Божественным и человеческим помогло им удержаться от подмены Абсолютного относительным и избежать обожествления земной власти.

Построение политико-правовой теории с памятованием о Боге как о реально существующем начале, но без внесения «теологических» элементов в саму эту теорию, позволило русским мыслителям начала XX в. остаться на твердой почве научной рациональности и создать релевантный инструментарий для изучения феномена конститутивного Решения. В их теориях иррациональное не присутствует непосредственно, хотя его существование постоянно учитывается. Но это существование остается в области религиозно-нравственной, внешней по отношению к объекту политической науки. Наука и метафизика, таким образом, четко разграничиваются.

Тем современным ученым, для кого децизионизм – не только факт истории политико-правовых учений, но и методологическая рамка, применяемая к актуальной политике, можно порекомендовать не ограничивать свой исследовательский горизонт теорией К. Шмитта, но обратить внимание и на труды отечественных государствоведов, чьи достижения в этой области не только превосхитили, но в некоторых аспектах и превосшли мысль немецкого философа, что мы и попытались показать.

Сильная сторона шмиттовского децизионизма заключается в лучшей, чем у его русских предшественников, разработанности категориального аппарата. Но «голый» децизионизм К. Шмитта в современном российском обществе – не просто безрелигиозном, а вовсе лишенном какой-либо идейной цельности – опасен тем, что легко может быть использован для идеологического обоснования тоталитарных и диктаториальных поползновений правящих групп. Поэтому он применим лишь с учетом коррективов, которые позволяет внести идейное наследие отечественных правых государствоведов начала XX в. Вместе с тем и «теократическая» парадигма, в которой мыслили русские консерваторы, напрямую неприменима по той же причине. Необходим новый синтез идей с акцентом на нравственный и естественно-правовой компоненты их учения.

Список литературы

1. Алексеева, Т. А. (2018). Глава франкистского государства: от «суверенного» диктатора к «институционализированному» правителю. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 22(4), 481–505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-4-481-505>

2. Дугин, А. Г. (1994). Карл Шмитт: пять уроков для России. В *Консервативная революция* (с. 54–67). М.: Арктогея.

3. Ерохов, И. А. (2019). Идеологическая теология Карла Шмитта. *История и современность*, 3(33), 24–48. <https://doi.org/10.30884/iis/2019.03.02>

4. Захаров, Н. А. (2002). *Система русской государственной власти*. М.: Москва.

5. Исаев, И. А. (2007). Государство-Левиафан. Карл Шмитт о теории власти Томаса Гоббса. *Lex Russica (Русский закон)*, 66(2), 193–212.
6. Казанский, П. Е. (1999). *Власть Всероссийского Императора*. М.: Москва.
7. Кощеев, Э. Б. (2016). «Банальное зло» децизионизма. *Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход*, 1, 219–224.
8. Сендеров, В. А. (2014). Тоталитарное мышление в России и Карл Шмитт. *Вопросы философии*, (8), 167–175.
9. Тихомиров, Л. А. (1992). *Монархическая государственность*. СПб.: РИСО.
10. Тихомиров, Л. А. (2008). *Руководящие идеи русской жизни*. М.: Институт русской цивилизации.
11. Филиппов, А. Ф. (2015). Ханна Арендт и Карл Шмитт: два понятия политического. В А. Н. Саликов и И. О. Дементьев (Ред.), *Современное значение идей Ханны Арендт: Материалы международной конференции (4 декабря 2014 г., Калининград)* (с. 52–65). Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.
12. Шмитт, К. (2000). *Политическая теология*. М.: КАНОН-пресс-Ц.
13. Шмитт, К. (2005). *Диктатура*. СПб.: Наука.

References

1. Alexeeva, T. A. (2018). Glava frankistskogo gosudarstva: ot «suverenno» diktatora k «institutsionalizirovannomu» pravitel'iu [Head of Franco state: From the “sovereign” dictator to the “institutionalized” ruler]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 22(4), 481–505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-4-481-505>
2. Dugin, A. G. (1994). Karl Shmitt: piat' urokov dlia Rossii [Carl Schmitt's 5 lessons for Russia]. In *Konservativnaia revoliutsiia* (pp. 54–67). Moscow: Arktogeia.
3. Erokhov, I. A. (2019). Ideologicheskaia teologiya Karla Shmitta [Carl Schmitt's ideological theology]. *Istoriia i sovremennost'*, 3(33), 24–48. <https://doi.org/10.30884/iis/2019.03.02>
4. Filippov, A. F. (2015). Xanna Arendt i Karl Shmitt: dva ponyatiya politicheskogo [Hannah Arendt and Carl Schmitt: Two concepts of the political]. In A. N. Salikov & I. O. Dementiev (Eds.), *Sovremennoe znachenie idej Xanny Arendt: Materialy mezhdunarodnoj konferencii (4 dekabrya 2014 g., Kaliningrad)* (pp. 52–65). Kaliningrad: Baltijskij federal'nyj universitet imeni Immanuila Kanta.
5. Isaev, I. A. (2007). Gosudarstvo-Leviafan. Karl Shmitt o teorii vlasti Tomasa Gobbsa [The Leviathan State. Carl Schmitt on Thomas Hobbes' theory of power]. *Lex Russica (Russkii zakon)*, 66(2), 193–212.
6. Kazansky, P. E. (1999). *Vlast' Vserossiiskogo Imperatora* [The power of the All-Russian emperor]. Moscow: Moskva.
7. Koshcheev, E. B. (2016). «Banal'noe zlo» detsizionizma [“Banal evil” of decisionism]. *Formirovanie gumanitarnoi sredy v vuze: innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii. Kompetentnostnyi podkhod*, 1, 219–224.

8. Schmitt, C. (2000). *Politicheskaia teologiya* [Political theology]. Moscow: KANON-press-C.
9. Schmitt, C. (2005). *Diktatura* [Dictatorship]. Saint Petersburg: Nauka.
10. Senderov, V.A. (2014). Totalitarnoe myshlenie v Rossii i Karl Schmitt [Totalitarian thinking in Russia and Carl Schmitt]. *Voprosy filosofii*, (8), 167–175.
11. Tikhomirov, L. A. (1992). *Monarkhicheskaia gosudarstvennost'* [On monarchist statehood]. Saint Petersburg: RISO.
12. Tikhomirov, L.A. (2008). *Rukovodiashchie idei russkoi zhizni* [Guiding ideas of Russian life]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii.
13. Zakharov, N.A. (2002). *Sistema russkoi gosudarstvennoi vlasti* [The system of Russian state power]. Moscow: Moskva.

Информация об авторе

Павел Игоревич Костогрызov, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9345-3900>, e-mail: pkostogryzov@yandex.ru

Information about the author

Pavel Igorevich Kostogryzov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9345-3900>, e-mail: pkostogryzov@yandex.ru.

«МОДЕРНИЗАЦИЯ» И «РЕФОРМА» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОПЫТ НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Екатерина Олеговна Сони́на,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
Екатеринбург, Россия,
soninaeo@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.04.2021, принята к публикации 30.06.2021

Для цитирования: Сони́на Е.О. «Модернизация» и «реформа» в политическом дискурсе современной России: опыт нарративного анализа // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 49–60. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_49

Аннотация

«Модернизация», «реформа» и синонимичные им концепты являются одними из наиболее часто применяемых в политическом дискурсе современной России. Данные концепты преимущественно аккумулируются российской правящей элитой, которая пытается наполнить их ценностно-смысловым содержанием и оперирует ими для обоснования приоритетов государственного развития. Цель статьи – выявить основные контексты интерпретации концептов «модернизация» и «реформа» в российском политическом дискурсе, причинно-следственные связи, задачи и стратегии указанной интерпретации, ее влияние на политические процессы. Научная новизна работы заключается в использовании нарративного анализа для изучения концептов «модернизация» и «реформа» в современном политическом дискурсе, систематизации их признаков, выявлении рисков обращения к концептам «модернизация» и «реформа» как нарративам. Исследование опирается на тематическую, структурную и перформативную модели нарративного анализа. Применяя их, автор выявляет темы, в рамках которых чаще всего российская правящая элита прибегает к концептам

© Сони́на Е.О., 2021

«модернизация» и «реформа», ценности, к которым происходит апеллирование при интерпретации данных концептов, цели данной интерпретации и ее возможные последствия. Источниковую базу исследования составляют официальные выступления представителей российской власти, стратегические документы, фиксирующие цели и направления государственного развития, обозначаемые властью как приоритетные. Автор приходит к выводу, что в дискурсе российской правящей элиты данные концепты все больше используются как нарративы, легитимирующие многие ее действия и решения. Но подобный подход может создавать риски их идеологизации, при которой «реформа» и «модернизация» в политическом дискурсе, формируемом властью, и политическом дискурсе, формируемом обществом, приобретают разные коннотации, усиливая противоречие между указанными видами дискурса, становясь одной из причин отчуждения общества и власти.

Ключевые слова:

политический дискурс, государство, модернизация, реформа, идеология.

UDC 321.01

DOI 10.17506/18179568_2021_18_2_49

“MODERNIZATION” AND “REFORM” IN THE POLITICAL DISCOURSE OF MODERN RUSSIA: THE NARRATIVE ANALYSIS EXPERIENCE

Ekaterina O. Sonina,

Ural Institute of Management, Branch of RANEPa,
Ekaterinburg, Russia,
soninaeo@gmail.com

Article received on April 30, 2021, accepted on June 30, 2021

For citation: Sonina, E. O. (2021). “Modernization” And “Reform” in the Political Discourse of Modern Russia: The Narrative Analysis Experience. *Scientific journal “Discourse-P”*, 18(2), 49–60. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_49

Abstract

“Modernization”, “reform” and their synonyms are among the most common concepts in the political discourse of modern Russia. These notions are mainly used by the Russian establishment, which tries to fill them with value-semantic content and applies them to justify the priorities of state development. The purpose of this article is to identify the main interpretation contexts of the “modernization” and “reform” concepts in the Russian politi-

cal discourse, cause-effect relationships, objectives and strategies of this interpretation, its impact on political processes. The novelty of the research is attributed to using narrative analysis to study the concepts of “modernization” and “reform” in modern political discourse, systematizing their features, and identifying the risks of referring to “modernization” and “reform” as narratives. The research is based on thematic, structural and performative models of narrative analysis. Applying them, the author identifies the topics in which the Russian authorities most often resort to the concepts of “modernization” and “reform”, the values that they appeal to when interpreting these concepts, the goals of such interpretation and its possible consequences. The primary sources are statements of Russian officials, strategic documents containing goals and directions of national development, designated by the authorities as priorities. The author comes to the conclusion that these concepts are increasingly used in the official political discourse as narratives that legitimize many of government actions and decisions. However, such an approach can create risks of their ideologization, when the concepts of “reform” and “modernization” formed by the government and society acquire different connotations, increasing the contradiction between these types of discourse, becoming one of the reasons for the rift between society and the authorities.

Keywords:

political discourse, state, modernization, reform, ideology.

Введение

Концепты «модернизация» и «реформа» достаточно прочно укоренились в политической риторике правящей элиты современной России, определяя подходы к государственному управлению и содержание реализуемой властью политики. Установка на масштабные преобразования с целью соответствия требованиям и вызовам современности, обеспечения «прорывного развития» (характеристика модернизированного общества) присутствует во всех последних посланиях Президента РФ, независимо от заявленных приоритетов данного развития: повышение обороноспособности страны (соответственно, внедрение инноваций и модернизация оборонной сферы) или экономическое развитие (смена технологического уклада, модернизация экономических отношений, развитие высокотехнологичных отраслей). Частота отсылок к этим концептам при легитимации изменений, инициируемых властью, настолько высока, что на уровне массового сознания «реформа» и «модернизация» воспринимаются уже как часть повседневности, ее перманентная характеристика, определяющая постоянное нахождение в состоянии изменений.

Ориентация на национальные проекты как подход к реализации масштабных государственных преобразований, наращивание человеческого потенциала, цифровизация экономики и технологическое оснащение приоритетных социальных сфер (здравоохранение, образование) в последнем послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию и в большинстве его официальных выступлений продолжают указанную традицию кодирования политического дискурса через концепты «реформа» и «модернизация», укрепляя их в качестве

нарративов. Даже существенно повлиявшая на изменение структуры экономики и общественных отношений ситуация с распространением новой коронавирусной инфекции не изменила данного тренда, наоборот, укрепила указанные концепты в официальном политическом дискурсе, которые были подвергнуты новой интерпретации с учетом задач, стоящих сегодня перед государством.

Результаты

Начиная с 1980-х гг. нарративный анализ настолько прочно укоренился в качестве самостоятельного метода научных исследований, что спровоцировал своеобразную «нарративизацию» гуманитарного знания (Franzosi, 1998, p. 12). Сегодня понятие «нарратив» является предметом анализа целого комплекса социально-гуманитарных наук: философии, социологии, лингвистики, историософии, антропологии. Нарративный анализ представляет собой качественный метод исследования, направленный на интерпретацию повествования и уделяющий особое внимание временной последовательности, которую устанавливают люди как рассказчики о жизни, событиях, окружающих явлениях (Леонтович, 2011, с. 92). Ключевым в этом анализе является сосредоточение внимания не на исследовании самого события, а на том, как оно оказывается вплетено через цепочку интерпретаций в структуру социального опыта. Нарратив является не онтологической сущностью, а обозначением набора символических конструкций и правил, которые позволяют интегрировать тот или иной индивидуальный случай в некий обобщенный и культурно обусловленный опыт и канон (Брокмейер, Харре, 2000, с. 36–38). В функциональном смысле нарратив оказывается особым типом сообщения, в котором гносеологическая связность событий достигается за счет отсылки к некоторым будущим последствиям. Именно к последствиям, а не причинам их возникновения (Зенкин, 2003). Прошлое и будущее через нарративную интерпретацию становятся частью современности, наполняя ее события смыслами, вписывая их в социальный опыт, делая его неотъемлемой частью. Такое актуализированное прошлое и будущее являются для политиков одновременно как ресурсом, применение которого сопряжено с определенными выгодами и рисками, так и объектом символических инвестиций (Малинова, 2016, с. 143). Поэтому нарративный анализ позволяет не только понять, как происходит конструирование социального опыта, но и личное отношение нарратора (повествователя, говорящего) к интерпретируемым им событиям, его мотивацию на придание им определенного смыслового контекста и содержания.

В рамках политического дискурса российской властвующей элиты «реформа» и «модернизация» применяются с целью описания событий, условий жизни, ее норм, которые должны иметь место, но на момент повествования пока не выступают частью реальности. Через оперирование данными понятиями в поле политического дискурса происходит отсылка к некоторому ожидаемому (желаемому) будущему. При этом властными субъектами не просто предлагается видение будущего российского государства и общества, но и способы его достижения.

«Модернизация» выполняет функции установки на будущее, обеспечивая идентификацию российского общества и государства с современностью. Критерии этой современности могут быть разные: наращивание военной

мощи или экономического потенциала, реструктуризация экономики через освоение новых технологий или улучшение в первую очередь качества жизни. Превалирующая сейчас в стратегических документах установка на «цифровизацию» практически всех сфер жизни общества – та же попытка со стороны власти предложить некоторое видение будущего, отвечающего требованиям (или даже вызовам) современности. В Общенациональном плане действий¹, одобренном Правительством РФ в сентябре 2020 г., «цифровизация» интерпретируется как возможность, обеспечивающая достижение «национальных целей развития экономики на основе использования новых технологий». В смысловом контексте указанного документа «цифровизация» оказывается базой развития отраслей, которые должны стать своеобразными «точками роста», стимулируя развитие экономики, обеспечивая занятость населения и создавая условия для повышения качества его жизни: строительство, образование, здравоохранение, сфера деятельности малого и среднего предпринимательства, агропромышленный комплекс. Исходя из задач, поставленных в Общенациональном плане, «цифровизация» должна также стать основой новой модели отношений государства и общества. Развитие «государства как цифровой платформы» предполагает в первую очередь переход на «проактивное и комплексное оказание государственных услуг в цифровом виде», «внедрение электронных реестров выданных разрешений и лицензий», «обеспечение юридической значимости совершаемых гражданами действий в цифровых каналах взаимодействия» населения и органов публичной власти. Заявленный масштаб «цифровизации» и сферы приоритетного внедрения цифровых технологий фактически свидетельствуют о том, что в политическом дискурсе российской власти понятие «цифровизация» выступает как синоним «модернизации», раскрывая видение властной элитой будущего российского общества и государства, исходя из критериев современности. В этом смысле «модернизация» («цифровизация») предстает уже как «нарратив прогресса», характеризуя представление российской власти о приоритетных направлениях развития и его основных акторах.

«Реформа» («национальные проекты», «приоритетные проекты», «приоритетные программы» и т.п.), в свою очередь, описывает траекторию движения к этой современности. Ключевой характеристикой оказывается минимизация социальных потрясений, обеспечение стабильности, даже если речь идет о больших национальных проектах, реализация которых намечена в достаточно короткие сроки.

В самом начале президентского Послания 2020 г. дается установка на наращивание темпов изменений, отвечающих существующему в обществе «запросу на перемены». Но здесь же приводится указание, что главным ощутимым результатом этих перемен должно стать «достижение достойного уровня жизни», стабильности².

¹ *Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике*: одобрен Правительством РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII). Взято 14 марта 2021, с <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/65832.html>

² *Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию* (2020, 15 января). Взято 14 марта 2021, с <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>

Заявленная логика реализации государственных изменений прослеживается и в выступлениях Главы Правительства Российской Федерации. При этом она не менялась даже с учетом новых вызовов, возникших в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. Например, на прошедшем в июле 2020 г. заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам еще раз было подчеркнуто, что ключевым национальным приоритетом является «повышение качества жизни каждого человека, направленное на прорывное развитие России, создание комфортных условий для всех, кто живет в нашей стране»³.

Использование «растущего научного и технологического потенциала страны» с целью «формирования долговременных условий для развития экономики», «сбережения народа России» присутствует как установка и в президентском послании 2021 г.⁴

Таким образом, концепты «модернизация» и «реформа» в официальном политическом дискурсе одновременно выступают и средством идентификации будущего государства, и повествуют о способе достижения неких коллективных социальных целей.

При повествовании о современности и видении модернизированного общества (государства) в рамках официального политического дискурса, неизменно происходит оперирование ценностями «государство» и «человек». «Реформа» и «модернизация», несмотря на разные смысловые наполнения, реализуются, если исходить из интерпретации власти, с целью укрепления государства и для повышения благополучия, улучшения качества жизни граждан. Государство и человек, «достижение достойного уровня жизни» подаются властью как универсальные ценности при определении политического курса, обосновании его выбора перед обществом, постановке в рамках выбранного политического курса задач органам исполнительной власти. При этом зачастую указанные ценности, как и другие, обозначающиеся как общие для государства и общества, не конкретизируются властью, а подаются как нечто самоочевидное (Мартьянов, 2007, с. 148).

Расшифровывая задачи «реформ» и «модернизации», российская правящая элита пытается оперировать терминами «государство» и «человек» как архетипами (Grant, 2006), не требующими дополнительных пояснений, пусть даже понимание данных терминов у власти и общества разнится.

Наконец, «реформа» и «модернизация» оказываются концептами, через которые правящая элита пытается обосновать или объяснить многие свои действия. Они превратились в официальном политическом дискурсе в высшее благо, а их отсутствие автоматически означает застой и имеет негативные смысловые коннотации (Мартьянов, 2007, с. 165). Данные концепты используются властью как инструменты легитимации принимаемых ею решений. Даже тех из них, которые являлись, по мнению общества, ошибочными, т. е. они выполняют прагматические функции в повествовании⁵, наполняя смыслом подходы

³ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам (2020, 13 июля). Взято 15 марта апреля 2021, с <http://kremlin.ru/events/president/news/63635>

⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (2021, 21 апреля). Взято 23 апреля 2021, с <http://kremlin.ru/events/president/news/65418>

⁵ Веселова, И. С. (без даты). *Нарратология стереотипной достоверной прозы.*

и решения, которые предлагаются властью с целью соответствия требованиям современности.

Необходимость ответа на требования (вызовы) современности легитимирует масштаб и сроки реализации государственных преобразований в формате реформ. Закрепление задач этих преобразований в национальных проектах, приоритетных проектах, программах, федеральных программах только повышает их значимость при реализации задаваемого властной элитой политического курса. В результате отсылка к необходимости достижения (или сохранения) российским обществом статуса современного наполняет ценностью и смыслом и сам процесс государственных преобразований, и роль властных субъектов в нем.

По сути, через обращение к концептам «модернизация» и «реформа» в политическом дискурсе правящей элиты происходит не только политическая, но и ценностная легитимация ее статуса и принимаемых, транслируемых ею решений. Это нарративная легитимация, которая предполагает обеспечение выстраивания отношений между универсальными и инструментальными ценностями (Маслов, 2015, с. 151). В рамках такой легитимации определенный тип действия обосновывается как наиболее эффективный инструмент для реализации разделяемых всеми универсальных ценностей. Тогда и легитимированный объект приобретает ценность, заимствуемую им в силу причинно-следственных связей от общепризнанной ценности «всеобщего счастья», «общенационального благополучия», «достойного качества жизни» и т. п.

Итак, «реформа» и «модернизация» оказываются нарративами политического дискурса российской правящей элиты. Но такое использование данных концептов несет и определенные риски.

Во-первых, нарратив претендует на универсальность, позволяет интегрировать то или иное событие, тот или иной случай в некий обобщенный опыт, социокультурный канон. Но он всегда связан с индивидуальным речевым актом повествующего, т. е. некоторой субъективной интерпретацией. Нарративы стремятся не к объективности, а к истинам опыта, которые раскрывают себя только после интерпретации нарратива с точки зрения оформивших его контекстов и повлиявших на него мировоззрений: «Изучение реальных людей, имеющих реальный жизненный опыт в реальном мире, происходит в нарративном анализе при помощи истолкования смысла, которым люди наделяют переживаемые события» (Ярская-Смирнова, 1997, с. 44). Нарратив предполагает оперирование реальными событиями и фактами, но совсем не означает отражение этой реальности в буквальном смысле. В рамках нарратива будущее отображается как действительность, но это все равно интерпретативное его видение.

Во-вторых, концепт «модернизации» возникал как универсальная характеристика, определяющая цели и содержание процесса развития обществ переходного типа. В этом отношении он может даже претендовать на статус «метанарратива», предлагающего наднациональную модель видения развития целого ряда обществ и государств, находящихся на определенном этапе развития. Но одним из свойств метанарративов является их оценочная насыщенность. Явления и события в рамках метанарратива предстают «в черно-белом ключе, без полутонов» (Лиотар, 1998, с. 79). Предложенное в рамках модернизационной

Взято 20 марта 2021, с http://folk.ru/Research/veselova_narratolog.php

парадигмы, определившей содержание концепта «модернизация», деление всех обществ на «развитые» и «развивающиеся» (менее развитые) соответствует этой метанарративной логике бинарного разделения на хорошее и плохое. В том числе и потому, что указанное деление означает ориентацию на «развитые» общества как некоторую идеальную модель с предложением обществам «развивающимся» конкретных целевых показателей, траекторий эволюции для ее достижения. Важно, что установка на необходимость достижения всеми обществами состояния «развитых» в модернизационной парадигме, особенно на начальных этапах ее становления, обозначается как безальтернативная. И в этом отношении «модернизация» оказывается достаточно авторитарным концептом (Рзаева, 2014, с. 27), что в поле политического дискурса при интерпретации событий через него создает риски оценочного, бинарного отнесения политических решений, действий, моделей поведения как отвечающих задачам «модернизации» и препятствующих им.

В-третьих, модернизационная парадигма изначально была «политически имплицитной», обладала достаточно расширенным и адаптивным инструментарием, позволяющим дать системное видение закономерностей актуальных социальных, экономических и политических трансформаций. Она выступала одновременно и как научная концепция, и как политическая доктрина, и как политическая стратегия развития государства и общества. Именно поэтому «модернизация» и синонимичные ей категории, концепты так широко в равной степени используются как в научном, так и в политическом дискурсе. Но «модернизация» – это все-таки не просто технология или определенная программа действий, необходимая для достижения поставленных целей; это, прежде всего, теория, систематизирующая методологические подходы к исследованию закономерностей развития трансформирующихся обществ. Исходя из национального опыта модернизации и реформ в направлении модернизации «развивающихся» обществ, данный концепт приобрел существенную содержательную трансформацию. Поэтому в поле научного дискурса произошла смена метанарратива «модернизации» на нарративы, и сегодня существует не одно безальтернативное представление о модернизационном пути развития общества, а разные теории модернизации, учитывающие и социокультурные факторы реформаторских процессов, влияющих на возможность модернизации.

Установка на «реформу» как постоянную универсальную характеристику политического процесса, определяющего режимы его существования, тоже очень неоднозначна. С позиции институционализма, «реформа» является наиболее мягкой формой реализации государственных преобразований, позволяющей обществу приспособиться к ним. Именно на этой характеристике «реформы» и делается акцент в официальном российском политическом дискурсе. Но большие государственные проекты и масштабные реформы как политические процессы всегда связаны с перераспределением ренты, возникновением и усилением конкуренции между новыми группами интересов, что порождает конфликты между крупными «соискателями» ренты.

Развитие же постиндустриального общества сопровождается обострением целого ряда противоречий. Система мышления данного типа общества в отличие от общества индустриального характеризуется утратой согласия, неспособностью прийти к единому стандарту поведения, общим правилам, языку

и т. д.⁶ Такая мозаика ценностных ориентаций усиливает конкуренцию между потенциальными получателями ренты от реформаторских процессов. Отсюда возрастают риски неправильного институционального выбора или «институциональной ловушки» (Полтерович, 2004). Неправильный выбор институтов может привести к тому, что они окажутся неэффективными, но новые группы интересов, получающих от него ренту, реализующих через него свои цели, будут настаивать на его сохранении. В результате отказаться от нового института, даже если он эффективен, может быть дороже, чем его сохранять.

Для сокращения числа конфликтующих «соискателей ренты» от реформ как политического процесса и предупреждения отклонений из-за этого от их целей, крайне важна мотивация на их реализацию всех: и исполнителей, и населения как конечного адресата реализуемых преобразований. Высокий уровень доверия населения государству, государственным институтам как инициаторам реформ позволяет предупредить риски «институциональных ловушек», помогает государству наращивать свой социальный потенциал (Дементьев, 2011), поскольку общество совершенно осознанно готово нести свой вклад в развитие государства. Это позволяет снижать риски скрытого сопротивления принимаемым властью решениям на уровне массового сознания, как следствие, сокращаются затраты на их «продвижение». Обеспечение высокой мотивации власти и населения на реализацию реформ особенно важно в условиях неопределенности и развития постиндустриального общества, поскольку механизмы перераспределения власти носят все менее контролируемый характер, в том числе со стороны государственных политических институтов.

Обеспечение высокого уровня доверия населения «реформам» позволяет предупредить еще один риск, который возникает при реализации масштабных государственных преобразований. Реформа – очень сложный политический процесс, связанный с существенными институциональными изменениями, требующими специального уровня знаний и компетенции для оценки их эффективности. Обеспечить указанный уровень доверия со стороны общества, тем более, когда «реформы» носят масштабный, всесторонний характер, крайне затруднительно. Учитывая это и неизбежную конкуренцию потенциальных получателей ренты, сопровождающую процессы государственных преобразований, «реформа» одновременно позволяет реализовать перераспределение власти с минимальным контролем со стороны общества и без реальных качественных изменений условий его жизни, низводя, по сути, содержание реформ к простой самореорганизации власти (Старцев, 2007, с. 181). Риск такого выхолащивания содержания и скрытого перераспределения власти тем более высок, когда реформирование приобретает масштабный и всесторонний характер. Поэтому если «реформа» носит затяжной характер и не дает хоть какого-то ощутимого результата с точки зрения реального повышения качества жизни населения, то на определенном этапе со стороны общества она подвергается релятивизации, приобретает в массовом политическом дискурсе относительную ценность и в итоге негативную коннотацию. А это уже становится одной из причин конфликта

⁶ Соловьев, Э.Г. (2010). Информационное общество. В В.С. Степин (Ред.), *Новая философская энциклопедия*. Взято 12 апреля 2021, с <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH131b96cb772df8497f4613>

властного и массового политических дискурсов, создавая тем самым угрозу стабильности и легитимности власти.

Заключение

В рамках политического дискурса российской властвующей элиты «реформа» и «модернизация» применяются как нарративы, раскрывающие представление власти о тех событиях, условиях, нормах, которые характеризуют российское общество и государство как отвечающие требованиям современности. При этом «модернизация» (или чаще применяемый сейчас концепт «цифровизация», который как нарратив оказывается идентичным «модернизации») выполняет функции установки на будущее, обеспечивая идентификацию российского общества и государства с современностью. «Реформа» («национальные проекты», «приоритетные проекты», «приоритетные программы» и т. п.), в свою очередь, описывает траекторию движения к этой современности. Включение концептов «реформа» и «модернизация» в политический дискурс в качестве нарративов позволяет легитимировать властные решения, направленные на создание условий для функционирования и развития общества и государства как современных. Но учитывая, что нарративы всегда связаны не с непосредственным отображением действительности, а некоторой оценочной ее интерпретацией, а также принимая во внимание историю содержательного оформления концепта «модернизация» и специфику «реформы» как политического процесса, оперирование указанными концептами как нарративами может привести к их идеологизации со стороны власти, в логике которой «модернизация» оказывается самоцелью, а «реформа» – вечным процессом ее достижения, без ощутимых изменений и улучшений в практике повседневной жизни общества. В такой ситуации со стороны общества «модернизация» и «реформа» могут быть подвергнуты релятивизации, в результате чего они приобретут в массовом политическом дискурсе относительную ценность и в итоге негативную коннотацию. Это, в свою очередь, может стать одной из ключевых причин неприятия массовым сознанием транслируемых властью решений и установок, формирования скрытого сопротивления им на уровне практик повседневной жизни общества, даже если модернизационные государственные преобразования действительно направлены на улучшение качества жизни населения и содержательно отвечают его ожиданиям. Для исключения указанных рисков крайне важно обеспечение в массовом сознании высокого уровня доверия к «реформам», отвечающим задачам «модернизации», за счет в первую очередь поддержания максимальной информационной открытости процессов государственных преобразований, диалога общества и власти по поводу содержания нарративов «модернизация» и «реформа», ощущаемого обществом улучшения качества жизни.

Список литературы

1. Брокмейер, Й., Харре, Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. *Вопросы философии*, (3), 29–42.
2. Дементьев, И. А. (2011). Доверие как индикатор социального капитала.

Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, (1), 20–30.

3. Зенкин, С. (2003). Критика нарративного разума. *Новое литературное обозрение*, (59), 524–534.

4. Леонтович, О.А. (2011). *Методы коммуникативных исследований*. М.: Гнозис. 5. Лиотар, Ж.-Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя.

6. Малинова, О.Ю. (2016). Официальный исторический нарратив как элемент политической идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам. *Политические исследования*, (6), 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>

7. Мартыянов, В.С. (2007). Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий Президента РФ. *Политэкс*, 3(1), 147–174.

8. Маслов, Е.Г. (2015). Понятие «метанарратив» Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (2–2), 150–152.

9. Полтерович, В.М. (2004). Институциональные ловушки: есть ли выход? *Общественные науки и современность*, (3), 30–50.

10. Рзаева, Р.О. (2014). Конец метанарративов в контексте проблематики прошлого и вызовов будущего. *Вопросы философии*, (2), 23–30.

11. Старцев, Я.Ю. (2007). Политическая система в зеркале дискурса: опыт реконструкции логики президентских посланий. *Политэкс*, 3(1), 175–190.

12. Ярская-Смирнова, Е.Р. (1997). Нарративный анализ в социологии. *Социологический журнал*, (3), 38–61.

13. Franzosi, R. (1998). Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative. *Annual Review of Sociology*, 24(1), 517–554. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.517>

14. Grant, I. (2006). Postmodernizm ve Politika. In *Postmodern düşüncenin eleştirel sözlüğü* (pp. 3–15). Ankara: Ebabil.

References

1. Brockmeier, J., & Harré, R. (2000). Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy [Narrative: Problems and promises of an alternative paradigm]. *Voprosy filosofii*, (3), 29–42.

2. Dementiev, I.A. (2011). Doveriye kak indikator sotsial'nogo kapitala [Trust as an indicator of social capital]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 1, 20–30.

3. Franzosi, R. (1998). Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative. *Annual Review of Sociology*, 24(1), 517–554. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.517>

4. Grant, I. (2006). Postmodernizm ve Politika. In *Postmodern düşüncenin eleştirel sözlüğü* (pp. 3–15). Ankara: Ebabil.

5. Leontovich, O.A. (2011). *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Communication research methods]. Moscow: Gnozis.

6. Lyotard, J.-F. (1998). *Sostoyaniye postmoderna* [The Postmodern condition].

Moscow: Institut eksperimental'noy psikhologii; Saint Petersburg: Aleteyya.

7. Malinova, O. Yu. (2016). Ofitsial'nyy istoricheskiy narrativ kak element politicheskoy identichnosti v Rossii: ot 1990-kh k 2010-m godam [The official historical narrative as a part of identity policy of the Russian state: From the 1990s to the 2000s]. *Political studies*, (6), 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>

8. Martyanov, V. S. (2007). Ideologiya V. V. Putina: Konceptualizatsiya poslanij Prezidenta RF [Ideology of V. V. Putin: Conceptualization of messages of the President of the Russian Federation]. *Politeks*, 3(1), 147–174.

9. Maslov, E. G. (2015). Ponyatiye «metanarrativ» Zh.-F. Liotara v kontekste narratologii [Conception “meta-narrative” by Jean-François Lyotard in the context of narratology]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, (2–2), 150–152.

10. Polterovich, V. M. (2004). Institutsional'nyye lovushki: yest' li vykhod? [Institutional traps and ways out]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, (3), 30–50.

11. Rzaeva, R. O. (2014). Konets metanarrativov v kontekste problematiki proshlogo i vyzovov budushchego [The end of metanarratives in the context of the problems of the past and the challenges of the future]. *Voprosy filosofii*, (2), 23–30.

12. Startsev, Ya. Yu. (2007). Politicheskaya sistema v zerkale diskursa: opyt rekonstrukcii logiki prezidentskiykh poslanij [Political system in discourse reflection: Experience of reconstruction of logic of presidential messages]. *Politeks*, 3(1), 175–190.

13. Yarskaya-Smirnova, E. R. (1997). Narrativnyy analiz v sotsiologii [Narrative analysis in sociology]. *Sociologicheskij zhurnal*, (3), 38–61.

14. Zenkin, S. (2003). Kritika narrativnogo razuma [Criticism of narrative mind]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (59), 524–534.

Информация об авторе

Екатерина Олеговна Сони́на, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий, Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: soninaeo@gmail.com

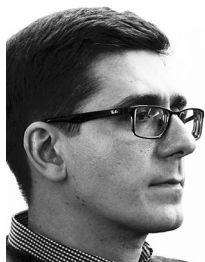
Information about the author

Ekaterina Olegovna Sonina, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Public Administration and Political Technologies, Ural Institute of Management, Branch of RANEPА, Ekaterinburg, Russia, e-mail: soninaeo@gmail.com

УДК 304.4+32.019.5+323.13+323.15

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_61

ОСПАРИВАЕМОЕ ПРОШЛОЕ: К ОБОСНОВАНИЮ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ*

Денис Эдуардович Летняков,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия,
letnyakov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.12.2020, принята к публикации 14.06.2021

Для цитирования: Летняков Д.Э. Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 61–76. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61

Аннотация

Статья ставит своей целью проблематизировать подход к исторической памяти, согласно которому последняя рассматривается как нечто целостное и монолитное. Автор показывает, что коллективную память общества продуктивнее понимать как поле, на котором происходит борьба различных нарративов и мнемотических акторов. Актуальность плюралистического подхода обусловлена, во-первых, культурной сложностью большинства современных наций. Очевидно, что различные этнические, языковые, региональные и конфессиональные сообщества могут иметь собственную версию прошлого, отличную от доминирующего исторического нарратива. В качестве примеров приводится фламандская национальная память в Бельгии, контрпамять чернокожего сообщества в США, получившая своё практическое развитие в деятельности движения *Black Lives Matter* летом 2020 г., аборигенная

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00371).

© Летняков Д.Э., 2021

память о прошлом в Австралии и т. д. Во-вторых, проблематика пересборки коллективной памяти на более плюралистичных основаниях анализируется в связи с фактором внешних миграций. Эта ситуация подробно рассматривается на примере Великобритании, где идут активные дискуссии о необходимости трансформации исторического образования в связи с изменением этнического состава школьников в последние десятилетия. Третий фактор, требующий плюрализации мемориальной культуры, – это идеологические, мировоззренческие расколы, характерные для любого общества. Данный аспект исследования разбирается на примере дебатов между испанскими левыми и правыми относительно оценок Гражданской войны и периода франкизма, немецкого «спора историков» и т. д. В заключительной части статьи автор обсуждает проблему выработки более инклюзивной мемориальной культуры применительно к России. Здесь в фокусе внимания оказывается ситуация, при которой многие российские регионы (прежде всего национальные) имеют свою версию прошлого, не совпадающую с «москвоцентричным» видением истории. Это периодически вызывает мемориальные конфликты внутри российского общества по поводу содержания федеральных учебников истории, попыток прославления различных исторических личностей и т. д. В итоге в статье делается вывод о том, что национальное государство не стоит рассматривать как единое «сообщество памяти», а любые попытки насильственной унификации будут неизбежно порождать мнемотическое сопротивление со стороны тех, чья память подавлена и маргинализована.

Ключевые слова:

историческая память, мемориальная культура, историческая политика, мемориальные конфликты, культурное разнообразие, Россия, Запад.

UDC 304.4+32.019.5+323.13+323.15

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_61

CONTESTED PAST: ON SUBSTANTIATION OF A PLURALISTIC APPROACH TO HISTORICAL MEMORY

Denis E. Letnyakov,

State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia,
letnyakov@mail.ru

Article received on December 29, 2020, accepted on June 14, 2021

For citation: Letnyakov, D.E. (2021). Contested Past: On Substantiation of a Pluralistic Approach to Historical Memory. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(2), 61–76. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61

Abstract

The article aims to problematize the approach to historical memory, according to which the latter is considered as something integral and monolithic. The author shows that it is more productive to understand the collective memory of society as a field where the struggle of various narratives and mnemonic actors takes place. This thesis is proved, firstly, by the fact of cultural complexity of most modern nations. It is obvious that different ethnic, linguistic, regional and religious communities can have their own versions of the past, different from the dominant historical narrative. Examples include the Flemish national memory in Belgium, the counter-memory of the black community in the United States, which received its practical development in the activities of the Black Lives Matter movement in the summer of 2020, aboriginal memory of the past in Australia etc. Secondly, the problem of reassembling collective memory on a more pluralistic basis is analyzed in connection with the factor of external migrations. This situation is considered in detail on the example of Great Britain, where there are active discussions about the need to transform historical education in connection with changing ethnic composition of schoolchildren in recent decades. The third factor that requires pluralization of memorial culture is ideological and worldview splits characteristic of any society. This aspect of the study is analyzed using the example of debates between the left and the right in Spain regarding assessments of the Civil War and the period of Francoism, the German “historians dispute”, etc. The author considers the problem of developing more inclusive memorial culture in Russia in the final part of the article. The focus is on the fact that many Russian regions (primarily ethnic ones) have their own version of the past, that does not coincide with the “Moscow-centric” vision of history. This periodically causes memorial conflicts within the Russian society over the content of federal history textbooks, attempts to glorify various historical figures, etc. The author concludes that it is counterproductive to consider the national state as an integral “memory community” and any attempts at forced unification will inevitably generate mnemonic resistance on the part of those whose memory is suppressed and marginalized.

Keywords:

historical memory, memorial culture, politics of memory, memorial conflicts, cultural diversity, Russia, the West.

Введение

В последние десятилетия в мире происходит активный пересмотр представлений о национальном государстве как о политическом сообществе, основанном на единой гомогенизирующей культуре. Дискурс о культурном разнообразии пришел на смену прежней убежденности в том, что политические и культурные границы обязательно должны совпадать¹. Одним из важных факторов, повлиявших на этот процесс на Западе, стали массовые миграции в послевоенный период, ко-

¹ Согласно Э. Геллнеру (2002), суть национализма можно выразить максимой «одна культура – одно государство; одно государство – одна культура» (с. 160).

торые привели к усложнению культурного ландшафта принимающих сообществ. В качестве другой причины можно назвать рост регионального национализма. Скажем, в постфранкистский период Каталония стала именоваться не просто «автономным регионом», но «национальностью», что должно подчеркивать много-составной характер современного испанского государства (Хенкин, 2015, с. 125). Похожие тенденции затронули Канаду (случай Квебека), Бельгию (активизация фламандского национального движения), Великобританию (процесс деволуции) и ряд других государств. Этнические, языковые и региональные сообщества мобилизуются вокруг идеи получения или расширения самоуправления, и часто добиваются успеха. Наконец, еще одним фактором, поставившим проблему культурного разнообразия в центр публичных дискуссий, стала активно идущая с 1960-х гг. борьба за признание со стороны расовых, религиозных, сексуальных и прочих меньшинств. Так, в США именно тогда в качестве неотъемлемой части американского общества была признана культура чернокожего сообщества.

Оказывает ли обозначенный сдвиг какое-то влияние на такую сферу, как историческая память, под которой обычно понимаются разделяемые определенным сообществом представления о прошлом? Надо сказать, что с того момента, как государства, основанные на династическом типе легитимности, стали заменяться национальными, в коллективной памяти видели одну из основ для формирования единой культурной идентичности. Не случайно история (наряду с языком) всегда выступала важнейшим инструментом нациестроительства. Национальное государство, таким образом, рассматривалось как целостное «сообщество памяти». Однако проблематизация формулы «одно государство = одна культура» заставляет скептически относиться к такого рода унитаристским подходам.

Что делать, если память не объединяет, а раскалывает общество? Примером может служить Руанда, где после геноцида 1994 г. более чем на 10 лет был введен мораторий на преподавание истории в школе. Вполне оправданная мера в ситуации, когда дети жертв и дети убийц или их пособников могли сидеть буквально за одной партой (Weldon, 2010). Общества, прошедшие, подобно руандийскому, через серьезный внутренний конфликт, представляют, конечно же, особый случай. Но разве в менее драматичных обстоятельствах между разными этническими группами, регионами, языковыми и конфессиональными сообществами, поколениями и социальными классами не могут возникать существенные расхождения по поводу интерпретации прошлого? Если это так, возможно, коллективную память продуктивнее было бы рассматривать не как единый нарратив, а как *поле борьбы* различных нарративов и мнемонических акторов. Данная статья посвящена доказательству этого тезиса. В первой части мы проанализируем, как связано культурное разнообразие современных обществ, а также наличие в них идеологических конфликтов с необходимостью пересборки коллективной памяти на более плюралистичных основаниях. Затем проблематика выработки инклюзивной мемориальной культуры, с которой могло бы соотноситься себя все население страны, будет рассмотрена применительно к России.

Почему важна диалогизация мемориальной культуры?

Первый очевидный фактор, ставящий под сомнение прежний унитаристский подход к исторической памяти, – культурная сложность большинства

современных государств, при которой различные этнические, языковые, региональные, конфессиональные сообщества, составляющие политическую нацию, могут иметь собственную версию прошлого. Скажем, фламандская коллективная память во многом формировалась в оппозиции к общегельгийской – начиная с прославления в конце XIX в. участников Битвы золотых шпор (1302 г.), в которой фламандцами была одержана важная победа над французскими войсками, и заканчивая нежеланием многих жителей Фландрии разделить патриотический нарратив о Второй мировой войне, в центре которого находится память о Движении Сопротивления, действовавшего в условиях нацистской оккупации страны (Weep, 2011). Также и в сегодняшней Великобритании слышно все больше критических слов относительно слишком «англоцентричного» уклона в национальном историческом нарративе, вследствие чего между историей Англии и Соединенного Королевства фактически ставится знак равенства, а Шотландия, Северная Ирландия и Уэльс оказываются где-то на периферии (Parekh, 2000, pp. 17–18). Даже во Франции с ее строго якобинским, унифицирующим видением нации, в 1970-е гг. начался процесс формирования региональных контристорий, которые среди прочего нередко делают акцент на насильственном присоединении к Парижу разных частей страны (Бретани, Корсики, Тулузы и т. д.) (Ферро, 1992, с. 150).

Легитимация культурных различий внутри национальных государств, о которой говорилось выше, дала различным меньшинствам большую возможность оспаривать символическую власть доминирующих групп, в том числе ставить под сомнение их исторический нарратив. Рассмотрим в этой связи случай США. Коллективная память чернокожего сообщества в этой стране долгое время являлась типичным примером вытесненной, маргинализованной памяти. В Америке господствовала триумфалистская трактовка собственного прошлого, в котором расизм и рабство представляли лишь отдельными, малозначимыми эпизодами. Людями, воплощающими в себе настоящую американскую культуру, считались белые протестанты англо-саксонского происхождения (*white anglo-saxon protestants*, WASP), тогда как цветное население было откровенно маргинализировано. Показательно, что в Филадельфии в 1876 г. афроамериканцам даже запретили участвовать в праздновании 100-летнего юбилея Декларации независимости (Burke, 2010).

Однако выстраивание американской идентичности на более инклюзивных основаниях с конца 1960-х гг. повлекло за собой и определенную ревизию истории. Начинается то, что М. Ферро удачно назвал «деколонизацией» текстов школьных учебников, где впервые появляются не только важные для афроамериканцев исторические персонажи вроде Б.Т. Вашингтона или М.Л. Кинга, но и отдельные главы, посвященные культуре чернокожих. С 1969 г. в стране начинают ежегодно отмечать Месяц афроамериканской истории (*Black History Month*). Несколько позже в борьбу на ниве исторической политики включаются и другие небелье меньшинства, считающие, что «роль, которая им отводилась в традиционной истории, несправедливо принижена» (Ферро, 1992, с. 278). В результате переоценке подвергаются даже основополагающие фигуры вроде Х. Колумба – из героя и отважного первопроходца он превращается в виновника геноцида коренных народов Нового Света, а страданиям чернокожих во времена рабства и сегрегации начинает уделяться гораздо больше внимания.

Разумеется, описанный дискурсивный разворот не проходит бесппроблемно – он встречает неприятие со стороны правоконсервативной части американского общества. Любопытным примером таких мемориальных конфликтов может служить Проект 1619 (*The 1619 Project*), который запустила газета *The New York Times* в честь 400-летней годовщины прибытия первого судна с африканскими рабами на Американский континент. 1619 г. как символическая дата начала американской истории сознательно противопоставлялся более привычному 1776 г. на том основании, что универсалистские принципы, провозглашенные в Декларации независимости, долгое время не распространялись на чернокожее население. Проект представлял собой сборник материалов (эссе, подкастов, музыки, фотографий), посвященных афроамериканской истории и культуре, и ставил своей целью «переосмыслить историю страны, поместив вклад в нее афроамериканцев, а также историю рабства в самый центр национального нарратива»². Предполагалось, что все эти материалы будут использоваться и в американских школах. Симптоматично, что известное издание *The Atlantic* обвинило участников Проекта 1619 в «историческом ревизионизме»³; в качестве ответа немедленно возник альтернативный Проект 1776, организаторы которого считали ошибкой превращать рабство и угнетение чернокожих в лейтмотив американской истории⁴; более того, президент Д. Трамп учредил своим указом особую правительственную Комиссию 1776 с тем, чтобы обеспечить «патриотическое воспитание» в школах и противопоставить что-то урокам истории, «которые разделяют Америку»⁵.

Однако «войны памяти» в США ведутся не только в медиапространстве. В 2017 г. после жестких столкновений в г. Шарлотсвилл (Вирджиния) между сторонниками ультраправых и их противниками южные штаты охватила кампания по сносу памятников конфедератам. Куда больший масштаб эти события приобрели летом 2020 г. в связи с движением *Black Lives Matter* (BLM), когда одним из ответов на полицейское насилие в отношении чернокожих стало разрушение по всей стране множества монументов. Причем атаке подвергались уже не только памятники генералам-южанам, но и Х. Колумбу, Дж. Вашингтону и т. д. В консервативных западных медиа (и, кстати, во многих российских) эти события подавались по большей части как откровенно хулиганские выходки, а активисты BLM именовались «погромщиками» и «вандалами». И все же, вне зависимости от отношения к такого рода акциям, редуцировать их к банальным актам вандализма – значит слишком упрощать ситуацию. Не случайно многие наблюдатели увидели в этих событиях своеобразный вариант «иконоборчества» (*iconoclasm*),

² *The 1619 Project – The New York Times* (n. d.). Retrieved December 5, 2020, from <https://www.nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/1619-america-slavery.html>

³ Friedersdorf, C. (2020, April 6). *1776 honors America's diversity in a way 1619 does not*. Retrieved December 5, 2020, from <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/01/inclusive-case-1776-not-1619/604435/>

⁴ Среди основателей и участников Проекта 1776 также доминируют афроамериканцы. Подробнее см. на официальном сайте проекта (<https://1776unites.com>).

⁵ Gaudiano, N. (2020, February 11). *Trump creates 1776 Commission to promote "patriotic education"*. Retrieved December 28, 2020, from <https://www.politico.com/news/2020/11/02/trump-1776-commission-education-433885>

в терминологии Б. Латура, – атаку на символы традиционной европоцентричной культуры, расистского прошлого и белого доминирования. По сути, это было продолжением той же тенденции по «деколонизации» исторической памяти, только теперь борьба шла не за содержание школьных учебников, а за облик общественных пространств.

Похожие процессы происходили в Австралии. До конца 1970-х гг. аборигенное население и мигранты небританского происхождения фактически исключались там из гражданской нации. Но в 1978 г. мультикультурализм был провозглашен государственной политикой, что стало причиной и более инклюзивного подхода к истории. Например, в 1986 г. в стране открылся первый в мире музей миграции, экспозиция которого должна была подчеркнуть множественность истоков австралийской нации, ее сложный культурный бэкграунд. Кроме того, коренное население континента получило символические ресурсы для того, чтобы противопоставить доминирующему историческому нарративу свою контрпамять. Так, в официальном заявлении представителей аборигенного сообщества, посвященном 200-летней годовщине прибытия Первого флота⁶, звучал протест против мифа о «мирном заселении» Австралии – европейцы обвинялись в «физической и культурном геноциде» коренных народов, захвате их земель⁷. Спустя 10 лет, в 1998 г., в стране был учрежден Национальный день сожаления (*National Sorry Day*), который отмечается каждый год 26 мая и ставит своей целью напомнить всем австралийцам о притеснениях аборигенного населения.

В своей знаменитой лекции «Что такое нация?» Э. Ренан сказал, что нацию создает не только общая память о прошлом, но и готовность предать забвению какие-то «неудобные» воспоминания. Примеры Австралии и США показывают, что определенная часть общества может считать стержнем своей идентичности факты, о которых другая его часть предпочла бы забыть. В стране, которая хотела видеть себя «белой Австралией» (в расовом смысле), осуществить такое забвение помогал миф о том, что весь континент до прихода европейцев являлся «ничейной землей» (*terra nullius*). Но после того как политика «белой Австралии» уступила место риторике и практике мультикультурализма, в исторический нарратив пришлось включить аборигенную память о прошлом. Аналогичные сдвиги произошли в США после того, как WASP потеряли монополию на выражение эталонного «американского духа».

Помимо внутреннего источника культурного разнообразия – признания права на различие со стороны «исторических» меньшинств в той или иной стране, не менее важным для многих государств глобального Севера стал внешний фактор в виде растущих миграционных потоков. В дополнение к традиционным иммигрантским государствам (США, Австралия, Канада), население которых всегда пополнялось выходцами из других стран, многие страны Западной Европы в послевоенный период стали реципиентами рабочей силы. Все это тоже ставит вопрос о трансформации политики памяти, тем более что довольно скоро стало

⁶ Так называют корабли с первыми переселенцами из Британии, прибывшими 26 января 1788 г. к берегам Австралии. Эта дата традиционно отмечается как национальный праздник – День Австралии.

⁷ Aboriginal sovereignty – never ceded. (1988). *Australian Historical Studies*, 23(91), 1–2.

ясно: речь идет не о «гостевых рабочих», а о людях, нацеленных на постоянное проживание в принимающей стране.

Рассмотрим эту ситуацию на примере Великобритании, поскольку именно там, вслед за США, движение BLM летом 2020 г. развернуло наибольшую активность по «деколонизации» публичного пространства. В частности, активисты британского BLM составили список из 60 монументов, которые они определили как «расистские», а значит подлежащие сносу. При этом принципиальная разница между США и Британией заключается в том, что в первом случае темнокожие активисты BLM представляют «историческое» меньшинство в стране, тогда как во втором – это люди с миграционным бэкграундом.

Опять же, как и в случае с Америкой, тут важно не следовать автоматически за той интерпретацией событий, которые часто предлагают правые политики и медиа, сводя все к бунту «понаехавших» против западной культуры. BLM подняло действительно важную проблему: что делать, если для части британских налогоплательщиков индийского происхождения У. Черчилль – это не только великий государственный деятель и победитель нацизма, но и виновник бенгальского голода 1943 г.? Как должны вести себя городские власти, если известный меценат XIX в., памятник которому стоит на центральной площади, был по совместительству еще и работником? Учитывая, что многие люди с мигрантским прошлым являются гражданами Великобритании и других западных стран, просто так отмахнуться от этой проблемы вряд ли получится. Монументы и другие «места памяти» всегда являются отражением определенного общественного консенсуса, и если в 1895 г., когда в Бристоле ставили памятник Э. Колстону, консенсус заключался в том, что широкая благотворительная деятельность этого джентльмена перевешивает в глазах общества тот факт, что источником его богатства была Королевская африканская компания, то сегодня клеймо работником может оказаться важнее всех заслуг перед соотечественниками.

Новая ситуация «сверхразнообразия» (Meissner & Vertovec, 2015), порожденная миграцией, не может не затрагивать и процесс преподавания истории в школе. В Британии программы исторического образования уже существенно изменились за последние 30 лет, но дискуссия о необходимости их дальнейшей трансформации продолжается. Очередной виток активных дебатов случился на фоне принятия в 2014 г. новой Национальной программы обучения (*The National Curriculum*). Критики указывали, что в основе исторического образования по-прежнему лежит слишком националистическая и изоляционистская идеология, тогда как история бывших английских колоний и миграций на Британские острова все еще остается где-то на периферии; в учебниках до сих пор нет содержательного разговора о вкладе в историю страны расовых, этнических и религиозных меньшинств.

Runnymede, один из британских «мозговых центров», выпустил доклад с призывом переосмыслить национальную историю, признав «центральную роль [в ней] разнообразных сообществ» (*diverse communities*) (Alexander et al., 2015, p. 3). Многие известные историки и более 70 членов парламента подключились к общественной кампании за включение в школьный курс исторических фигур, которые должны иллюстрировать собой исторически сложившееся культурное разнообразие британского общества. В свою очередь, правые ин-

теллектуалы и политики высказывали опасения, что доминирование идеологии мультикультурализма в школьном образовании «разрушит чувство национального единства» (Alexander et al., 2015, p. 6).

Очевидно, что британскому обществу придется еще не раз возвращаться к этой проблеме в ближайшие годы – в сегодняшней Британии к категории «темнокожие и этнические меньшинства» (*Black and Minority Ethnic*, BME), относится 14% населения, а среди учащихся государственных образовательных школ среднего звена (13–18 лет) они составляют 23,2% (Alexander et al., 2015, p. 5). В крупных городах, где людей с мигрантским происхождением традиционно больше, эти цифры могут быть еще выше. При этом исследования показывают, что многие ученики из числа BME оценивают исторический нарратив, транслируемый британской школой, как недостаточно инклюзивный (Harris & Reynolds, 2014). В результате детям, которые не принадлежат к социокультурному мейнстриму, не всегда удается идентифицировать себя с историей, о которой они слышат на уроках и читают в учебниках. Сказанное, конечно же, не означает, что школьникам надо перестать рассказывать про Войну Алой и Белой розы, или что британская история должна сводиться к покаянию за преступления англичан в колониях. Речь идет лишь об очевидной потребности в более плюралистичном подходе к прошлому, в рамках которого в истории будут слышны голоса не только «мертвых белых мужчин»; о подходе, который поможет детям самого разного происхождения сформировать у себя чувство принадлежности к большой гражданской нации.

До сих пор проблема плюрализации мемориальной культуры рассматривалась в контексте роста культурного разнообразия обществ, но есть еще один фактор, не позволяющий рассматривать коллективную память как нечто монолитное, лишенное внутренних противоречий. Это идеологические, мировоззренческие расколы, характерные для любого социума. Люди делятся на правых и левых, секуляристов и антисекуляристов, этатистов и либералов и т. д. Подобные идеологические противостояния нередко отражаются и на восприятии национальной истории.

Здесь можно вспомнить знаменитый «спор историков» в ФРГ в 1980-е гг., когда идея канцлера Г. Коля о «нормализации» немецкого прошлого, в том числе периода нацизма, встретила, с одной стороны, поддержку консервативного фланга интеллектуальной элиты (Э. Нольте, М. Штюрмер и др.); с другой – яростное сопротивление леволиберальных интеллектуалов, самым известным из которых был Ю. Хабермас.

Еще более показательный пример – Испания, где левые и правые до сих пор сильно расходятся в оценке Гражданской войны 1936–1939 гг. и диктатуры Франко. У каждой из сторон есть собственный мартиролог: первые делают акцент на многочисленных преступлениях франкизма, вторые вспоминают террор республиканцев против Католической церкви: аресты и расстрелы священников, сожжение монастырей, изъятие церковной собственности. Поэтому не случайно, что в основе принятого в 2007 г. испанского Закона об исторической памяти лежала идея нейтральности государства в этой сфере. Ни одна из версий прошлого, по мысли законодателей, не должна утверждаться усилиями властей как единственно верная для нации в целом. В документе говорилось, что каждый человек, семья или группа имеют право на собственную мемориальную куль-

туру, задача же государства – «содействовать формированию демократической памяти» (Shevel, 2011, p. 143). Под этим понималось создание условий для сосуществования в публичном пространстве конкурирующих версий прошлого. Именно сознательный отказ государства от глорификации какой-то одной стороны конфликта должен был помочь сформировать чувство общественной солидарности и объединить испанцев вокруг «конституционных принципов, ценностей и свобод» (Shevel, 2011, p. 143). Так во многом и произошло: в условиях разделяющего прошлого основание для национального консенсуса было найдено в гордости большинства испанцев за мирный и успешный демократический транзит страны в постфранкистский период.

Во Франции многие представители крайне правых сил до недавнего времени отказывались признавать «ценности 1789 г.» в качестве основополагающих для страны. Когда вся Франция готовилась к 200-летию революции, правыми было организовано движение с показательным названием «Анти-89». Тогдашний лидер Национального фронта Ж.-М. Ле Пен публично заявил, что с принятием «Декларации прав человека [и гражданина] начался закат Франции» (Мохов, Мохова, 2016, с. 138); критике подвергалось и такое наследие Французской революции, как лаицизм (Diner, 1998, p. 302). Иначе говоря, для части общества (пусть и не очень значительной) истинной Францией оставалась Франция «Старого порядка», а в роли национальных символов выступали не Вольтер и Мирабо, а исторические персонажи вроде Жанны д'Арк, которая с начала XX в. стала для французских правых буквально культовой фигурой.

Плюралистическая память: перспективы для России

Проблема выработки более инклюзивной мемориальной культуры актуальна и для России, названной когда-то М. Гефтером «страной стран» – обществом, которое может «внутри себя организовать... [только] с акцентом на различия» (Гефтер, 2015, с. 367–368). В таком аспекте, как коллективная память, различия проявляются, среди прочего, в том, что многие российские регионы (прежде всего национальные) могут иметь свою версию прошлого, не совпадающую с «москвоцентричным» видением истории.

Скажем, для народов Северного Кавказа А.П. Ермолов – это, в первую очередь, не герой Отечественной войны и мужественный генерал, а человек, с чудовищной жестокостью занимавшийся «умиротворением» горцев. Еще один показательный пример – атаман Ермак. Для русского исторического сознания это героический персонаж – конкистадор, покоритель Сибири, чей образ увековечил К.Ф. Рылеев в знаменитом стихотворении; тогда как татары и многие сибирские народы помнят его как разрушителя исторической государственности (Сибирского ханства) и колонизатора. Аналогичным образом из «центра» взятие Казани войсками Ивана Грозного видится как приращение территории страны, а для потомков тех, кто был завоеван, эти события связаны с началом национального и религиозного угнетения⁸. Подобные примеры можно приво-

⁸ После взятия Казани мусульманам долгое время было запрещено селиться в городе, там были разрушены многие мечети; параллельно Православная церковь развернула активную миссионерскую деятельность. Политика насильственной христианизации,

дить и дальше, но отметим просто, что заявленная проблема касается не только коллективной памяти этнических меньшинств. Из Новгорода или Пскова история присоединения этих территорий к Москве тоже может выглядеть совсем по-другому, нежели из столицы (не как один из этапов прогрессивного процесса «собирания» русских земель, а как разрушение самобытной государственности с вечевой традицией).

Не учитывая таких деликатных моментов, мы рискуем спровоцировать мемориальные конфликты внутри российской нации. Один из недавних случаев произошел летом 2020 г., когда в Сочи по инициативе Российского военно-исторического общества и ряда местных депутатов был установлен Монумент подвигу русских солдат, сражавшихся в Кавказскую войну 1817–1864 гг. Это вызвало крайне негативную реакцию черкесской общины, после протестов которой памятник пришлось демонтировать. Параллельно разгорелся скандал в Сибири: татарские организации направили открытое письмо губернатору Тюменской области и главе Тобольска, протестуя против планов по возведению в городе поклонного креста в честь Ермака и его дружины.

Подобные эксцессы – не что иное, как проявление «мнемонического сопротивления» доминирующей исторической памяти (Ryan, 2014). Оно может быть пассивным, когда носители контрпамяти оказываются не готовы принять и усвоить официальный исторический нарратив, а может – как в случае описанных скандалов – прорываться в публичное пространство. Чтобы этого не происходило, «москвоцентричный» взгляд на российскую историю должен быть заменен тем, что М. Ротберг называл «разнонаправленной памятью» (Rothberg, 2009), в которой будет слышна не только победоносная имперская поступь. Но пока российское историческое образование устроено совершенно иначе; не случайно в более свободные в политическом смысле времена федеральные учебники регулярно критиковались в национальных регионах. Например, из Татарстана звучали обвинения в том самом «имперском» подходе, при котором лейтмотивом всей отечественной истории остается процесс расширения и укрепления государства, а история России оказывается связанной почти исключительно с русским народом. Остальным же народам России отводится «страдательная роль» – они появляются на страницах учебников только как те, кого русские покоряют, цивилизуют, или как те, с кем русские воюют (Гибатдинов, 2005, с. 44).

Но обозначенная проблема, конечно, выходит далеко за пределы односторонне написанных учебников истории. Она касается российского исторического нарратива в целом, всего символического пространства, ключевых музеев и других «мест памяти»⁹. Например, отечественные исследователи справедливо обращают внимание на то, что «за пределами национальных республик Северного Кавказа почти ничего не напоминает россиянину о покорении Кавказа»; едва ли кто-то из жителей «русских» регионов знает о памятной дате 21 мая – в этот день во многих северокавказских республиках проводятся памятные мероприятия, посвященные жертвам Кавказской войны и последующему насильственному выселению горцев с родных земель (Иванеско, Урушадзе, 2018, с. 188–189).

то активизируясь, то затухая, проводилась в Поволжье вплоть до середины XVIII в.

⁹ См., например, подробный анализ концепции, лежащей в основе тематических парков «Россия – моя история» (Шнирельман, 2018).

При этом, двигаясь в сторону формирования «разнонаправленной памяти», важно, конечно, выдержать баланс и не скатиться в этнический партикуляризм. Этим грешила мемориальная политика в российских республиках в 1990-е гг., нередко противопоставлявшая память татар или адыгов исторической памяти русских, либо же общегражданскому дискурсу.

Заключение

Общий вывод работы состоит в том, что коллективную память общества контрпродуктивно рассматривать как нечто единое, гомогенное и монолитное. Напротив, она представляет собой соединение разных элементов, нередко противоречащих друг другу. И то, что выдается за историческую память всего общества, часто является не более чем доминирующим нарративом, за которым не слышно альтернативных версий прошлого. В этом случае культурная память во всей ее сложности и неоднозначности просто подменяется тем, что М. Ферро назвал «историей победителей» (Ферро, 1992, с. 307).

Проблема заключается в том, что конкурирующие интерпретации прошлого все равно продолжают существовать (хотя бы в форме устной контр истории), а их носители обычно оказываются не готовы разделить «официальную» версию исторической памяти (как мы видели на примере австралийских аборигенов или памяти горцев о Кавказской войне). Следовательно, с высокой долей вероятности напряжение между доминирующей и «вытесненной» памятью все равно сохранится. А раз так, целесообразнее признать, что коллективная память может включать в себя разные исторические нарративы в их совокупности, нежели искусственно держать под спудом «неудобные» версии прошлого.

Стоит подчеркнуть, что отстаиваемая автором альтернатива принудительной унификации мемориальной культуры заключается вовсе не в формировании параллельных «сообществ памяти», перманентно противостоящих друг другу, а в складывании *общего пространства памяти*, в котором различные групповые варианты прошлого будут развиваться в прямой связи друг с другом.

Публичная сфера в демократических обществах является пространством, в котором идут постоянные дискуссии по значимым для всех членов «полиса» вопросам. По многим из них установление окончательного общественного консенсуса невозможно в принципе, поэтому, как отмечает Ш. Муфф, сам смысл политики заключается не в преодолении конфликта, а в его легитимации и институционализации. С этой точки зрения публичные противостояния, острые дискуссии и конфликты являются признаком общественного здоровья, а не симптомом социальной патологии. Разумеется, при этом важно, чтобы конфликты оставались в определенных рамках. Например, чтобы оппоненты рассматривались не как враги, которых необходимо уничтожить, но как соперники, в чьем праве на точку зрения, отличную от нашей, мы не сомневаемся (хотя и противостоим ей) (Муфф, 2008). Такие институционализированные конфликты не разрывают социальную ткань, но *формируют* ее, поскольку демократическое общество держится не на единомыслии по ключевым вопросам (невозможном по определению), а на существовании внутри него *общего пространства дискуссий*. Другими словами, общество конституировано как целое не столько одинаковыми ответами, которые дают его члены на фундаментальные вопросы

социального бытия, сколько характером, содержанием самих этих вопросов, которые релевантны данному обществу и никакому другому.

Все сказанное относится в полной мере и к мемориальным конфликтам. Наивно ожидать, что российское общество в обозримом будущем придет к согласованному мнению относительно революции 1917 г., фигуры Сталина или событий перестройки. И в этом нет ничего страшного, ведь дискурсивное пространство, сформированное вокруг этих споров, как это ни парадоксально, и образует, среди прочего, российскую нацию; точно так же испанская нация конституирована дискуссиями насчет Гражданской войны и периода франкизма, турецкая – разным отношением к кемалистскому наследию и т. д. Поэтому такого рода противостояния не стоит воспринимать как девиацию.

Как было показано в статье, пересмотр представлений о национальном государстве, усложнение культурного ландшафта современных обществ под влиянием внешних и внутренних факторов дают возможность подключиться к публичным дискуссиям о коллективной памяти акторам, чей голос раньше был зачастую не слышен – представителям этнических и расовых меньшинств, региональных сообществ со своей контрпамятью, мигрантам и т. д. Возможно, кому-то не по душе такая плюралистичная картина, но в конечном итоге выбирать приходится между ней и репрессивным по своей сути стремлением насадить единомыслие.

Список литературы

1. Геллнер, Э. (2002). Пришествие национализма. Мифы нации и класса. В *Нации и национализм* (с. 146–200). М.: Праксис.
2. Гефтер, М. (2015). *Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским*. М.: Европа.
3. Гибатдинов, М. М. (Ред.). (2005). Перспектива поликультурного подхода в преподавании курса «История Отечества». *Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы: Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции (26 октября 2004 г., Казань)* (с. 42–46). Казань: Институт истории АН РТ.
4. Иванеско, А. Е., Урушадзе, А. Т. (2018). Past Indefinite: историческая память и политика на Северном Кавказе. *Новое прошлое / The New Past*, (3), 186–222. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-3-186-190>
5. Мохов, Н. В., Мохова, И. М. (2016). Рост популярности идей национализма в Европе (на примере французского Национального фронта). В В. А. Тишков и Е. И. Филиппова (Ред.), *Культурная сложность современных наций* (с. 133–156). М.: Политическая энциклопедия.
6. Муфф, Ш. (2008). Политика и политическое. *Политико-философский ежегодник*, 1, 88–102.
7. Ферро, М. (1992). *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. М.: Высшая школа.
8. Хенкин, С. М. (2015). Каталонский конфликт вчера и сегодня. *Актуальные проблемы Европы*, (1), 117–138.

9. Шнирельман, В. А. (2018). Манеж 2013–2016: публичная история России для народа? Выставки в Манеже как инструментальный подход к истории. *Историческая экспертиза*, 3(16), 92–116. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-3-92-116>
10. Alexander, C., Weekes-Bernard, D., & Chatterji, J. (2015). *History lessons. Teaching diversity in and through the history national curriculum*. London: Runnymede Trust.
11. Beyen, M. (2011). A parricidal memory: Flanders' memorial universe as product and producer of Belgian history. *Memory Studies*, 5(1), 32–44. <https://doi.org/10.1177/1750698011424029>
12. Burke, P. (2010). Co-memorations. Performing the past. In K. Tilmans, F. van Vree, & J. Winter (Eds.), *Performing the past: Memory, history, and identity in modern Europe* (pp. 105–118). Amsterdam: Amsterdam University Press.
13. Diner, D. (1998). Nation, migration, and memory: On historical concepts of citizenship. *Constellation*, 4(3), 293–306. <https://doi.org/10.1111/1467-8675.00056>
14. Harris, R., & Reynolds, R. (2014). The history curriculum and its personal connection to students from minority ethnic backgrounds. *Journal of Curriculum Studies*, 46(4), 464–486. <https://doi.org/10.1080/00220272.2014.881925>
15. Meissner, F., & Vertovec, S. (2015). Comparing Super-Diversity. *Ethnic and Racial Studies*, 38(4), 541–555. <https://doi.org/10.1080/01419870.2015.980295>
16. Parekh, B. (2000). *The Future of multi-ethnic Britain*. London: Profile Books.
17. Rothberg, M. (2009). *Multidirectional memory. Remembering the Holocaust in the age of decolonization*. Stanford: Stanford University Press.
18. Ryan, L. (2014). Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction. *Journal of Sociology*, 50(4), 501–514. <https://doi.org/10.1177/1440783312467097>
19. Shevel, O. (2011). The Politics of memory in a divided society: A comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine. *Slavic Review*, 70(1), 137–164. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.70.1.0137>
20. Weldon, G. (2010). *A comparative study of the construction of memory and identity in the curriculum in societies emerging from conflict: Rwanda and South Africa*. Lambert Academic Publishing.

References

1. Alexander, C., Weekes-Bernard, D., & Chatterji, J. (2015). *History lessons. Teaching diversity in and through the history national curriculum*. London: Runnymede Trust.
2. Beyen, M. (2011). A parricidal memory: Flanders' memorial universe as product and producer of Belgian history. *Memory Studies*, 5(1), 32–44. <https://doi.org/10.1177/1750698011424029>
3. Burke, P. (2010). Co-memorations. Performing the past. In K. Tilmans, F. van Vree, & J. Winter (Eds.), *Performing the past: Memory, history, and identity in modern Europe* (pp. 105–118). Amsterdam: Amsterdam University Press.
4. Diner, D. (1998). Nation, migration, and memory: On historical concepts

of citizenship. *Constellation*, 4(3), 293–306. <https://doi.org/10.1111/1467-8675.00056>

5. Ferro, M. (1992). *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznyx stranax mira* [How the past is taught to children in different countries of the world]. Moscow: Vysshaya shkola.

6. Gefter, M. (2015). *Tret'ego tysyacheletiya ne budet. Russkaya istoriya igry s chelovechestvom. Razgovory s Glebom Pavlovskim* [There will be no third millennium. Russian history of playing with humanity. Conversations with Gleb Pavlovsky]. Moscow: Evropa.

7. Gellner, E. (2002). Prishestvie nacionalizma. Mify natsii i klassa [The advent of nationalism. Myths of nation and class]. In *Natsii i nacionalizm* (pp. 146–200). Moscow: Praksis.

8. Gibatdinov, M.M. (Ed.) (2005). Perspektiva polikul'turnogo podxoda v prepodavanii kursa "Istoriya Otechestva" [The prospect of a multicultural approach in teaching the course "Russian history"]. In *Realizatsiya nacional'no-regional'nogo komponenta istoricheskogo obrazovaniya v nacional'nyx respublikax Povolzh'ya i Priural'ya: problemy i perspektivy: Materialy II Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii (26 oktyabrya 2004 g., Kazan)* (pp. 42–46). Kazan: Institut istorii AN RT.

9. Harris, R., & Reynolds, R. (2014). The history curriculum and its personal connection to students from minority ethnic backgrounds. *Journal of Curriculum Studies*, 46(4), 464–486. <https://doi.org/10.1080/00220272.2014.881925>

10. Ivanenko, A. E., & Urushadze, A. T. (2018). Past Indefinite: istoricheskaya pamyat' i politika na Severnom Kavkaze [Past indefinite: Historical memory and politics in the North Caucasus]. *Novoe proshloe / The New Past*, (3), 186–222. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-3-186-190>

11. Khenkin, S.M. (2015). Katalonskij konflikt vchera i segodnya [Catalan conflict yesterday and today]. *Aktual'nye problemy Evropy*, (1), 117–138.

12. Meissner, F., & Vertovec, S. (2015). Comparing Super-Diversity. *Ethnic and Racial Studies*, 38(4), 541–555. <https://doi.org/10.1080/01419870.2015.980295>

13. Mokhov, N. V., & Mokhova, I. M. (2016). Rost populyarnosti idej nacionalizma v Evrope (na primere francuzskogo Nacional'nogo fronta) [The growing popularity of ideas of nationalism in Europe (on the example of the French national front)]. In V. A. Tishkov & E. I. Filippova (Eds.), *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsij* (pp. 133–156). Moscow: Politicheskaya e'nciklopediya.

14. Mouffe, Ch. (2008). Politika i politicheskoe [Politics and the political]. *Politiko-filosofskij ezhegodnik*, 1, 88–102.

15. Parekh, B. (2000). *The Future of multi-ethnic Britain*. London: Profile Books.

16. Rothberg, M. (2009). *Multidirectional memory. Remembering the Holocaust in the age of decolonization*. Stanford: Stanford University Press.

17. Ryan, L. (2014). Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction. *Journal of Sociology*, 50(4), 501–514. <https://doi.org/10.1177/1440783312467097>

18. Schnirelmann, V. A. (2018). Manezh 2013–2016: publichnaya istoriya Rossii dlya naroda? Vystavki v Manezhe kak instrumental'nyj podxod k istorii [Manezh 2013–2016: Russian public history for the people? Exhibitions in the Manezh as an instrumental approach to history]. *Istoricheskaya e'kspertiza*, 3(16), 92–116.

<https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-3-92-116>

19. Shevel, O. (2011). The Politics of memory in a divided society: A comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine. *Slavic Review*, 70(1), 137–164. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.70.1.0137>

20. Weldon, G. (2010). *A comparative study of the construction of memory and identity in the curriculum in societies emerging from conflict: Rwanda and South Africa*. Lambert Academic Publishing.

Информация об авторе

Денис Эдуардович Летняков, кандидат политических наук, доцент, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7936-7013>, e-mail: letnyakov@mail.ru

Information about the author

Denis Eduardovich Letnyakov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7936-7013>, e-mail: letnyakov@mail.ru

УДК 327.8

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_77

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»*

Жанна Григорьевна Сон,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия,
jannason@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.04.2021, принята к публикации 30.06.2021

Для цитирования: Сон Ж. Г. Популяризация корейского языка и культуры в России как инструмент «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 77–90. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_77

Аннотация

Современные международные отношения невозможно представить без феномена «мягкой силы», используемой государствами, стремящимися усилить свое влияние на мировой арене. В этой связи целью статьи является анализ «мягкой силы» Республики Корея и инструментов, которые применяются для ее продвижения в России. В качестве теоретико-методологической основы исследования выступает транснациональный подход как один из наиболее эффективных при изучении новых форм и практик межкультурного взаимодействия. Помимо этого, в основе работы лежит положение о том, что культурная политика Республики Корея в значительной степени связана с проблемой суверенитета, его отстаиванием и укреплением на международной арене на фоне ракетно-ядерной программы КНДР. Автор, используя конкретные примеры, показывает, что популяризация корейского языка и культуры как основной инструмент «мягкой силы» в культурной дипломатии

* Работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (2020–2021) Тема проекта: Опыт Республики Корея в социально-культурной трансформации: решения для России.

© Сон Ж. Г., 2021

Республики Корея в Российской Федерации направлена на массовую аудиторию. Анализ деятельности корейских фондов и культурных центров в России позволил представить статистические данные о численности обучающихся корейскому языку, показать рост популярности корейской культуры среди россиян. Это дает основание заключить, что гуманитарный капитал, основанный на привлекательности корейской национальной культуры, активно внедряется в российское общество. Полученные в ходе исследования результаты приводят к выводу о том, что в целом «мягкая сила» Республики Корея направлена на улучшение ситуации с обеспечением внешней безопасности посредством использования мирного и привлекательного имиджа государства; способствует мобилизации международной поддержки политики безопасности; оказывает влияние на образ мыслей и предпочтения общественности других стран; укрепляет единство корейского общества.

Ключевые слова:

Республика Корея, «мягкая сила», культурная дипломатия, корейский язык, корейская культура, Россия.

UDC 327.8

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_77

POPULARIZATION OF THE KOREAN LANGUAGE AND CULTURE IN RUSSIA AS AN INSTRUMENT OF “SOFT POWER”*

Zhanna G. Son

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
jannason@mail.ru

Article received on April 26, 2021, accepted on June 30, 2021

For citation: Son, Zh.G. (2021). Popularization of the Korean Language and Culture in Russia as an Instrument of “Soft Power”. *Scientific journal “Discourse-P”, 18(2), 77-90.* (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_77

* Support from the Individual Research Program of the Faculty of World Economy and International Affairs at National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged (2020-2021). Project topic: The experience of the Republic of Korea in socio-cultural transformation: solutions for Russia.

Abstract

Contemporary international relations cannot be imagined without the phenomenon of “soft power” used by states seeking to strengthen their influence on the world stage. In this regard, the purpose of the article is to analyze “soft power” of the Republic of Korea and the tools that are applied to promote it in Russia. The transnational approach, one of the most effective in studying the new forms and practices of intercultural interactions, serve as a theoretical and methodological basis for the research. In addition, the work relies on the provision that the cultural policy of the Republic of Korea is largely related to the problem of sovereignty, its defense and strengthening on the world arena against the background of the DPRK’s nuclear and missile program. The author, using concrete examples, shows that popularization of the Korean language and culture as the main tool of “soft power” in cultural diplomacy of the Republic of Korea in the Russian Federation is aimed at a mass audience. The analysis of activities of the Korean foundations and cultural centers in Russia makes it possible to provide statistical data on the number of students studying the Korean language, to show the growing popularity of the Korean culture among the Russians. This gives reason to conclude that human capital, based on attractiveness of the Korean national culture, is being introduced into the Russian society actively. The results obtained in the course of the study lead to the conclusion that, in general, “soft power” of the Republic of Korea is aimed at improving the situation with ensuring external security through the use of a peaceful and attractive image; it helps to mobilize international support for security policy; it influences the way of thinking and preferences of the public of other countries; it strengthens the unity of the Korean society.

Keywords:

Republic of Korea, “soft power”, cultural diplomacy, Korean language, Korean culture, Russia.

Введение

В эпоху глобализации международные отношения невозможно представить без феномена «мягкой силы», применяемой государствами, стремящимися усилить свое влияние на мировой арене. Многие страны прилагают значительные усилия и используют различные средства для продвижения имиджа своей страны с целью привлечения партнеров. Их достижения более эффективны и менее затратны, чем внешнеполитическая деятельность государств, опирающихся исключительно на парадигму «жесткой силы», т. е. военно-силовые и санкционные рычаги воздействия.

Пока Россия набирает обороты для поворота на Восток (Караганов, 2014), Республика Корея (РК) уже завоевала свое место в России не только в области экономических отношений, но и в сфере культуры, которую исследователи рассматривают как «мягкую силу» (Горлова, Бычкова, 2015). Массы россиян становятся «фанатами» корейского языка, культуры, корейского кинематогра-

фа. Это особенно относится к российской молодежи, «заболевшей» *K-pop*-культурой (Буреав, Гармаханов, 2014; Песцов, 2016; Русакова, 2013; Русакова, Ковба, 2016; Свинякова, 2019; Степанова, Панченко, 2019).

Изучение работ, посвященных развитию «мягкой силы» государств Восточноазиатского региона, позволило автору обратить особое внимание на феномен единства языка и культуры в культурной дипломатии Р. Корея. Результаты исследования дают возможность российской стороне более внимательно отнестись к корейскому опыту по продвижению имиджа страны, использовать его в российской культурной политике за рубежом.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, во-первых, представить читателю один из наиболее перспективных подходов в социальном анализе – транснациональный метод в изучении институтов гражданского общества и культурных организаций на примере Р. Корея. Во-вторых, – показать, что популяризация корейского языка и культуры является основным инструментом «мягкой силы» в культурной дипломатии Республики Корея. В-третьих, – продемонстрировать динамику развития и продвижения «мягкой силы» Р. Кореи в России. В-четвертых, – показать практическую значимость единства языка и культуры для успешной реализации стратегии усиления международного влияния корейской «мягкой силы».

Подобный комплексный подход применяется впервые, результаты исследования дают возможность российской стороне более внимательно отнестись к корейскому опыту и использовать его в своей культурной политике для улучшения имиджа на международной арене.

Методологически настоящее исследование базируется на следующих важных положениях, обоснованных в монографии «Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования» (Громогласова, 2018). Во-первых, культурная дипломатия РК во внешней политике стала развиваться и приобретать значимость в постбиполярный период. Во-вторых, в формировании культурной дипломатии главная роль принадлежит международным факторам, а внутренние факторы (наследие, культурно-цивилизационная идентичность и др.) «актуализируются» каждый раз по-новому, в зависимости от преобладающей в определенный период времени международной гуманитарной повестки дня. В-третьих, культурная политика страны в своих истоках связана с суверенитетом, его отстаиванием и укреплением на международной арене. В этой связи гуманитарные начинания во внешней сфере, адресатом которых является «чужое» население, создают основу для включения «новых» людей в «пул» доступных для государства ресурсов развития и фактически для установления определенных элементов своего суверенитета над ними.

Исходя из этого, важную роль в исследовании играет положение о том, что активная культурная деятельность Республики Корея в значительной степени связана с проблемой суверенитета. С первой половины 1990-х гг. на фоне форсированного развития ракетно-ядерной программы КНДР в РК нарастало ощущение прямой военной угрозы. Попытки мирного урегулирования этой проблемы не дают положительных результатов. Для мирного воссоединения Севера и Юга Корейского полуострова Сеул в настоящее время во многом полагается на содействие со стороны России (Толорая, 2016), что является одним

из факторов развития отношений двух стран в различных областях, в том числе в сфере культуры.

В качестве теоретико-методологической основы исследования выступает транснациональный подход как один из наиболее эффективных при изучении новых форм и практик межкультурного взаимодействия. С конца 1990-х гг. в международном пространстве стали активно проявляться многомерные политические, экономические, этнические, религиозные и культурные взаимодействия поверх государственных и территориальных границ. Дискурс о процессах глобализации, соприкосновении локальных культур, размывании границ традиционных культур и формировании новых социокультурных идентичностей привел к появлению транснационализма как нового научного направления (Островская, 2013а, 2013б). Транснациональные явления и процессы стали предметом активного изучения западных, и в последние годы отечественных исследователей (Levit, 2001; Chafetz, 2002; Howe, 2020; Шебанова, 2012).

В рамках настоящего исследования транснациональный подход применяется при анализе основных составляющих странового имиджа и технологии его продвижения Республикой Корея в России. Это дает возможность выявить южнокорейские «транснациональные поля» социокультурных взаимодействий, не ограниченных конкретной территорией. Это религиозные конфессии, в основном протестантские церкви и культурные центры, деятельность которых направлена на распространение корейского языка, корейской культуры, корейского восточного единоборства тхэквондо и др. Корейские транснациональные социокультурные сети гармонично вошли на территорию России и успешно развиваются на протяжении тридцати лет (Эм, Сон, 2021).

Эмпирическую базу исследования составили данные полевых и онлайн-исследований, проводившихся в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Саратове, Волгограде, Владивостоке, Южно-Сахалинске с 15 мая по 30 июня 2020 г. Работа осуществлялась в рамках научного проекта факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, были использованы как качественные, так и количественные методы.

Культурная дипломатия Республики Корея и отношения с Россией

РК, как и СССР, до конца 1980-х гг. была закрытой страной, о ней мало кто знал и воспринимал как самостоятельное государство. За последние 20 лет наблюдается трансформация в мировоззрении мирового сообщества относительно РК, которая не только выдвинулась на уровень государств с развитой экономикой, но и уверенно позиционирует себя как страну с уникальными культурными традициями. Культурные особенности, в том числе традиционные ценности, используются для популяризации корейской культуры на международной арене. РК открыта для мирового сообщества, готова к диалогу и сотрудничеству, укрепляет свои позиции с помощью «мягкой силы». Масштаб и скорость распространения феномена под названием «Корейская волна / Халлю» обуславливают появление исследований, посвященных вопросам усиления и популяризации азиатской культуры (Аигина, Новикова, 2017; Горлова, 2015; Жидков, 2014; Кукла, 2020; Русакова, 2015; Симбирцева, 2007).

Для улучшения имиджевой политики в 2010 г. Правительством РК принято «Руководство по культурной дипломатии»¹, где определены основные цели, приоритеты и задачи культурной политики в сфере сотрудничества с другими странами. В документе отмечается, что до 1980-х гг. политический курс страны был сфокусирован главным образом на национальную оборону и торговлю, а в XXI в. наметилась тенденция к изменению стратегических целей; одними из главных направлений культурной дипломатии должны стать популяризация корейского языка и культуры, образование и туризм. Для реализации этих целей Правительством Республики Корея создан, например, Национальный институт развития международного образования (*National Institute for International Education*, NIIED), главной задачей которого является интернационализация корейского образования.

В последние годы отношения между РК и РФ характеризуются положительной динамикой и нацелены на развитие тесного сотрудничества и стратегического партнерства. Об этом свидетельствуют, в частности, различные форумы, проводимые в обеих странах и направленные на улучшение климата межгосударственных отношений. Прежде всего, это Форум гражданских обществ «Диалог Россия – Республика Корея» (ДРПК), созданный в 2009 г. на базе Санкт-Петербургского университета; Русско-корейское общество, основанное в 2014 г. в Международном государственном институте международных отношений; проводимый с 2018 г. Российско-Корейский форум межрегионального сотрудничества, который в 2019 г. прошел во Владивостоке в рамках Восточного экономического форума при поддержке фонда «Росконгресс». Среди данных форумов наиболее широким спектром деятельности отличается ДРПК, осуществляя свою работу в шести основных направлениях: 1) экономика, торговля и ресурсы; 2) политика и международные отношения; 3) образование и наука; 4) СМИ и гражданское общество; 5) культура и искусство; 6) молодежный диалог².

В области культуры и образования активную работу в России проводят корейские фонды, такие как Корейский фонд (*Korea Foundation*) и Фонд зарубежных корейцев (*Overseas Korea Foundation*). Корейский фонд (КФ) был основан в 1991 г. с целью распространения информации о Корее и поддержки общественной дипломатии для более тесного взаимодействия с дружественными странами. Фонд реализует различные программы международного обмена, включая корееведение, проекты СМИ, обмен опытом международного сотрудничества, культурными и художественными ценностями. В 2019 г. бюджет КФ составил около \$135 млн.³ При поддержке КФ Российская ассоциация университетского корееведения (РАУК) и Объединение преподавателей корейского языка российских университетов (ОПКЯРУ) проводят научные конференции, семинары и другие мероприятия⁴. Помимо этого, функционируют частные структуры, ра-

¹ 문화외교매뉴얼 [Cultural Diplomacy Guide] (2010, February 26). Retrieved March 15, 2021, from <https://www.korea.kr/archive/expDocView.do?docId=24724>

² Рабочие группы ДРПК (без даты). Взято 15 марта 2021, с <https://drpk.ru/rabochie-gruppy/>

³ *The Korea Foundation (KF). Message from the President* (n. d.). Retrieved March 15, 2021, from <https://www.kf.or.kr/kfEng/cm/cntnts/cntntsView.do?mi=2124&cntntsId=1628>

⁴ Российская ассоциация университетского корееведения (без даты). Взято 15 мар-

бота которых направлена на популяризацию корееведения, корейской культуры и образования на международном уровне.

Корейские культурные центры в Москве

Опыт корейской культурной дипломатии в популяризации языка и культуры подтверждает культурологическую гипотезу о признании связи между языком и культурой. Кратко напомним выделенные в лингвокультурологии основные черты взаимосвязи языка и культуры: 1) это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; 2) они существуют в диалоге между собой; 3) субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество (Маслова, 2001). Феномену единства языка и культуры в «мягкой силе» Республики Корея соответствуют все перечисленные характеристики, язык является неотъемлемой частью культуры, основным инструментом ее усвоения, это суть корейского духа. Язык выражает специфические черты национального менталитета. РК гармонично сочетает в своей культурной дипломатии феномен единства языка и культуры корейской нации. А корейские культурные центры предоставляют возможность знакомства с ними, в том числе в сочетании с корейским боевым искусством тхэквондо.

Важную роль в культурных контактах двух стран играет Культурный центр при Посольстве Республики Корея. Центр ведет активную деятельность в Москве с начала 2000-х гг., именно на тот период пришелся подъем «Корейской волны» во всем мире, в том числе в России. Помимо проведения концертов, кинопоказов, выставок, знакомящих россиян с традиционной и современной корейской культурой, большое внимание уделяется бесплатным занятиям по корейскому языку, а также культуре, куда входят тхэквондо, традиционные танцы, самульнори (игра на корейских барабанах), танцы К-поп, бумажное искусство, танцы с масками и пр. Политика продвижения корейской культуры в единстве с языком уникальна, не имеет аналогов в мировой практике, также ей свойственна общедоступность, непринужденность в общении, свобода выбора занятий в кружках. Организация и обучение корейскому языку поставлены на высокий уровень. Корейский язык преподают высококвалифицированные специалисты из московских вузов и носители языка. Число слушателей, посетивших курсы корейского языка с 2000 по 2020 гг., составляет десятки тысяч. Только в 2018 г. на курсы корейского языка было подано 14169 заявок. В весенний семестр 2019 г. на начальный уровень обучения поступило 4981, на разговорный корейский – 3653 чел. В сентябре 2020 г. на начальный курс подано заявок 3405⁵.

Сотни россиян стремятся познакомиться с корейской культурой. На К-поп в 2018 г. было подано 3444 заявок, в 2019 г. – 1813, а в январе 2020 г. – 1056. В 2018 г. число желающих заниматься тхэквондо соответствовало 849, в 2019 г. – 345, в 2020 г. – 216 человек. В связи с заметным ростом популярности корейского языка на курсах его изучения проводится конкурсный отбор.

та 2021, с http://www.rauk.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=9&Itemid=117&lang=ru

⁵ Культурный центр Посольства Республики Корея (без даты). Взято 15 марта 2021, с <https://russia.korean-culture.org/ru/6/contents/344#mnu391>

Также стоит отметить деятельность школы Вон Гван при Московском вон-буддийском храме. Школа была основана в 1993 г. и с того времени ее популярность среди москвичей стабильно растет⁶. Главные направления деятельности этой школы: обучение корейскому языку, знакомство с корейской национальной культурой (танцы, игра на традиционных корейских барабанах, тхэквондо и т. д.). В Корейской школе Вон Гван проводятся также занятия йогой, воскресные вон-буддийские службы, занятия по практике сознания, осуществляется перевод священных книг вон-буддизма на русский язык. Школа Вон Гван совместно с Культурным центром Посольства РК участвует в организации и проведении Фестиваля корейской культуры в честь очередной годовщины установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Россией⁷. С 1995 г. ежегодно 12 июня в День независимости России на стадионе ЦСКА проводится Фестиваль корейской культуры, который собирает под одной крышей многонациональную Россию, число участников достигает 5 тыс. человек.

Специалистами школы разработан учебник корейского языка, ориентированный на русскоязычную аудиторию и состоящий из трех частей: «Вводный курс», «Курс для продолжающих», «Основной курс»⁸. В октябре 2008 г. на базе школы Вон Гван создан образовательный центр «Свет Круга». По информации директора школы, весной 2015 г. на курсы корейского языка поступило 714 человек, осенью – 915; весной 2016 г. было принято 910 человек, осенью – 951; весной 2017 г. – 782, осенью – 748; весной 2018 г. – 729, осенью – 776; весной 2019 г. – 801, осенью – 783; весной 2020 г. поступил 1001 человек⁹. Слушатели курсов имеют возможность сдать экзамен на уровень владения языком и получить сертификаты шести уровней. Успешные студенты могут на конкурсной основе получить стипендии для продолжения обучения в Корее.

В 2008 г. в стенах школы Вон Гван был открыт первый в России центр Седжон¹⁰. Сам Институт имени короля Седжона (*King Sejong Institute*) функционирует при Министерстве культуры и туризма Республики Корея¹¹. Он представляет собой международный культурно-образовательный проект корейского Правительства, нацеленный на поддержку студентов и преподавателей-корееведов. С 2007 г. офисы института открываются по всему миру, насчитывая к настоящему времени 180 центров в 60 странах мира. В Москве Центр Седжон

⁶ *Московский кёдан* (без даты). Взято 21 ноября 2020, с <http://wonbuddhism.ru/moscow-temple/>

⁷ *Фестиваль корейской культуры* (без даты). Взято 15 марта 2021, с <http://www.wonkwang.ru/festival/>

⁸ *Учебник корейского языка школы Вон Гван* (без даты). Взято 15 марта 2021, с <http://www.wonkwang.ru/korean/textbook/>

⁹ Статистические данные предоставлены директором школы М.В. Авдеевым 17 марта 2021 г.

¹⁰ *Центр Седжон (Школа Вон Гван)* (без даты). Взято 15 марта 2021, с <http://www.wonkwang.ru>

¹¹ Институт Седжона сопоставим с китайским Институтом Конфуция. Назван в честь короля Седжона Великого, по поручению которого в 1446 г. был разработан национальный корейский алфавит хангыль.

функционирует также при Посольстве Республики Корея, а в 2020 г. открыт в московском кампусе Высшей школы экономики¹².

Таким образом, Корейский культурный центр при Посольстве Республики Корея, школа Вон Гван, Центр Седжон за последние 20 лет стали крупнейшими образовательными учреждениями, конкурирующими с высшими учебными заведениями Москвы, где имеются корееведческие отделения. Выпускники центров имеют преимущества на российском рынке труда по сравнению с выпускниками московских вузов, поскольку глубже изучают корейскую культуру, этикет и быстрее вырабатывают коммуникативные ресурсы для работы в корейских компаниях.

Общественные организации российских корейцев

После принятия в России федеральных законов «Об общественных объединениях»¹³ и «О национально-культурной автономии»¹⁴ в корейском сообществе России функционируют общественные организации и региональные национально-культурные автономии. В рамках этих организаций свою деятельность осуществляют культурные центры, в компетенцию которых входит возрождение и сохранение самобытности корейской культуры среди русскоязычных корейцев.

После установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея связующим звеном между российским и корейским сообществами становятся российские корейцы. Они помогают южным корейцам в продвижении бизнеса, налаживании контактов между Югом и Севером Корейского полуострова, а также в развитии общественной и культурной деятельности этнических корейцев в России. Республика Корея, со своей стороны, оказывает благотворительную помощь в проведении мероприятий, тематически связанных с корейским языком и культурой, оснащении учебниками, национальными музыкальными инструментами, костюмами и т. д.

С 15 мая по 30 июня 2020 г. в рамках реализации научного проекта факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ было проведено анкетирование представителей 22 общественных организаций и национально-культурных автономий российских корейцев из разных регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Саратов, Волгоград, Владивосток, Южно-Сахалинск, Хабаровск и др.). Респондентам было задано 15 вопросов о роли, значении и участии Республики Корея в культурно-просветительской деятельности среди российских корейцев. Результаты опроса показали, что корейский язык преподается практически во всех организациях (90,9%), среди преподавателей 45,5% составляют носители языка, также имеются кружки корейских танцев, самульнори, тхэквондо и К-поп (86,4%). Следует особо подчеркнуть, что обще-

¹²Институт Короля Седжона (без даты). Взято 15 марта 2021, с <https://we.hse.ru/regstudies/sejong>

¹³Об общественных объединениях: федеральный закон от 19 мая 1995 г. (№ 82-ФЗ). Взято 15 марта 2021, с http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/

¹⁴О национально-культурной автономии: федеральный закон от 17 июня 1996 г. (№ 74-ФЗ). Взято 15 марта 2021, с <http://base.garant.ru/135765/>

ственные институты российских корейцев продвигают язык и культуру своей исторической родины в России на безвозмездной основе. В настоящее время корейские культурные центры функционируют в Санкт-Петербурге, Волгограде, Казани, Хабаровске, Владивостоке, Южно-Сахалинске, Уссурийске, Саратове, Ростове-на-Дону, Тюмени, Томске, Иркутске и многих других городах России. Они открыты для всех, кто желает приобщиться к корейской национальной культуре.

Вместо заключения

Транснациональный подход, использованный в качестве теоретико-методологической основы данной статьи, нацелен на изучение новых форм и практик межкультурного взаимодействия. Этот подход эффективен и при анализе «мягкой силы» Республики Корея в рамках новейшей истории российско-корейских отношений. Под воздействием транснационализма происходят определенные трансформации менталитета и образа жизни иностранных граждан, связанные с проникновением в их повседневные практики как элементов традиционной корейской культуры, так и продуктов К-поп-индустрии.

Если говорить в целом, то «мягкая сила» Республики Корея направлена на улучшение ситуации с обеспечением внешней безопасности посредством использования мирного и привлекательного имиджа государства; способствует мобилизации международной поддержки политики безопасности; оказывает влияние на образ мыслей и предпочтения общественности других стран; укрепляет единство корейского общества. В настоящее время как внутренние, так и внешние ресурсы Республики Корея превращаются в важные инструменты её «мягкого» влияния, к которым, к примеру, относятся: 1) успешный опыт быстрой модернизации и демократизации страны; 2) создание транснациональной системы продвижения корейского языка и культуры (Korea Foundation).

К настоящему времени Республика Корея сформировала в России позитивный образ с помощью популяризации корейского языка и культуры. Это дает основание заключить, что гуманитарный капитал, основанный на привлекательности корейской национальной культуры, активно внедряется в российское общество.

Для России стратегический опыт в применении «мягкой силы» Республикой Корея может оказаться весьма полезным, во-первых, – в плане улучшения имиджа собственной страны за рубежом, во-вторых, – для ускорения процессов модернизации системы государственного управления, в-третьих, – для нахождения мирных способов решения актуальных политических вопросов.

Список литературы

1. Аигина, Е. В., Новикова, Е. Ю. (2017). Халлю-туризм («корейская волна») как новое направление развития туризма в Республике Корея. *Вестник РМАТ*, (1), 140–145.
2. Буреав, Д. И., Гармаханов, М. Ц. (2014). Корейская волна и мягкая сила. Стратегия развития и распространения. *Вестник Бурятского государственного*

университета, (8), 115–120.

3. Горлова, И.И., Бычкова, О.И. (2015). Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения. *Теория и практика общественного развития*, (18), 268–272.

4. Громогласова, Е.С. (2018). *Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования*. М.: ИМЭМО РАН.

5. Жидков, В.О. (2014). Элементы южнокорейской мягкой силы. *Дискурс-Пи*, (2–3), 172–177.

5. Караганов, С.А. (2014). «Вперед к Великому океану». *Россия в глобальной политике*. Взято 15 марта 2021, с <https://globalaffairs.ru/articles/vpered-k-velikomu-okeanu/>

7. Кукла, М.П. (2020). Поворот России на Восток: к проблеме переосмысления российско-южнокорейских экономических отношений. *Проблемы Дальнего Востока*, 2, 71–83. <https://doi.org/10.31857/S013128120009597-7>

8. Маслова, В.А. (2001). *Лингвокультурология*. М.: Академия.

9. Островская, Е.А. (2013а). Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: методология социологического изучения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16(2), 168–188.

10. Островская, Е.А. (2013б). Транснациональный подход в социологическом изучении глобальных религиозно-политических пространств. В С.Г. Карасева и С.И. Шатравский (Ред.), *Человек и религия: Материалы Международной научно-практической конференции (14–16 марта 2013 г., Минск)* (с. 19–24). Минск: Белорусский государственный университет.

11. Песцов, С.М.К. (Ред.). (2016). «Мягкая сила» в азиатско-тихоокеанском региональном контексте. *Теоретическая адаптация и национальные практики*. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет.

12. Русакова, О.Ф. (2013). Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3 (118), Общественные науки*, 52–61.

13. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). *Soft power: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».

14. Русакова, О.Ф., Ковба, Д.М. (2016). Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 2, 14–29.

15. Свинякова, Д.Е. (2019). Культурно-гуманитарные отношения между Республикой Корея и Россией на современном этапе. *Казанский вестник молодых ученых*, 3(1), 118–127.

16. Симбирцева, Т.М. (2007). Российское корееведение сегодня. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*, 6, 125–133.

17. Степанова, В.С., Панченко, О.Л. (2019). Корейская поп-культура в России: основные направления развития. *Казанский вестник молодых ученых*, 3(3), 61–68.

18. Толорая, Г.Д. (Ред.). (2016). *Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде*. М.: Дашков и К.

19. Шебанова, М. А. (2012). Мировое развитие через призму транснационального подхода. *Историческая и социально-образовательная мысль*, (1), 156–161.

20. Эм, П.П., Сон, Ж.Г. (2021). Тигр пленяет медведя: «мягкая сила» Республики Корея в России. *Азия и Африка сегодня*, (3), 24–30. <https://doi.org/10.31857/s032150750013115-8>

21. Chafetz, J. S. (Ed.). (2002). *Religion across borders: Transnational immigrant networks*. Walnut Creek: Alta Mira Press.

22. Howe, B. (2020). South Korea: Transformative Challenges to the Economic and Political «Miracle on the Han River». *Asian Affairs: An American Review*, 47, 16–40.

23. Levitt, P. (2001). *Between God, ethnicity, and country: An approach to the study of transnational religion* (Working Paper). Retrieved March 15, 2021, from <http://www.transcomm.ox.ac.uk/working%20papers/Levitt.pdf>

References

1. Aigina, E. V., & Novikova, E. Yu. (2017). Xallyu-turizm (“korejskaya volna”) kak novoe napravlenie razvitiya turizma v Respublike Koreya [Hallyu tourism (“Korean wave”) as a new trend for tourism development in the Republic of Korea]. *Vestnik RMAI*, (1), 140–145.

2. Buraev, D. I., & Garmaxanov, M. T. (2014). Korejskaya volna i myagkaya sila. Strategiya razvitiya i rasprostraneniya [Korean wave and soft power. Strategy of development and distribution]. *Vestnik Buryatskog ogosudarstvennogo universiteta*, (8), 115–120.

3. Chafetz, J. S. (Ed.). (2002). *Religion across borders: Transnational immigrant networks*. Walnut Creek: Alta Mira Press.

4. Em, P. P., & Son, Zh. G. (2021). Tigr plenyayet medvedya: “myagkaya sila” Respubliki Koreya v Rossii [The tiger entices the bear: The experience of South Korean “soft power” in Russia]. *Aziyai Afrika segodnya*, (3), 24–30. <https://doi.org/10.31857/s032150750013115-8>

5. Gorlova, I. I., & Bychkova, O. I. (2015). Kul'tura kak “myagkaya sila”: instrumenty i tochki ipriozheniya [Culture as a “soft power”: Tools and points of application]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (18), 268–272.

6. Gromoglasova, E. S. (2018). *Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh: opyt sistemnogo issledovaniya* [Humanitarian diplomacy in modern international politics: A systemic view]. Moscow: IMEMO RAN.

7. Howe, B. (2020). South Korea: Transformative Challenges to the Economic and Political “Miracle on the Han River”. *Asian Affairs: An American Review*, 47, 16–40.

8. Karaganov, S. A. (2014). “Vpered k Velikomu okeanu” [“Toward the Great ocean”]. *Rossiya v global'noj politike*. Retrieved March 15, 2021, from <https://globalaffairs.ru/articles/vpered-k-velikomu-okeanu/>

9. Kukla, M. P. (2020) Povорот России на Восток: к проблеме переосмысления российско-южнокорейских экономических отношений [Russia’s Turn to the East:

on the problem of rethinking Russian-South Korean economic relations] *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2, 71–83. <https://doi.org/10.31857/S013128120009597-7>

10. Levitt, P. (2001). *Between God, ethnicity, and country: An approach to the study of transnational religion* (Working Paper). Retrieved March 15, 2021, from <http://www.transcomm.ox.ac.uk/working%20papers/Levitt.pdf>

11. Maslova, V.A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya.

12. Ostrovskaya, E. A. (2013a). Transnacional'nye prostranstva global'nyx mezhkul'turnyx vzaimodejstvij: metodologiya sociologicheskogo izucheniya [Transnational space of global intercultural interactions: A methodology of sociological research]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 16(2), 168–188.

13. Ostrovskaya, E. A. (2013b). Transnacional'nyj podxod v sociologicheskom izuchenii global'nyx religiozno-politicheskix prostranstv [Transnational approach in sociological studies on global religious and political spaces]. In S.G. Karaseva & S.I. Shatravskij (Eds.), *Chelovek i religiya: Materialy Mezhdunarodnoj. nauchno-prakticheskoj konferencii (14–16 marta 2013 g., Minsk)* (pp. 19–24). Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet.

14. Pestsov, S.K. (Ed.). (2016). “Myagkaya sila” v aziatsko-tixookeanskom regional'nom kontekste. Teoreticheskaya adaptaciya i nacional'nye praktiki [“Soft power” in the Asia-Pacific regional context. Theoretical adaptation and national practices]. Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet.

15. Rusakova, O.F. (2013). Soft power kak strategicheskij resurs i instrument formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii [Soft power as a strategic resource and an instrument for forming a state brand: the experience of Asian countries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3 (118), Obshchestvennye nauki*, 52–61.

16. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Publ. House “Discourse-P”.

17. Rusakova, O.F., Kovba, D.M. (2016). Strategicheskie modeli “myagkoj sily” stran vostochnoaziatskogo regiona [Strategic models of “soft power” of the countries of the East Asian region]. *Political expertise: POLITEX*, 2, 14–29.

18. Shebanova, M.A. (2012). Mirovoe razvitie cherez prizmu transnacional'nogo podxoda [World development in the light of transnational approach]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*, (1), 156–161.

19. Simbirtseva, T.M. (2007). Rossijskoe koreevedenie segodnya. Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost [Russian Korean studies today]. *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*, 6, 125–133.

20. Stepanova, V.S., & Panchenko, O.L. (2019). Korejskaya pop-kul'tura v Rossii: osnovnye napravleniya razvitiya [Korean pop culture in Russia: Main directions of development]. *Kazanskij vestnik molodyx uchenyx*, 3(3), 61–68.

21. Svinyakova, D.E. (2019). Kul'turno-gumanitarnye otnosheniya mezhdu Respublikoj Koreya i Rossiej na sovremennom e'tape [Cultural and humanitarian relations between the Republic of Korea and Russia at the present stage]. *Kazanskij vestnik molodyx uchenyx*, 3(1), 118–127.

22. Toloraya, G.D. (Ed.). (2016). *Aziatskie sosedi Rossii: Vzaimodejstvie v regional'noj srede* [Russia's Asian neighbors: Interaction in the regional environment]. Moscow: Dashkov i K.

23. Zhidkov, V.O. (2014). E'lementy yuzhnokorejskoj myagkoj sily [Elements of South Korean soft power]. *Diskurs-Pi*, (2–3), 172–177.

Информация об авторе

Жанна Григорьевна Сон, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0665-1624>, e-mail: jannason@mail.ru

Information about the author

Zhanna Grigoryevna Son, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0665-1624>, e-mail: jannason@mail.ru.

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_91

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ЯПОНИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Сергей Александрович Зарянский,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
zaryanskysergey@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.05.2021, принята к публикации 30.06.2021

Для цитирования: Зарянский С.А. Современное состояние «мягкой силы» Японии: достижения и проблемы // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 91–110. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_91

Аннотация

«Мягкая сила» является одним из ключевых оснований современной внешней политики Японии. В связи с этим целью исследования является изучение данного феномена на современном этапе, а также прогнозирование его развития в будущем с учетом положительных и отрицательных тенденций. Актуальность исследования обусловлена не только общемировыми трендами перехода к более гибким внешнеполитическим инструментам, но и целым рядом относительно недавних изменений в международном пространстве: от усиления «зеленой повестки» до пандемии COVID-19. В работе рассматриваются важнейшие инструменты «мягкой силы» Токио: культура, международное взаимодействие, государственное управление и участие неправительственных акторов в создании образа Японии. Методологически исследование опирается на системы показателей «мягкой силы», разработанные компаниями *Portland* и *Brand Finance*. Кроме того, используется системный подход, подразумевающий четкую причинно-следственную связь изменений в одной части комплексного феномена с иными элементами, а также и характером самого явления. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении ранее неотмеченных в дискурсе исследований «мягкой силы» особенностей Японии, способных повлиять на возможности проведения «мягкой» политики сегодня и в будущем. Автор

© Зарянский С.А., 2021

приходит к выводу о сохранении Японией своих лидерских позиций в мире посредством «мягкой силы». Страна восходящего солнца активно использует богатую культурную традицию и не забывает при этом о современных тенденциях мирового развития, внедряя их в «мягкую» политику. В то же время в статье выделяются факторы, способные пошатнуть мощь «мягкой силы» Токио: отношение к иностранцам и мигрантам, экологические проблемы, сравнительно высокая степень дисфункции демократических институтов и некоторая противоречивость японской политики. Это, по мнению автора, может оказать существенное негативное влияние на образ страны в обозримом будущем.

Ключевые слова:

Япония, «мягкая сила», культурная дипломатия, культурный национализм, социальная дискриминация, языковая политика, национальный бренд, экология, индустрия развлечений.

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_91

CONTEMPORARY “SOFT POWER” OF JAPAN: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS

Sergey A. Zaryansky,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
zaryanskysergey@gmail.com

Article received on May 13, 2021, accepted on June 30, 2021

For citation: Zaryansky, S.A. (2021). Contemporary “Soft Power” of Japan: Achievements and Problems. *Scientific journal “Discourse-P”, 18(2)*, 91-110. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_91

Abstract

“Soft power” is one of the key foundations of Japan’s modern foreign policy. In this regard, the purpose of the article is to study this phenomenon at the present stage, as well as to predict its development in the future, taking into account positive and negative trends. The relevance of the research is due not only to global tendencies of transition towards more flexible foreign policy instruments, but also to a number of relatively recent changes in international relations: from the rise of the “green agenda” to the COVID-19 pandemic. The article examines the most important tools of Tokyo’s “soft power”: culture, international cooperation, governance and participation of non-governmental actors in creating

the image of Japan. Methodologically, the research is conducted on the basis of “soft power” indices systems developed by Portland and Brand Finance companies. In addition, the study is based upon a systemic approach, implying a clear causal relationship between changes in one part of a complex phenomenon with its other elements, as well as the nature of the phenomenon itself. The scientific novelty of this research is attributed to consideration of Japan’s peculiarities, previously unnoticed in the discourse of “soft power” studies, which may influence the possibilities of Japan’s “soft” policy both today and in the future. The author comes to the conclusion that Japan retains its leading positions in the world through “soft power” capabilities. The Land of the Rising Sun is actively using its rich cultural tradition and introducing modern trends in its development into “soft” policy. At the same time, there are factors that can damage Tokyo’s “soft power”: the attitude towards foreigners and migrants, environmental problems, a relatively high degree of dysfunction of democratic institutions and some controversies of Japanese politics. This, according to the author, can have a significant negative impact on the country image in the foreseeable future.

Keywords:

Japan, “soft power”, cultural diplomacy, cultural nationalism, social discrimination, language policy, nation brand, ecology, entertainment industry.

Введение

Япония всегда представлялась наблюдателям извне (не только европейцам, но и собственным соседям) страной тайн, загадок и несметных богатств наравне с Индией. Понимая сложившийся вокруг нее миф, Страна восходящего солнца активно использовала свой образ при взаимодействии с различными государствами и регионами мира.

С середины XX в. в силу различных исторических обстоятельств, главным из которых видится капитуляция страны, Токио пришлось практически полностью положиться на использование того, что впоследствии Дж. Най назовет «мягкой силой». Интересно, что автор данной концепции и сам выделяет Страну восходящего солнца в качестве лидера азиатских держав по возможностям использования «мягкой силы» (Nye, 2005, pp. 85–88). Благодаря японской самобытности и лестной характеристике известного представителя академического сообщества, исследуемая тема не утрачивает своей актуальности и по сей день.

Актуальность темы обуславливается также общемировыми тенденциями перехода к более гибким инструментам проведения внешней политики и выстраивания долгосрочной стратегии действий государств. Особенно интересным данный феномен кажется в связи с крупными изменениями, которые произошли с 2015 по 2020 гг.: от усиления «зеленой» политической повестки в международных отношениях до пандемии COVID-19, что оказало серьезное влияние не только на жизнедеятельность человека и государства, но и на идею «мягкой силы» в целом.

Несмотря на все перемены, Япония не только смогла сохранить свой потенциал, но и приумножить его, о чем можно судить по целому ряду междуна-

родных рейтингов и оценок. Однако многие элементы ее «мягкой силы» остаются не только проблемными, но и несут угрозу распространению позитивного образа и проведению внешней политики страны. В связи с этим целью настоящего исследования является выявление наиболее эффективных инструментов «мягкой силы» Японии, прояснение степени их влияния на образ страны, а также прогнозирование тенденций развития изучаемого феномена с учетом заложенных в нем противоречий и малоизученных особенностей.

В исследовании будут рассмотрены такие параметры «мягкой силы» Страны восходящего солнца, как культура (спорт, кухня, ценности); международное взаимодействие в области экологии и образования, в том числе в сфере распространения японского языка в мире и английского языка в Японии; государственное управление, прежде всего функционирование демократических институтов.

Методология исследования опирается на системы оценки возможностей «мягкого» воздействия государств, разработанные компаниями *Portland* и *Brand Finance*. Наиболее важными в отношении Японии пунктами данных систем представляются культура, образование и бизнес, государственное управление и международное взаимодействие, а также борьба с последствиями пандемии COVID-19. Кроме того, используется системный подход, с точки зрения которого изменения в одной области комплексного феномена неизменно влекут за собой перемены не только составных частей «мягкой силы», но и характера данного явления в целом.

Источниковую базу исследования составляют официальные документы правительства Японии, относящиеся к проведению политики «мягкой силы» в понимании Дж. Ная; материалы неправительственных организаций, выступающих в качестве внешнеполитических инструментов Токио; публикации международных и национальных СМИ, освещающих связанные с исследуемым феноменом события; материалы ряда корпораций, исследующих явление «мягкой силы» в целом; работы некоторых исследователей смежных научных направлений.

Основополагающие принципы и сильные стороны «мягкой силы» Японии

На текущий момент Япония является одним из мировых лидеров по возможностям и результатам применения «мягкой силы». Так, по данным агентства *Portland* за 2019 г. она занимает 8-е место в списке держав, активно использующих основанные на привлекательности образа государства инструменты в своей политике¹. Несколько отличается оценка компании *Brand Finance*, которая по схожему набору показателей поместила в 2021 г. Японию на 2-е место в мире². Иную оценку «мягким» возможностям данной страны дает *Anholt Ipsos*

¹ *The soft power 30. Japan* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://softpower30.com/country/japan/>

² *Brand Finance's global soft power index 2021* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2021.pdf>

Nation Brand Index, переместивший ее с 5-го места в 2019 г. на 4-е место в 2020 г. по показателям известности в мире, т. е. по эффективности использования одного из инструментов «мягкой» политики, а значит, и возможностям продвижения страны в качестве своеобразного «бренда»³. Все это свидетельствует о твердом положении Японии в качестве одного из мировых лидеров в отношении исследуемого феномена, а также о тенденции к усилению данных возможностей.

Следует начать рассмотрение «мягкой силы» Японии с ее наиболее сильных сторон. Одним из оснований данного феномена выступает культура, что отмечается не только отечественными (Королев, Кудрявцева, 2014; Русакова, 2013, 2015; Чугров, 2015; Шакиров, 2014), но и зарубежными специалистами (Farina, 2018; Heng, 2014).

Важной вехой в правительственном развитии данной области стало принятие в 2001 г. «Основного закона о продвижении культуры и искусств»⁴. С этого времени внешнеполитическая деятельность Токио с применением инструментов «мягкой силы» отвечала основным положениям и идеям, заложенным в документе. Так, в рамках закона была выделена важная роль неправительственных акторов – корпораций и региональных сообществ – в распространении культуры внутри и вне страны, подчеркивалась важность культурного наследия, образования и языка в качестве оснований для любых действий в области развития культуры. Помимо этого, была отмечена особая роль государственных институтов в данном процессе, а также необходимость совершенствования инфраструктуры для проведения любой деятельности как правительственных, так и неправительственных агентов в данной области. Последняя ревизия закона была произведена в 2017 г.

В качестве основного нововведения Токио в рамках указанного направления можно считать принятие в 2018 г. «Плана по продвижению культуры и искусств»⁵. Данный законодательный акт является отражением осознания правительством Японии важности продвижения культуры страны для улучшения ее образа в мире. Временные рамки его реализации установлены на период с 2018 по 2022 гг. Документ содержит 4 основных идейных направления и 6 стратегий развития культуры Страны восходящего солнца, которые и будут рассмотрены далее. В рамках оценки возможностей «мягкой» политики Японии особенно важными являются идеи о развитии международного культурного взаимодействия, создании региональных площадок для продвижения кооперации в этой области, а также защиты уникальных черт японской культуры на национальном и глобальном уровнях.

³ Ipsos Nation Brand Index survey findings: Press release (2020, October 30). Retrieved April 15, 2021, from https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-10/ipsoske_nation_brand_index_survey_findings_press_release_30th_october_2020.pdf

⁴ 文化庁 [Agency for Cultural Affairs]. 文化芸術の振興に関する基本的な方針 (平成十四年十二月十日閣議決定) [Basic policy of promotion of culture and arts. Government decision on 10 December, 2002] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.bunka.go.jp/seisaku/bunka_gyosei/hoshin/kihon_hoshin_1ji/index.html

⁵ 文化庁 [Agency for Cultural Affairs]. 文化芸術推進基本計画 [Culture and arts basic promotion plan] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.bunka.go.jp/seisaku/bunka_gyosei/hoshin/pdf/r1389480_01.pdf

Одним из результатов реализации плана можно считать проведение в 2019 г. первой общенациональной культурной выставки *Japan Cultural Expo*. На ее официальном сайте⁶ указано, что одной из основных целей данного мероприятия является продвижение традиционной японской культуры в самой Японии и за рубежом. Важно отметить, что в рамках выставки представлены не только явления сугубо японской культуры, но и уникальные черты народов, когда-то обильно населявших современную территорию страны, например, айнов – коренного населения северной части о. Хонсю, о. Хоккайдо, ряда островов Курильской гряды, а также южной части о. Сахалин. Подобное отношение к культурному наследию отражает важность и значимость уникальных черт Японии в рамках «мягкой силы».

Интересно, что эти нововведения так или иначе перекликаются с темой Олимпийских игр, которые должны были пройти в Японии в 2020 г. В каждом из описанных выше инструментов «мягкой силы» прослеживается трепетное отношение Токио к этому мероприятию. Причиной подобных взглядов следует считать уникальность данного механизма: он не только позволяет привлечь внимание огромных масс людей по всей планете к спортивным мероприятиям, но и к странам, где проводятся соревнования.

Олимпийские игры 2020 должны были стать для Японии поистине триумфальным событием. Во-первых, второй раз в истории японский национальный вид спорта – каратэ (яп. 空手道, каратэ-до) – должен был быть представлен в качестве олимпийской дисциплины⁷. Во-вторых, количество и качество подготовительных мероприятий находилось на высоком уровне. Так, в рамках процесса подготовки к проведению соревнований был полностью перестроен Национальный олимпийский стадион – место проведения Олимпиады 1964⁸. Также было усилено качество преподавания английского языка, речь о котором пойдет далее, и меры популяризации конкретно Олимпийских игр в Токио, примером чего может служить обширная кампания по привлечению иностранных волонтеров⁹. Показателем оценки трудов Страны восходящего солнца может служить замечание президента МОК Т. Баха: «Я могу с уверенностью сказать, что никогда не видел города, настолько подготовленного к проведению Олимпийских игр за год до них, как Токио»¹⁰. Однако из-за начала пандемии COVID-19 было принято решение отложить это мероприятие до 2021 г., в связи с чем оценить

⁶ 日本博 [Japan Cultural Expo]. 日本博について [About Japan Cultural Expo]. Retrieved April 15, 2021, from <https://japanculturalexpo.bunka.go.jp/>

⁷ IOC approves five new sports for Olympic Games Tokyo 2020 (2016, August 3). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.olympic.org/news/ioc-approves-five-new-sports-for-olympic-games-tokyo-2020>

⁸ Olympic stadium (n.d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://tokyo2020.org/en/venues/olympic-stadium>

⁹ EF Education First: “Education has the power to save the world” (2019, September 5). Retrieved April 15, 2021, from <https://tokyo2020.org/en/news/education-first-power-to-save-the-world>

¹⁰ Olympics: Year before Games, Tokyo better prepared than any city before – IOC (2019, July 24). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.reuters.com/article/us-olympics-2020-1ytg-progress-idUSKCN1UJ0VL>

подготовительный процесс и его результаты (до непосредственного проведения мероприятия) объективно не представляется возможным.

Все перечисленные явления можно отнести к «традиционно» поддерживаемым Японией сферам «мягкой силы». Иной характер носит инициатива *Cool Japan*. С момента своего появления в 2012 г. данная концепция продолжает интересовать исследователей. Ключевой идеей является построение привлекательного образа страны именно для зарубежных наблюдателей при помощи наиболее современных инструментов. Интересно, что основными драйверами данного процесса должны стать анимэ, манга (комиксы), компьютерные игры, жанр музыки *J-pop*, роботы и иные феномены, особенно популярные среди молодежи по всему миру (Чугров, 2015, с. 62–65). Таким образом, помимо направленности за пределы Японии, объектом воздействия концепции *Cool Japan* выступает преимущественно молодое население, что довольно эффективно в долгосрочной перспективе – положительный образ Японии, сложившийся в молодости, скорее всего сохранится и в старости, а также возможно распространится на потомков того или иного индивида.

Главными направлениям развития концепции выступают совмещение различных технологий и продукции с креативным видением будущего, использование элементов традиционной культуры в современном искусстве, популяризация «гастрономического туризма»¹¹. Важно отметить, что фундаментальным элементом данной инициативы является экспорт товаров, услуг и медиа как один из наиболее развитых механизмов «мягкой силы» Токио.

Однако некоторые специалисты в силу организационных и финансовых проблем, с которыми страна сталкивается с начала 1990-х гг., рассматривают такой подход к продвижению культуры как неэффективный, и предлагают пересмотреть его (Iwabuchi, 2020) или отказаться от него полностью¹². При этом, несмотря на четко прослеживаемую идею соединения усилий правительства и неправительственных организаций, указанную в инициативе, большая часть исследований данной концепции рассматривает только государственные мероприятия, оставляя за скобками неправительственные усилия в рамках *Cool Japan*. Нам бы хотелось «пойти от противного» и показать на примере компании *Nintendo*, как правительство Японии использует идеи неправительственных организаций в качестве инструментов «мягкой силы» в рамках концепции *Cool Japan*.

Следует отметить, что именно японские бизнес-корпорации – гиганты вроде *Sony*, *Honda*, *Toyota* и *Panasonic* – были главными инструментами или, правильнее сказать, драйверами (движителями) «мягкой силы» страны. Так, с конца 1970-х гг. «японское» стало означать «качественное», что кардинально отличалось от того, что было еще за 10 лет до того момента, а сама Страна восходящего солнца стала приобретать черты креативного и высокотехнологичного государства, которые сохраняются до сих пор. Следуя этой традиции неправительственной «мягкой силы», корпорация *Nintendo*, с одной стороны,

¹¹*Cool Japan initiative* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.cao.go.jp/cool_japan/english/pdf/cooljapan_initiative.pdf

¹²Harano, J. (2018, April 23). 「クールジャパン」はこんなにひどいことになっていた [“Cool Japan” has become so terrible]. Retrieved April 15, 2021, from <https://gendai.ismedia.jp/articles/-/55359>

выступает одним из мировых лидеров в области интерактивных развлечений. Являясь правообладателем и создателем таких всемирно известных серий, как *Pokemon*, *Zelda* и *Mario Bros.*, а также обширного каталога игровых устройств, компания долгие годы продвигает имидж Страны восходящего солнца как одной из наиболее креативных держав в мире. Свидетельством популярности продукции компании могут служить как официальные данные о продажах¹³, так и большое количество фестивалей и выставок, проводимых самой компанией или в ее поддержку.

С другой стороны, к текущему моменту известность *Nintendo* и степень ассоциации ее с Японией столь высока, что Токио решается на нестандартные с точки зрения традиционной дипломатии и внешней политики шаги. Так, в 2016 г. при закрытии Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро тогдашний премьер-министр Японии С. Абэ появился на сцене в образе широко известного в мире интерактивных развлечений персонажа – сантехника Марио, созданном одним из самых влиятельных и знаменитых мировых разработчиков видеоигр С. Миямото¹⁴. Это свидетельствует о четком намерении правительства использовать результаты труда японских компаний в качестве инструментов «мягкой силы». Кроме того, это отражает и саму сущность феномена – в его построении принимают участие не только государственные, но и иные акторы, влияние которых порой превышает правительственные возможности.

Другими ответвлениями культуры как одного из показателей и инструментов «мягкой силы» являются язык и традиционная кухня Страны восходящего солнца. Продвижение японского языка в мире – сравнительно немолодая сфера правительственной деятельности. Так, в 1972 г. основана *Japan Foundation* – организация, по сей день занимающаяся продвижением японского языка и культуры в мире. Показателем успешности ее деятельности может служить, во-первых, официальное число стран – 24, где *Japan Foundation* осуществляет свою деятельность¹⁵. Во-вторых, эффективность деятельности можно определить по проводимым фондом экзаменам на знание японского языка – *Japanese Language Proficiency Test (JLPT)*¹⁶. С 1984 по 2019 гг. в нем приняли участие 14967437 человек, а общее число стран его проведения достигло 87¹⁷. В-третьих, о целеустремленности данной организации свидетельствует появление новых площадок проведения экзаменов в отдаленных от центров иностранных государств регионах. Примером может служить Российская Федерация и, в частности, город Екатеринбург, где летом 2021 г. на базе Уральского федерального

¹³*Nintendo financial highlights* (n.d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.nintendo.co.jp/ir/en/finance/highlight/index.html>

¹⁴Rich, M. (2016, August 22). *A morning surprise for Japan: Shinzo Abe as Super Mario*. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.nytimes.com/2016/08/23/world/asia/shinzo-abe-super-mario-tokyo-rio-olympics.html>

¹⁵*Japan Foundation. About us* (n.d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.jpfi.go.jp/e/about/index.html>

¹⁶*JLPT in charts* (n.d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://jlpt.jp/e/statistics/index.html>

¹⁷*JLPT. Past test data* (n.d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://jlpt.jp/e/statistics/archive.html>

университета впервые пройдет экзамен формата JLPT¹⁸. Таким образом, несмотря на последствия пандемии COVID-19, *Japan Foundation* продолжает оставаться одним из главных инструментов «мягкой силы» Японии, продвигая язык и культуру страны за рубежом.

Говоря о так называемой «гастрономической дипломатии», следует отметить относительно слабую контролируемость и одновременно высокую эффективность данного инструмента. Как отмечает в своем исследовании Ф. Фарина, в отношении этой сферы Токио придерживается курса «гастрономического национализма», т. е. продвижения пищевой культуры страны с упором на ее уникальность и значимость. Важно отметить, что популяризируется не только собственно пища Страны восходящего солнца, но и методы ее приготовления, что вместе называется «васэку» (яп. 和食) – японская кухня (Farina, 2018, p. 135–139). Однако шаги в этом направлении стали предприниматься Токио лишь с 2000-х гг. К тому моменту японская кухня была довольно широко представлена по всему миру, и японские суси и сасими уже пользовались определенной славой (Farina, 2018, p. 140–141). Поэтому, несмотря на серьезное влияние пищевой культуры и «гастрономической дипломатии» на имидж Японии, определить эффективность применения этого инструмента объективно на данный момент представляется трудоемкой задачей. Так или иначе, культура является одной из фундаментальных основ японской «мягкой силы», и потому последние 20 лет Токио предпринимает различные шаги для ее развития и продвижения. Однако у этого есть и обратная сторона. В силу чрезмерной концентрации правительственного и общественного внимания на сильных сторонах «мягкой силы» страны многие иные сферы данного явления остаются в тени до момента, когда не происходит какое-либо событие, оказывающее серьезное влияние на образ Японии в мире. К сожалению, часто подобное «незаметное» воздействие иных факторов «мягкой силы» Токио носит скорее негативный, а не положительный характер, подрывая тем самым привлекательность государства в целом. Именно об этих сравнительно слабо отмеченных в научном дискурсе «мягкой силы» особенностях Страны восходящего солнца пойдет речь далее.

Проблемы развития «мягкой силы» Японии

Начать рассмотрение проблемных элементов «мягкой силы» Страны восходящего солнца следует с наиболее явных трудностей. Одной из них выступает степень владения английским языком жителей Японии. Как отмечалось ранее, при подготовке к Олимпийским играм Токио приложил максимум усилий по развитию преподавания английского языка. Однако в силу низкой стартовой позиции меры не принесли существенных перемен к 2021 г. Так, по данным *English Proficiency Index* международного образовательного центра *English First*, непосредственно поддерживавшего Японию в ходе ее приготовлений к Олимпиаде, страна в 2020 г. занимала 9-е место в Азиатском регионе и 55-е место в мире по владению английским языком.

¹⁸JLPT 2021. *Международный экзамен по определению уровня знания японского языка «Нихонго Норёку Сикэн» (JLPT) теперь можно сдать в Екатеринбурге* (n. d.). Взято 15 апреля 2021, с <https://fir-urgi.urfu.ru/ru/jlpt/>

Следует отметить, что такой результат является проявлением наблюдаемой с 2011 г. тенденции к потере Японией позиций в данном рейтинге, которую Токио стремится элиминировать. И это неудивительно, за 10 лет страна опустилась на 39 пунктов. Региональный показатель Японии ниже, чем у КНР, а глобально Япония находится в рейтинге ниже России, Албании, Республики Беларусь и Нигерии¹⁹. Подобный взгляд на проблемы, связанные со знанием японцами английского языка, также подтверждается данными *Educational Testing Service* (ETS) – организатора экзаменов на знание английского языка форматов TOEFL и TOEIC. Однако по этим данным сама проблема не выглядит столь серьезно.

Во-первых, разрыв между экзаменуемыми Японии и КНР по статистике TOEFL за 2019 г. составляет всего 9 баллов. Во-вторых, средний балл экзаменуемых из Страны восходящего солнца равен 72 очкам из 120 возможных в той же системе. Для сравнения отметим, что средний балл жителей Албании, России и Нигерии равен 83, 86 и 79 очкам, соответственно²⁰. По статистике TOEIC за 2019 г., средний балл экзаменуемых родом из Японии составляет 523 очка из 900 возможных в секциях чтения и аудирования, что ниже показателей Российской Федерации²¹, но выше показателей Албании. Также в секции письма у японских экзаменуемых в среднем 112 очков из 200 возможных, что ниже показателя КНР на 12 очков²².

Важно отметить, что правительство Японии активно работает над этой проблемой. Так, Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий (МEXT) отмечается, что в 2019 г. продолжился рост уровня владения английским языком среди школьников: 44% обучающихся средней школы владеют английским языком на уровне A1 – A2 по шкале CEFR, и 43,6% обучающихся старшей школы владеют английским на уровне A2 – B1 в той же системе²³. Оба показателя в среднем выросли на 10% по сравнению с 2013 г.²⁴

¹⁹*EF English Proficiency Index. A ranking of 100 countries and regions by English skills* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.ef.com/assetscdn/WIBIwq6RdJvcD9bc8RMd/legacy/_/~/media/centralescom/epi/downloads/full-reports/v10/ef-epi-2020-english.pdf

²⁰*TOEFL iBT. Test and score data summary 2019* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.ets.org/s/toefl/pdf/94227_unlweb.pdf

²¹*2019 Report on test takers worldwide. TOEIC listening & reading test* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.iibc-global.org/library/default/english/toEIC/official_data/pdf/Worldwide2019_english.pdf

²²*2019 Report on test takers worldwide. TOEIC speaking and writing test* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.iibc-global.org/library/default/english/toEIC/official_data/pdf/Worldwide2019_SW_english.pdf

²³令和元年度「英語教育実施状況調査」の結果と今後の取組について [About the results and future of the “English Education Implementation Survey”] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://www.mext.go.jp/content/20200715-mxt_kyoiku01-000008761_1.pdf; *EIKEN grades* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.eiken.or.jp/eiken/en/grades/>

²⁴平成25年度「英語教育実施状況調査」の結果概要 [Summary of results of the 2013 “English Education Implementation Survey”] (n. d.). Retrieved April 15, 2021,

Опираясь на эту информацию, можно предположить, что в течение ближайших 10–20 лет уровень знания английского языка японцами существенно вырастет, что позволит Токио пользоваться различными инструментами «мягкой силы» с большей эффективностью.

Одним из таких инструментов может стать индустрия туризма, чему способствуют описанные ранее инициативы. Однако на пути совершенствования владения данным ответвлением «мягких» инструментов внешней политики государства возникают как минимум два существенных препятствия: проблемы, связанные с отношением японцев к иностранцам в целом, и мигрантам в частности, а также трудности, обусловленные экологической ситуацией в стране.

Начать следует с первого вопроса, ибо он непосредственно связан с культурой как частью «мягкой силы». По данным сравнительного исследования отношения к мигрантам среди граждан Японии и Швеции японцы настороженно относятся к идее иммиграции, а также настроены негативно в отношении мультикультурализма на территории Страны восходящего солнца (Morietai, 2012, p. 143–149). Кроме того, существует предвзятое отношение японцев к иностранцам, отличающееся в зависимости от происхождения объекта этого отношения. Как отмечает К. Нагаеси, если иностранец является выходцем из стран Европы или Северной Америки, то во многих случаях его будут изначально воспринимать нейтрально-положительно. Если же иностранец является выходцем из стран Азии, особенно ее северо-восточной части, то он скорее всего столкнется с дискриминацией и негативным отношением в свою сторону²⁵.

Проследить предвзятость японцев к представителям других народов можно на примере феномена «хафу» (от англ. *half*), или «полукровок». Обычно так называют людей, родившихся в результате смешанных браков, т. е. союзов этнических японцев с иностранцами. При этом сам термин до недавнего времени носил, а в некоторых случаях продолжает носить, чрезвычайно негативный характер, и отражает некоторое презрение со стороны «чистых», «истинных» японцев к своим согражданам²⁶.

Однако следует отметить запутанный характер самого термина и отсутствие какого-либо четкого определения того, кто же такие «хафу». По мнению Н. Бредли, этот термин опирается на расовые, национальные и культурные воззрения тех или иных лиц, которые используют его либо с целью установления четкого противопоставления между понятиями «японское» и «другое», либо с целью устранения этого противопоставления, т. е. с целью «включения»

from https://www.mext.go.jp/component/a_menu/education/detail/_icsFiles/afieldfile/2014/09/03/1351570_02.pdf

²⁵Nagayoshi, K. (2017, March 1). 日本の排外意識に関する研究動向と今後の展開可能性: 紀要論文 [Research on xenophobia in Japan: What are the remained tasks for the future research: departmental bulletin paper]. Retrieved April 15, 2021, from https://tohoku.repo.nii.ac.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=110320&item_no=1&page_id=33&block_id=38

²⁶Эта тема подробно раскрывается в японском документальном фильме *Hafu: The mixed-race experience in Japan* (2013). Режиссеры: Megumi Nishikura, Lara Perez Takagi.

в общество. Важно заметить, что со стороны общества и правительства ведется активная деятельность по устранению подобного довольно негативного отношения (Bradley, 2020, p. 111–117).

Подобные воззрения на присущие всем людям в целом вопросы коллективной и индивидуальной идентичности в случае Японии выражены в концепции «нихондзин-рон» (яп. 日本人論), или «теории о японцах», говорящей об уникальности Страны восходящего солнца. Известный российский исследователь Японии А. Н. Мещеряков (2015) считает эту концепцию лишенным каких-либо агрессивных черт проявлением культурного национализма (с. 287), что, судя по всему, не совсем верно, ведь идея «хафу», хоть и претерпевает определенную трансформацию в настоящий момент (Bradley, 2020, p. 117–119), опирается на те же воззрения и несет в себе деструктивный смысл, направленный на дискриминацию людей по национальным, расовым и/или культурным признакам.

Так или иначе, обе описанные выше проблемы оказывают серьезное влияние на решения людей не только об иммиграции в Японию, но и о посещении страны вообще: не каждый человек, имеющий представление о дискриминации по какому-то набору присущих ему признаков, будет готов посетить место, где эта дискриминация существует. С другой стороны, на данный момент очень малое число людей осведомлено о существовании данных трудностей, а значит, они не оказывают серьезного влияния на «мягкую силу» Токио. Тем не менее при развитии тенденции к усилению культурного измерения феномена эти вопросы непременно обретут широкую общественную огласку, поэтому уже сейчас существует необходимость проведения изменений в сознании людей и их отношении ко всему «инородному», что, следует отметить, не является уникальной чертой Японии – эта необходимость повсеместно влияет на «мягкую силу».

Далее следует сказать о сугубо внутривнутриполитических и социальных проблемах Японии, выраженных, например, в процессе функционирования демократических механизмов, что также оказывает влияние на восприятие Токио извне и может сказаться на возможностях «мягкой силы» страны в будущем.

Перед тем как приступить к рассмотрению этих факторов, следует отметить, что Япония занимает одно из лидирующих мест в мире по качеству жизни, показателям прав и свобод граждан, а также и демократичности государственных институтов. Так, по оценкам *World Justice Project* и *Cato Institute* за 2020 г., страна занимает 11-е место в мире по показателям личной и экономической свободы²⁷, а также 15-е место по показателям верховенства права²⁸, что свидетельствует о высокой степени развития демократии в Японии. Однако подобная оценка, судя по всему, игнорирует один из основополагающих механизмов демократии как системы управления – избирательный процесс,

²⁷Vasquez, I., & McMahon, F. (n. d.). *The human freedom index 2020. A global measurement of personal, civil, and economic freedom*. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/2020-12/human-freedom-index-2020.pdf>

²⁸World justice project. *Rule of law index 2020* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/WJP-ROLI-2020-Online_0.pdf

одно из самых проблемных измерений политики в Японии. Так, согласно данным японских газет *Yomiuri Shimbun*²⁹ и *Mainichi Shimbun*³⁰, в 2019 г. явка избирателей на выборах в Палату советников (верхнюю палату Парламента) составила всего 48,8%, что является худшим показателем с конца Второй мировой войны. Помимо этого, если мы обратимся к показателю явки избирателей на выборах в нижнюю палату Парламента за 2017 г., то станет ясно, что указанный выше показатель носит системный характер: по данным ИА «Киодо Цусин» в 2017 г. в избирательном процессе приняло участие 53,83% граждан, что на тот момент было вторым худшим показателем с конца Второй мировой войны³¹. Оба показателя могут быть вызваны целым рядом причин: слабая выраженность позиций партий, стихийные бедствия, ощущение избирателем отсутствия значимости его голоса и т. д. Однако они однозначно свидетельствуют о некоторой степени дисфункции демократических институтов в Японии, поскольку, во-первых, ранее данные показатели были значительно выше; во-вторых, столь малый процент проголосовавших ведет к отсутствию их политической репрезентации, что является главной целью избирательного процесса, а затем и к краху представительной демократии как таковой. В итоге все это может привести к ослаблению возможностей «мягкой силы» в силу снижения привлекательности из-за описанной дисфункции демократических институтов, причина которой остается неисследованной в науке.

Так или иначе, стремление к устранению всех вышеуказанных проблем встречает активную поддержку как со стороны правительства, так и со стороны различных корпораций и населения страны. Действительно, описанные трудности не только могут мешать использованию механизмов «мягкой силы», но и могут быть преодолены совместными усилиями людей.

Стихийные бедствия и пути распространения «мягкой силы» Японии

Однако существует целый ряд факторов, независимых от действий человека напрямую и оказывающих огромное влияние не только на привлекательность государства на международной арене, но и на удовлетворенность населения внутри страны. Речь идет о получивших с недавних пор широкую огласку экологических проблемах и последствиях пандемии COVID-19, особенно актуальных для «мягкой силы» Токио.

²⁹参院選投票率 48・80%、24年ぶり 50%割る [Voter turnout for the Upper House election falls down below 50% to 48,80% after 24 years] (2019, July 22). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.yomiuri.co.jp/election/sangiin/20190722-OYT1T50220>

³⁰Poor election turnout a warning over Japan's crumbling democracy (2019, July 23). Retrieved April 15, 2021, from <https://mainichi.jp/english/articles/20190723/p2a/00m/0na/012000c>

³¹Voter turnout in Japan election at 54%, 2nd-lowest since WWII (2017, October 23). Retrieved April 15, 2021, from <https://english.kyodonews.net/news/2017/10/7e9b628857c2-voter-turnout-in-general-election-at-54-2nd-lowest-since-wwii.html>

В рамках борьбы с ухудшением экологической ситуации в мире хотелось бы выделить два важных направления деятельности правительства Японии. Первое концентрируется на снижении выбросов CO_2 в атмосферу, а второе – на устранении последствий аварии на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г.

При изучении этих явлений возникает ощущение, что целью Токио является создание образа Японии как защитника окружающей среды, что, естественно, вызывает рост ее популярности по всему миру. Однако при более внимательном подходе к данному вопросу эта оценка оказывается не совсем верной, а у некоторых наблюдателей деятельность Токио и вовсе вызывает сомнения и неприятие, например, у представителей КНР, Республики Корея³² и даже Российской Федерации³³.

В 2018 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии (МЭТИ) представило 5-й энергетический план, установивший достижение к 2030 г. необходимых для развития страны целей, важнейшими из которых являются:

- 1) снижение выбросов CO_2 на 26% от уровня 2013 г.;
- 2) увеличение количества источников энергии, не производящих выбросов CO_2 , на 32% от уровня 2013 г.;
- 3) увеличение количества источников возобновляемой энергии до 22–24% от уровня 2013 г.;
- 4) снижение доли выработки электроэнергии посредством ископаемых источников с 65 до 56%³⁴.

Помимо этого, план установил и стратегию действий в отношении атомной промышленности, от которой было решено постепенно отказаться, доведя уровень вырабатываемой АЭС энергии до 20–22% к 2030 г. Основопологающей идеей в рамках процесса перехода к «чистой» энергии является эффективность существующих возможностей для ее производства, что означает не полный, а лишь частичный отказ от угольных, атомных и иных видов электростанций, производящих выбросы CO_2 , а именно наименее эффективных в производстве электроэнергии.

Иным положительным процессом в этом отношении является стремление Токио перейти на использование транспорта, функционирующего при помощи альтернативных источников энергии, например, водорода. Интересно, что продвижением данного направления преимущественно занимаются японские автопромышленные ТНК, например, *Honda* и *Toyota*³⁵, что еще раз подчеркивает важность неправительственных акторов в создании образа государства.

³²McCury, J. (2021, April 13). *Fukushima: Japan announces it will dump contaminated water into sea*. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.theguardian.com/environment/2021/apr/13/fukushima-japan-to-start-dumping-contaminated-water-pacific-ocean>

³³Пономарева, Н. (2021, 16 апреля). *Мертвая вода*. Взято 15 апреля 2021, с <https://www.interfax-russia.ru/view/mertvaya-voda>

³⁴エネルギー基本計画 [Basic energy plan] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.meti.go.jp/press/2018/07/20180703001/20180703001-1.pdf>

³⁵*Japan to bet big on hydrogen to meet 2050 zero-emission goal* (2020, December 8). Retrieved April 15, 2021, from <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Environment/Climate-Change/>

Однако эти усилия сталкиваются с одним противоречием. По данным объединения неправительственных организаций *No Coal Japan* на текущий момент в Японии в стадии строительства находятся как минимум 3 новых крупных угольных электростанции в префектурах Хиого, Канагава и Эхимэ, которые ежегодно будут производить 6,92, 7,26 и 2,46 мегатонн CO₂ соответственно. Кроме того, в стадии планирования находится еще одна подобная электростанция в префектуре Акита³⁶. И это при том, что в 2017 г. Министерство окружающей среды Японии четко заявило, что без отказа от строительства новых, а также и постепенного закрытия имеющихся угольных электростанций достижение вырабатываемых в то время целей, вошедших в указанный выше план, попросту невозможно, и количество выбросов CO₂ будет расти, а вместе с ним и негативное воздействие на окружающую среду³⁷.

К этой особенности процесса энергетической трансформации Японии следует добавить и абсолютно естественную для энергетики любой державы ситуацию: уход от угольной электроэнергетики сопровождается ростом использования иных дешевых источников энергии, также вырабатывающих CO₂, но в меньших количествах, что подтверждается исследованиям *Global Carbon Project* в отношении Японии за 2020 г.³⁸ Подобное положение дел и отсутствие каких-либо продуктивных действий со стороны Токио представляются по меньшей мере странным и противоречивым поведением, которое, тем не менее, до сих пор не отмечено широкой международной аудиторией, что явно доказывает мощь «мягкой силы» Японии, чей образ «экологичной» державы остается достаточно устойчивым.

С другой стороны, с течением времени данная ситуация может оказать существенное негативное влияние на имидж Токио. Сценарий подобного развития событий может быть прослежен по ситуации вокруг сброса отработанной воды, использовавшейся при работе АЭС «Фукусима», в воды Тихого океана³⁹. Заявление правительства Японии о своих намерениях вызвало крайне отрицательную реакцию у ее ближайших географических соседей – Китая и Южной Кореи⁴⁰, а затем прокатилось волной негодования по всему миру. Несмотря

Japan-to-bet-big-on-hydrogen-to-meet-2050-zero-emission-goal

³⁶日本の石炭火力発電所新設のうねり [The extension of coal power plants in Japan] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.nocoaljapan.org/ja/the-problem/coal-expansion-japan/>

³⁷最近の火力発電所設置事業における手続状況等 [The status of recent thermal combustion power plant construction projects] (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.env.go.jp/council/02policy/y0212-05/mat05.pdf>

³⁸*Global carbon project. Supplemental data of Global carbon budget 2020* (n. d.). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.icos-cp.eu/science-and-impact/global-carbon-budget/2020>

³⁹McCurry, J. (2021, April 13). *Fukushima: Japan announces it will dump contaminated water into sea*. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.theguardian.com/environment/2021/apr/13/fukushima-japan-to-start-dumping-contaminated-water-pacific-ocean>

⁴⁰*Japan's neighbors react strongly to Fukushima water release decision* (2021, April 13). Retrieved April 15, 2021, from <https://english.kyodonews.net/news/2021/04/6789babe1165->

на заявления специалистов об относительной безопасности подобных мер⁴¹, нанесенный образу Японии ущерб не может быть быстро исправлен⁴².

Однако это не умаляет достижений Токио в области борьбы с последствиями пандемии COVID-19, относительно положительное влияние которой на образ Японии нельзя недооценивать. Так, по данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния за 18 апреля 2021 г., в стране с населением 126,3 млн. заболело всего 529,8 тыс. человек, 480,7 тыс. из них успешно прошли реабилитацию⁴³. Помимо этого, скорость, с которой принимались меры по противодействию заболеванию, и низкая смертность также поразили весь мир⁴⁴. В итоге ранее приведенный нами рейтинг компании *Brand Finance* поместил Страну восходящего солнца на 3-е место по общественному восприятию успешности борьбы с пандемией.

Таким образом, Токио способен использовать различные стихийные бедствия в положительном для образа страны ключе, а значит, эффективно использовать их в качестве инструментов «мягкой силы».

Заключение

Проведенное исследование показывает, что Япония по-прежнему остается одним из лидеров в области использования «мягкой силы». Являясь важной опорой внешней политики, «мягкая сила» Страны восходящего солнца позволяет ей нетривиально подойти решению тех или иных задач, встающих перед ней, стремительно создавая институциональные основы для дальнейшего, столь же скорого действия.

Можно выделить несколько тенденций трансформации «мягкой силы» Токио в обозримом будущем. Так, будет сохраняться стремление к усилению и развитию наиболее сильных сторон изучаемого феномена, что четко прослеживается в существующей внешнеполитической практике. Япония прибегает к использованию

[breaking-news-fukushima-water-release-in-line-with-intl-safety-standards-us.html](#)

⁴¹Heng, C. (2021, April 13). *Why is Japan going to dump radioactive water from Fukushima nuclear plant in the sea? What are the risks and is there an alternative?* Retrieved April 15, 2021, from <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3129412/why-japan-going-dump-radioactive-water-fukushima-nuclear-plant>

⁴²*The Japanese government's decision to discharge Fukushima contaminated water ignores human rights and international maritime law* (2021, April 13). Retrieved April 15, 2021, from <https://www.greenpeace.org/international/press-release/47207/the-japanese-governments-decision-to-discharge-fukushima-contaminated-water-ignores-human-rights-and-international-maritime-law/>

⁴³新型コロナウイルス感染症の現在の状況と厚生労働省の対応について [About the current situation of new coronavirus infection and the response of the Ministry of Health, Labour and Welfare] (2021, April 18). Retrieved April 18, 2021, from https://www.mhlw.go.jp/stf/newpage_18141.html

⁴⁴Stevenson, E. (2020, September 9). *What the data tells u about Japan's COVID-19 response*. Retrieved April 15, 2021, from <https://www.schroders.com/en/insights/economics/what-the-data-tells-us-about-japans-response/>

наиболее эффективных методов распространения собственного образа, способных достичь самых дальних уголков планеты. Опираясь на богатую культурную традицию и сложившийся вокруг страны миф, Токио продвигает уникальность своей державы при помощи различных фестивалей и выставок, созданных в качестве дополнения более влиятельным и важным с точки зрения «мягкой силы» событиям, таким как Олимпийские игры. Кроме того, активное участие в развитии феномена принимают неправительственные акторы вроде компании *Nintendo*, обладающей не только мировой славой, но и прочной связью с Японией. Все это дополняется усилиями страны по распространению своего языка по всему миру, даже если на первый взгляд подобные усилия кажутся бесперспективными.

Однако, в силу чрезмерной концентрации внимания на наиболее сильных сторонах «мягкой силы» Токио, профессиональные исследователи и обыватели часто забывают о существовании целого пласта значимых проблем, часть из которых находится в стадии активного разрешения. Так, идет повсеместное улучшение качества образования и уровня владения английским языком, что необходимо для более эффективного международного взаимодействия предпринимаются усилия по защите окружающей среды – крайне важного компонента в образе любого современного государства, продолжается борьба с последствиями пандемии COVID-19, далеко идущие последствия которой сложно предсказать. Все это является отражением тенденции к продолжению активной правительственной работы над эффективностью использования наиболее значимых инструментов «мягкой силы».

Следующей значимой тенденцией можно считать усиление парадоксального и зачастую пагубного влияния различных особенностей Страны восходящего солнца на возможности проведения «мягкой» политики за счет растущей «открытости» миру. Следует отметить неоднозначное воздействие долгое время существующего «культурного национализма», что, с одной стороны, активно используется при распространении японской кулинарной традиции в мире и создает позитивный образ Японии, с другой – может оказать негативное влияние на имидж страны в силу отношения японцев к иностранцам и мигрантам, феномену «хафу» и инородному вообще.

При этом неисследованной остается и довольно крупная часть нерешенных или недостаточно решенных проблем. Большинство из них отражают тенденцию развития возможностей «мягкой» политики – сохранение непоследовательного и противоречивого характера действий Токио, что влечет за собой негативные для образа страны последствия. Среди возможных факторов влияния на инструменты «мягкой силы» важное место занимают проблемы функционирования демократических институтов, трудности в защите окружающей среды, как в случае борьбы с эмиссией CO₂, последствия техногенных катастроф, самым ярким примером которых выступает авария на АЭС «Фукусима-1». Последнее представляется одновременно наиболее влиятельным фактором и инструментом «мягких» политических возможностей Страны восходящего солнца в силу существующего разнообразия вариантов реакции международного сообщества на любые действия в этой области.

В ходе рассмотрения именно этой составной части образа Японии, с одной стороны, складывается впечатление о прагматичном подходе Токио к внешней

политике вообще и «мягкой силе» в частности, т.к. курс развития процессов вокруг защиты окружающей среды оставался неизменным и часто противоречивым, несмотря на различные замечания как специалистов, так и обывателей извне. С другой стороны, создававшийся десятилетиями образ инновационной, экологичной, продвинутой Японии оказался достаточно устойчив под ударами изменчивого общественного мнения.

Еще одной тенденцией является стремление Токио учитывать свои ошибки и развивать меры своевременного и эффективного реагирования на различные вызовы в положительном для возможностей «мягкой силы» ключе, что может быть прослежено по ситуации с пандемией COVID-19, укрепившей положительный образ Японии в мире. В какой степени продолжают развиваться указанные тенденции, остается загадкой в силу высокой степени неопределенности финальных последствий пандемии, меняющих не только жизнь государств и их граждан, но и саму суть феномена «мягкой силы».

Однако опыт Страны восходящего солнца может и должен быть учтен любым государством, желающим прибегать к гибким внешнеполитическим действиям. Так или иначе, Япония остается едва ли не единственной державой, неспособной к использованию «жесткой силы» в достижении своих целей. Более того, как держава, когда-то вселявшая страх в своих соседей, Япония может послужить положительным примером трансформации для пребывающих в поиске своего места в мире государств. Особенно актуальным это представляется для Российской Федерации, стремящейся продвигать собственную культуру и бизнес на мировой арене и одновременно страдающей от схожих трудностей, которые Страна восходящего солнца когда-то сумела преодолеть или прилагает к этому все усилия.

Список литературы

1. Королев, В. А., Кудрявцева, С. С. (2014). «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 9(2), 190–208.
2. Мещеряков, А. Н. (2015). Осмысление среды обитания в процессе самоидентификации Японии и японцев. *Ежегодник Японии*, 44, 266–288.
3. Мори, К., Оцука, М., Акияма, М., Хосино, Х. (2012). 移民への寛容意識に関する日本とスウェーデンの比較調査研究 [Сравнительное исследование по вопросу терпимости к мигрантам в Японии и Швеции]. *人間科学研究*, 34, 141–158. (На японском языке).
4. Русакова, О. Ф. (2013). Softpower как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, (3), 52–61.
5. Русакова, О. Ф. (Ред.). (2015). *Softpower: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Дискурс-Пи.
6. Чугров, С. В. (2015). Мягкое притяжение Японии. *Полис. Политические исследования*, (6), 53–67. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.08>

7. Шакиров, Е.Р. (2014). Мягкая сила Японии. *Дискурс-Ли*, (2–3), 141–145.
8. Bradley, N. (2020). Hafu (ハーフ) group identity: Reification not liberation. *Bulletin of Nagoya University of Foreign Studies*, 7, 109–121.
9. Farina, F. (2018). Japan's gastrodiploamacy as soft power: Global washoku and national food security. *Journal of Contemporary Eastern Asia*, 17(1), 152–167.
10. Heng, Y.-K. (2014). Beyond “kawaii” pop culture: Japan's normative soft power as global trouble-shooter. *The Pacific Review*, 27(2), 169–192. <https://doi.org/10.1080/09512748.2014.882391>
11. Iwabuchi, K. (2020). Cool Japan, creative industries, and diversity. In X. Gu, M. Lim, & J. O'Connor (Eds.), *Re-imagining creative cities in twenty-first century Asia* (pp. 187–199). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46291-8_13
12. Nye Jr., J.S. (2005). *Soft power: The means to success in world politics*. New York: Public Affairs.

References

1. Bradley, N. (2020). Hafu (ハーフ) group identity: Reification not liberation. *Bulletin of Nagoya University of Foreign Studies*, 7, 109–121.
2. Chugrov, S.V. (2015). Myagkoe prityazhenie Yaponii [Soft attraction of Japan]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (6), 53–67. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.08>
3. Farina, F. (2018). Japan's gastrodiploamacy as soft power: Global washoku and national food security. *Journal of Contemporary Eastern Asia*, 17(1), 152–167.
4. Heng, Y.-K. (2014). Beyond “kawaii” pop culture: Japan's normative soft power as global trouble-shooter. *The Pacific Review*, 27(2), 169–192. <https://doi.org/10.1080/09512748.2014.882391>
5. Iwabuchi, K. (2020). Cool Japan, creative industries, and diversity. In X. Gu, M. Lim, & J. O'Connor (Eds.), *Re-imagining creative cities in twenty-first century Asia* (pp. 187–199). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46291-8_13
6. Korolev, V. A., & Kudryavtseva, S. S. (2014). «Myagkayasila» sovremennoj Yaponii: opytinapravleniyarazvitiya [Soft power of modern Japan: Practice and developments]. *Vestnik mezhdunarodnyx organizacij: obrazovanie, nauka, novaya e'konomika*, 9(2), 190–208.
7. Meshcheryakov, A.N. (2015). Osmyslenie sredy obitaniya v processe samoidentifikacii Yaponii i yaponcev [Comprehension of habitat in the process of self-identification of Japan and Japanese people]. *Ezhegodnik Yaponiya*, 44, 266–288.
8. Mori, K., Otsuka, M., Akiyama, M., & Hoshino, H. (2012). 移民への寛容意識に関する日本とスウェーデンの比較調査研究 [A comparative study of opinions about tolerance of immigrants in Japan and Sweden]. *人間科学研究*, 34, 141–158. (In Japanese).
9. Nye Jr., J.S. (2005). *Soft power: The means to success in world politics*. New York: PublicAffairs.
10. Rusakova, O.F. (2013). Soft power kak strategicheskij resurs i instrument

formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii [Soft power as a strategic resource and a tool for developing the national brand: The case of Asian countries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya3: Obshchestvennye nauki*, (3), 52–61.

11. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: Theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Diskurs-Pi.

12. Shakirov, E.R. (2014). *Myagkaya sila Yaponii* [Soft power of Japan]. *Diskurs-Pi*, (2–3), 141–145.

Информация об авторе

Сергей Александрович Зарянский, магистрант, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: zaryanskysergey@gmail.com.

Information about the author

Sergey Alexandrovich Zaryansky, Master degree student, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, e-mail: zaryanskysergey@gmail.com.

УДК 323.13

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_111

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСИЗМУ В СПОРТЕ ИЛИ ЕГО НОВЫЙ ВИТОК: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ПРАКТИКИ ДВИЖЕНИЯ BLACK LIVES MATTER

Евгений Вячеславович Сальников,

Орловский юридический институт МВД России имени В.В.
Лукьянова,
Орел, Россия,
esalnikov2005@yandex.ru

Инна Николаевна Сальникова,

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
Орел, Россия,
inna-salnikova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.10.2020, принята к публикации 16.06.2021

Для цитирования: Сальников Е.В., Сальникова И.Н. Противодействие расизму в спорте или его новый виток: противоречивые практики движения Black Lives Matter // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 111-124. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_111

Аннотация

Целью работы является анализ специфики противодействия расизму в современном спорте. Методологической основой исследования выступает историко-компаративистский подход, который позволяет рассмотреть историю противодействия расизму в спорте и сравнить различного рода протестные акции последнего десятилетия. Авторы статьи отмечают, что помимо организационно-правовых мер,

© Сальников Е.В., Сальникова И.Н., 2021

принимаемых менеджментом современного спорта для противодействия дискриминационным практикам, основанным на расовых признаках, в последние годы возникают и приобретают распространение новые формы борьбы с расизмом. Речь, в частности, идет о движении *Black Lives Matter*, идеологическую основу которого образует стремление к преодолению расовой дискриминации в отношении чернокожих. При этом практика расового протеста или поддержки расового протеста не локализована в политическом пространстве, она распространяется на другие сферы социальной жизни, в том числе спорт, что доказывают, например, акции поддержки данного движения спортсменами. По мнению авторов статьи, в тех случаях, когда рассматриваемые события и процессы локализованы вне пространства спортивного состязания, они выступают проявлением гражданской зрелости и социальной позиции спортсменов. Однако при реализации политической активности в качестве элемента спортивного состязания происходит политизация спорта, чреватая формированием новых дискриминационных практик. При этом одни способы политизации спорта легитимируются, а другие, «неудобные», поводы для его политизации порицаются и наказываются. В результате такой вариант борьбы с расизмом приводит к двойным стандартам и неравенству, размываются границы дозволенного, спорт превращается в инструмент реализации властных амбиций. Другими словами, политизация спорта в целях борьбы с расизмом приводит к неоднозначным результатам, зачастую порождая новый расизм.

Ключевые слова:

спорт, расизм, противодействие расизму, движение Black Lives Matter, спортсмены, политизация спорта.

UDC 323.13

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_111

COUNTERING RACISM IN SPORTS OR ITS NEW ROUND: CONTROVERSIAL PRACTICES OF THE BLACK LIVES MATTER MOVEMENT

Evgeny V. Salnikov,

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Orel, Russia,
esalnikov2005@yandex.ru

Inna N. Salnikova,

Orel State University named after I.S. Turgenev,
Orel, Russia,
inna-salnikova@yandex.ru

Article received on October 27, 2020, accepted on June 16, 2021

For citation: Salnikov, E.V., Salnikova, I.N. (2021). Countering Racism in Sports or Its New Round: Controversial Practices of the Black Lives Matter Movement. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(2), 111-124. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_111

Abstract

The aim of the article is to analyze the specific features of countering racism in modern sports. Methodologically, the research is based upon a historical and comparative approach, which makes it possible to examine history of countering racism in sports and compare various protest actions of the last decade. The authors of the article highlight that, in addition to the organizational and legal measures taken by the modern sports management to counter discriminatory practices based on racial characteristics, new forms of combating racism have emerged and become widespread in recent years. In particular, the article deals with the Black Lives Matter movement, the ideological basis of which is the desire to overcome racially motivated discrimination against black people. At the same time, racial protest practice or support is not localized in the political space, it spreads to other spheres of social life, including sports, which is evidenced, among other things, by actions of athletes supporting this movement. According to the authors of the article, in cases when events and processes under discussion are localized out of sports competition, they manifest civic maturity and social attitude of athletes. However, with implementation of political activity as an element of sports competition, politicization of sports is occurring, which is fraught with new discriminatory practices. At the same time, some ways of politicizing sports are legitimized, while other "inconvenient" reasons for politicization are condemned and punished. As a result, this option for combating racism leads to double standards and inequality, it blurs the bounds of what is permitted, and sport is turning into an instrument for realizing power ambitions. In other words, politicization of sports in order to counter racism leads to mixed results, often giving rise to new racism.

Keywords:

racism, sports, anti-racism, Black Lives Matter movement, athletes, politicization of sports.

Введение

Возникшее в 2014 г. движение *Black Lives Matter* (BLM) получило новый импульс для своего развития после гибели при задержании полицией афроамериканца Джорджа Флойда – события, вызвавшего широкий резонанс не только в США, но и в целом ряде других стран. Идеологическую основу данного общественного движения образует идея преодоления расовой дискриминации, в теоретическом отношении опирающаяся на достаточно популярную в современной гуманитаристике Западной Европы и США критическую расовую теорию – *critical race theory* (CRT) (Bruening, 2005). Согласно ей, расовое неравенство оказалось вплетено в структуры современного общества, создавая

невидимую основу для большинства институтов и практик, ориентированных на господствующее положение белого человека, или незримо формируя стандарты жизни по образцу европеоидной расы (Alkmeyer & Bröskamp, 1996; Bonilla-Silva, 2013). Отталкиваясь от этих постулатов, можно говорить о том, что практика расового протеста или поддержки расового протеста не локализована в политическом пространстве, она широко распространяется на многие сферы социальной жизни, в том числе на спорт (Hylton, 2005, 2009, 2010).

Примечательной чертой этого широкого и неоднородного социального движения выступает, по мнению авторитетных исследователей, то обстоятельство, что «хотя объективно никаких специфически «белых» привилегий нет, активисты BLM, апеллируя к дискурсу институционального расизма, пытаются добиться для себя именно привилегий в рамках того же самого «тайного» дискурса, который оправдывает их дискриминацию, – перевернув его с ног на голову» (Фишман, 2020). Мы солидарны с позицией тех представителей современной политологии, социологии и социальной философии, которые указывают, что практики BLM отражают не столько глубину теоретических «открытий» критической теории расы, сколько являются «симптомами процессов, свидетельствующих о необходимости выработки новой социальной политики» (Фишман, 2020) и имеющих, прежде всего, публично-властное измерение¹.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что в лежащая в основе BLM политика, а отнюдь не новое прочтение расы, должна получить объективное проявление. Целью работы является исследование того, представляют ли собой акции BLM в спорте качественно новую форму борьбы с расизмом, или же речь идет о привнесении политического измерения в соревновательный процесс. Методологической основой исследования выступает историко-компаративистский подход, который позволяет на основе, с одной стороны, анализа истории противодействия расизму в спорте, с другой – сравнения различного рода протестных акций против неравенства, произошедших при проведении соревнований за последнее десятилетие, прийти к заключению о наличии или отсутствии специфики BLM в спорте. При проведении компаративистского исследования эмпирическую базу составят национальные чемпионаты по футболу Великобритании, Германии и России; финальная часть Чемпионата мира по футболу 2018 г.

Основная часть

Коренное отличие факта этнокультурных особенностей, фиксируемых у отдельных спортсменов, от собственно расизма заключается в том, что «расизм представляет собой идеологическую или социальную практику, в рамках которой конструкция расы или этнической группы служит основанием для наклеивания ярлыков – стигматизации определенной категории лиц как «чужих», «иных» и на этой основе оправдания социальных, политических и экономических мер, направленных на препятствие доступа этих групп к материальным

¹ Феррейро, Р. (2020, июнь). *Против буржуазных «теорий привилегий» и «теорий институционального расизма»*. Взято 19 апреля 2021, с http://rabkor.ru/columns/debates/2020/06/30/sorry_im_white

или символическим ресурсам» (Hall, 1989, p. 913). Тем самым расизм имеет властное, т. е. политическое по своей сути измерение. Именно вследствие этой сущностной характеристики нацистские антропологические практики ни в коей мере не могут быть рассмотрены как явления, однопорядковые современному мультикультурализму: в Третьем рейхе концепт расы использовался именно для подавления, а в значительном количестве случаев и для физического уничтожения представителей определенных расовых или этнических групп.

Приходится с сожалением признать, что расизм как практика дискриминации достаточно широко представлен в современном спорте. Яркими проявлениями в недавнем прошлом были, например, южноафриканский спорт времен апартеида, «жестко разделенный расовыми преградами» (Swart & Maralack, 2021), или практики унижения по признаку принадлежности к расе, открыто выражавшиеся футбольными фанатами в ходе проведения матчей. В XXI столетии спорт также не стал пространством равноправия и толерантности. С одной стороны, правозащитные организации в спорте, например, *Football Against Racism in Europe* (FARE), продолжают фиксировать случаи ограничения прав, унижения достоинства спортсменов по признаку принадлежности к расе и этносу, гендерным, культурным и языковым характеристикам (Bruening, 2005). С другой стороны, современные исследования в рамках CRT позволили вскрыть новые, менее заметные грани расизма. Так, исследователи указывают, что тренерская среда «представляет собой пространство, в котором расовые, этнические и гендерные диспропорции создают устойчивые структуры властных отношений, в которых новую силу приобретают практики дискриминации или предоставления благ» (Rankin-Wright et al., 2016, p. 357). В значительной мере присутствует расизм в неосознанных общественных представлениях и мифах, циркулирующих в среде спортивного менеджмента.

Дискриминация в спорте по различным основаниям становится предметом исследования зарубежных (Burdsey, 2004; Hargreaves, 2000; Hoyer & Frisby, 2001; Lusted, 2009; Massao & Fasting, 2010 и др.) и российских (Байрамов С. В., Байрамов В. М., 2018; Борисов, 2009; Песков, 2012; Сальников, 2015 и др.) авторов. Анализ содержания их работ позволяет говорить об актуальности проблемы расизма. Фундаментом противодействия ему выступают два основополагающих принципа: «Спорт стирает расовые, этнические, религиозные, гендерные и иные различия» («На поле мы все равны» – современный рекламный слоган УЕФА) и «Спорт вне политики». В принятой ООН Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. подчеркивается, что спорт является одним из важных факторов обеспечения устойчивого развития². Это мощный инструмент укрепления социальных связей и сетей и продвижения идеалов мира, братства, солидарности, ненасилия, терпимости и справедливости. Спорт видится как микромодель общества, поэтому спортивные состязания и в целом вовлеченность в занятия спортом становятся универсальным языком взаимодействия, терпимости и взаимопонимания. Спорт, объединяя людей вне зависимости от политических, культурных, религиозных и расовых границ, превращается

² Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. (без даты). Взято 10 октября 2020, с <https://www.un.org/humansecurity/ru/agenda-2030>

в мощный инструмент содействия миру. Ценности, культивируемые спортом, такие как работа в команде, справедливость, дисциплина, уважение к противнику и правилам игры, понимаются во всем мире и могут быть использованы в продвижении солидарности, социальной сплоченности и мирного сосуществования.

Исходя из этих принципов, в уставы практически всех спортивных организаций внесено положение о недопустимости расовой и иной дискриминации и политической нейтральности. Так, например, в п. 1 ст. 4 Устава ФИФА под угрозой отстранения от спорта или исключения из спортивных организаций запрещаются любые формы дискриминации страны, отдельной личности или группы людей по признакам расы, цвета кожи, этнического, национального или социального происхождения, пола, инвалидности, языка, религии, политической или иной позиции, здоровья, рождения или иного статуса, сексуальной ориентации или по другим причинам. При этом в п. 2 подчеркивается, что ФИФА сохраняет нейтральность в вопросах политики и религии³.

Можно привести ряд иных примеров создания системы организационно-правовых мер, имеющих своей целью исключить дискриминационные практики реализации личностного потенциала в спорте по принципу принадлежности к расе или этническому происхождению. Важно подчеркнуть, что описываемые меры реализуются специальным аппаратом менеджмента современного спорта и связанных с ним гражданских объединений, но не самими спортсменами в процессе соревнования. Тем самым, с одной стороны, достигается защита достоинства личности, с другой – исключается превращение спорта в пространство для непосредственного выражения политических взглядов и позиций.

Подвергая анализу спортивные события и процессы последнего пятилетия, нельзя не заметить появления и достаточно быстрого развития новых практик борьбы с расизмом в спорте, связанных с акциями BLM. Первым его проявлением в современном спорте следует считать действия квотербека американского футбольного клуба «Сан-Франциско» Колина Каперника, который во время исполнения национального гимна сначала отказывался вставать, а впоследствии склонялся на одно колено. В интервью журналистам сам игрок пояснил свои действия следующим образом: «Я не собираюсь делать вид, будто горжусь флагом страны, в которой ущемляют чернокожих и других цветных. Это важнее, чем футбол. На улицах валяются трупы, а кое-кому все сходит с рук». Через несколько месяцев этот почин был поддержан целым рядом других команд, а спустя какое-то время и игроками других видов спорта. Этот символический активизм расколол спортивное общество на две группы: тех, кто поддерживал протест, и тех, кто негативно оценивал деятельность спортсменов, отказывающихся выражать уважение национальному гимну. Причем речь идет не только о самих спортсменах, но и о среде болельщиков (Oshiro et al., 2020).

После смерти Джорджа Флойда в мае 2020 г. движение BLM в спорте получило новое развитие и приобрело гораздо больший размах. Многие выдающиеся спортсмены по всему миру выражают поддержку движению. Среди них теннисистки Наоми Осака и Кори Гауфф, автогонщик Льюис Хэмилтон, игрок в крикет Лунги Нгиди, баскетболист Джеймс Леброн и многие другие. При

³ *FIFA Statutes (September 2020 edition)*. (n.d.). Retrieved October 10, 2020, from <https://www.fifa.com/who-we-are/legal/rules-and-regulations/documents/>

этом не только отдельные атлеты, но и целые команды (например, футбольные команды Бундеслиги, команда по крикету Вест-Индии) или даже спортивные организации (Английская премьер-лига) выражали свою поддержку движению.

Интерес представляет форма, в которой выражалась эта поддержка. Одна часть спортсменов публично высказывалась в поддержку движения против расовой дискриминации во всех ее формах, используя внеспортивное пространство: индивидуальные аккаунты в социальных сетях, интервью средствам массовой информации, личное участие в разрешенных митингах в поддержку равноправия, организуемых движением BLM.

Так, нападающей сборной Франции по футболу Килиан Мбаппе выставил на своем аккаунте хэштег *Justice for George* («правосудие для Джорджа»). Другим примером является пост, который выложил в социальной сети другой французский футболист Поль Погба: «Этому нужно положить конец раз и навсегда! Не завтра, не послезавтра – это должно закончиться сегодня! Насильственные акты расизма больше нельзя терпеть. Расизм – это невежество. Любовь – это разум. Хватит молчать! Остановите расизм!» Значительное количество футболистов Английской премьер-лиги в различных социальных сетях синхронно опубликовали заявление в поддержку BLM: «Мы, игроки, объединяемся с единственной целью – искоренить расовые предрассудки, где бы они ни существовали, создать глобальное общество инклюзивности, уважения и равных возможностей для всех, независимо от их цвета кожи или вероисповедания». Премьер-лига в целом как спортивная организация выпустила совместное заявление в поддержку BLM вместе с Футбольной ассоциацией Англии, Английской футбольной лигой, Профсоюзом футболистов, Ассоциацией тренеров и Объединением судей. Наоми Осака приняла участие в выражении солидарности движению BLM, побывав на мемориале, стихийно организованном на месте ареста Джорджа Флойда в Миннеаполисе. «Если это не происходит с вами, еще не значит, что это вообще не происходит», – заявила теннисистка в социальной сети⁴.

Другая часть спортсменов использовала для выражения поддержки BLM непосредственно спортивные состязания. Так, игроки дортмундской «Боруссии» Джейдон Санчо и Ашраф Хакими во время футбольного матча Бундеслиги с «Пандерборном» показали футболки с надписью *Justice for George Floyd*. Аналогичным образом полузащитник «Шальке» Уэстон Маккенни вышел на игру с «Вердером» с повязкой на руке, украшенной рукописным текстом *Justice for George*. Форвард гладбахской «Боруссии» Маркус Тюрэм опустился на колено после гола «Униону». Похожим образом отреагировал весь состав английского футбольного клуба «Ливерпуль», встав на одно колено прямо в центре игрового поля. Английская премьер-лига провела один из туров чемпионата, заменив фамилии игроков на футболках на надпись BLM, впоследствии предполагалось размещение этой аббревиатуры на передней части футболок игроков. Помимо этого, она выпустила официальное заявление, в котором высказалась

⁴ Санчо, Тюрэм, Кьеллини, Леброн, весь «Ливерпуль» и другие спортсмены тоже возмущены из-за убийства Флойда (2020, 2 июня). Взято 10 октября 2020, с <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/mama4h/2786350.html>

в поддержку футболистов, встающих на колено во время соревнования в знак солидарности с BLM⁵.

Таким образом, в рамках акций поддержки BLM и выражения неприятия дискриминации, борьбы с расизмом четко выявляются две формы протеста: вне и непосредственно на спортивных мероприятиях. Это разграничение представляется крайне значимым. Первая форма протеста, осуществляемая вне спорта, полностью укладывается в рамки противодействия расизму в том отношении, которое было представлено выше, т.е. применительно к неравноправию как в спортивной среде, так и в обществе в целом. В этом отношении спортсмены как публичные люди, привлекающие внимание огромной аудитории фанатов, демонстрируют гражданскую зрелость и подлинный демократизм, социальный активизм, оказывая серьезную поддержку в деле борьбы с расизмом.

В этом отношении популяризация движения BLM является одним из инструментов противодействия расизму в спорте в том виде, в каком он был охарактеризован нами выше. Именно в контексте поддержки движения BLM множество спортсменов, испытавших на себе дискриминацию и умалчивавших об этом по различным причинам, решились на откровенные рассказы об открытом или скрытом расизме в спорте. При этом вскрытие незримых и бессознательных механизмов дискриминации по расовому и этническому принципу в спорте способствовало лучшему пониманию ситуации в обществе в целом, что наглядно показывают, например, К. Сварт и Д. Маралак применительно к крикету (Swart & Maralack, 2021).

Иным образом ситуация складывается в рамках второй формы выражения поддержки BLM. В этом случае фактически под обличьем противодействия расизму в спорте происходит популяризация определенного движения, имеющего своей целью оказание воздействия на власть с целью изменения политики или даже прихода к власти, т.е. движения политического. Равным образом в этой форме поддержки осуществляется попытка оказания давления на процесс принятия решения властными органами (например, по делу Джорджа Флойда). Подобное действие также имеет сугубо политическое измерение.

Сущностная разница между двумя формами поддержки заключается в том, что в первом случае известный спортсмен, при всей его популярности, выступая как частное лицо, выражает свою поддержку тем или иным политическим взглядам. Подобные действия воплощают закрепленное в уставных документах политическое и идеологическое многообразие личных ориентаций спортсменов, которое не может выступать основанием для их дискриминации в спорте или препятствием для их совместного состязания со спортсменами, придерживающимися иной позиции. Во втором случае потенциал спорта используется в политических целях, что прямо противоречит уставным материалам подавляющего большинства как национальных, так и международных организаций, фундаментальным принципам современного спорта. Происходит подмена понятий, когда запретом расовой дискриминации оправдывается популяризация отдельного политического движения, одной из декларируемых целей которого является борьба

⁵ *Фамилии игроков АПЛ на форме сменит слоган Black Lives Matter. Пакет мер лиги против расизма* (2020, 13 июня). Взято 10 октября 2020, с <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/odukhevremeni/2791573.html?sl=1>

с расизмом. Подобный вывод не только не обоснован, но и прямо противоречит принципу «Спорт вне политики». Тем самым возникает парадоксальный вывод, в соответствии с которым поддержка движения BLM непосредственно в процессе самих состязаний устраняет равноправие, популяризирует определенные политические идеи, а значит, само выступает одной из форм дискриминации, т. е. расизма в том смысле, в каком он был определен выше.

На протяжении десятилетий попытки привнести политику в спорт подвергались достаточно жесткому остракизму, именно в силу порождаемых этим аспектом ситуаций дискриминации по политическому признаку. Так, в 1968 г. на XIX летних Олимпийских играх в Мексике американские легкоатлеты Томми Смит и Джон Карлос, занявшие первое и третье места, на церемонии награждения во время исполнения гимна США сняли обувь (в знак солидарности с американскими бедняками), опустили головы и подняли сжатые кулаки в черных перчатках, а занявший второе место австралийский белокожий легкоатлет Питер Норман расстегнул олимпийку, под которой красовалась эмблема общества против дискриминации чернокожего населения. Несмотря на широкий общественный резонанс, Международный олимпийский комитет и Олимпийский комитет США подвергли спортсменов санкциям.

В июле 2018 г. игроки сборной Швейцарии по футболу Гранит Джака, Джердан Шакири и Стефан Лихтштайнер были оштрафованы ФИФА после матча группового этапа против команды Сербии. Игроки праздновали забытые голы, складывая из рук фигуру, напоминающую изображение орла на флаге Албании, что напрямую отсылало к ситуации вокруг независимости Косово, не признаваемой Сербией, но признанной ФИФА. Джака и Шакири являются уроженцами Косово и объясняли свои действия поддержкой права народа на независимость и борьбы с нарушением прав косоваров. Однако ФИФА жестко отреагировала на эти действия, признав недопустимым политику в футболе.

В марте 2018 г. главный тренер английского футбольного клуба «Манчестер Сити» Хосеп Гвардиола был оштрафован Футбольной ассоциацией Англии на 20 тыс. фунтов за демонстрацию политической символики. Причиной данных санкций послужило то обстоятельство, что с ноября 2017 г. тренер появлялся на футбольных матчах с желтой ленточкой на груди как символом поддержки политзаключенных, выступающих за независимость Каталонии – родины Гвардиолы. В интервью тренер пояснил, что считает незаконным удержание в тюрьме каталонских политиков, обвиняемых в организации мятежа, и будет носить символ до тех пор, пока они не будут освобождены. Он также неоднократно посвящал победы своего клуба каталонским политическим деятелям и общественным движениям, выступающим за отделение от Испании.

Сравнительный анализ спортивных форм поддержки движения BLM и вышеприведенных протестных акций показывает их идентичность на сущностном уровне. Привнесение политики в спорт приводит спортивных функционеров к необходимости задаваться вопросом, а чем, действительно, отличается поддержка прав заключенных в Каталонии или права на самоопределение Косово от поддержки прав чернокожего населения. Во всех случаях внешне речь идет о борьбе за равноправие и недопустимости дискриминационных практик. Привнесение политики в спорт, по сути дела, уравнивает эти и аналогичные акции, приводя не к солидарности и равенству в спорте, а к вражде, разобщению

и в конечном итоге расизму, пусть и в новом скрытом обличи. Спорт из средства упрочения мира превращается в площадку для продвижения отдельных, пусть даже и внешне приемлемых, идей политических движений и партий, государств и отдельных личностей, что создает ситуацию неравенства.

Легализация в спорте открытой поддержки ВЛМ именно при проведении спортивных состязаний не только не послужит делу борьбы с расизмом, но и, напротив, способно серьезно затруднить противодействие дискриминации в спорте. Так, например, 3 октября 2020 г. московский футбольный клуб «Спартак» был оштрафован контрольно-дисциплинарным комитетом Российского футбольного союза на 50 тыс. рублей за несогласованный баннер в память о Максиме Марцинкевиче, неоднократно привлекавшемся к ответственности за возбуждение ненависти и вражды по национальному и расовому признаку. Если допустить логику спортивной поддержки движения ВЛМ, то и поддержка Марцинкевича, чей последний арест у ряда футбольных фанатов воспринимался как неоправданный, становится в принципе допустимой формой борьбы за права человека. Очевидно, что такая противоречивая ситуация не должна иметь место и показывает, что допущение любой политики в спорт превратит противодействие расизму в установление неравенства и новую форму расизма.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что противодействие расизму в современном спорте носит крайне неоднозначный характер, причина которого заключается в нечеткости разграничения аспектов борьбы с дискриминационными практиками и политизации спорта. Существуют три основных проекции расовой проблемы в спортивной среде. В первом случае речь идет о поведенческих практиках, организационно-правовых ограничениях или массовых предрассудках, препятствующих реализации фундаментального права на равный доступ к реализации личности в спорте. Другими словами, имеется в виду унижение человеческого достоинства спортсменов по принципу расовой или этнической принадлежности. Подобные действия ведут к росту ненависти и вражды, повышают градус конфликтности, причем не только непосредственно в спортивной среде, но и в обществе в целом, а потому борьбу с подобными проявлениями расизма следует признать важнейшим элементом менеджмента в современном спорте.

Второе измерение проблемы расизма в спорте затрагивает личность самого спортсмена как граждански активного индивида. Заслуживает одобрения и поддержки политически грамотная позиция спортсменов, использующих потенциал своего влияния на массы в целях разрешения социальных проблем. Активность самих спортсменов, их принципиальная гражданская позиция, честность и открытость в борьбе с расизмом, как внутри спорта, так и в обществе в целом, включая поддержку движения ВЛМ, являются важным элементом противодействия расизму.

Однако этот гражданский активизм не должен переходить грань, за которой спорт приобретает политическое измерение. Каковы бы ни были цели политических и социальных движений, их поддержка непосредственно в ходе проведения спортивных мероприятий приводит к превращению спорта в пространство

политической агитации, насаждения определенных взглядов и позиций. Такой подход, составляющий сущность третьего измерения проблемы расизма, ведет к появлению новых дискриминационных практик в большей степени, чем позволяет избавиться от старых.

Борьба с расовой дискриминацией приводит к появлению нового расизма, в виде шельмования тех, кто не придерживается определенных политических взглядов, не приемлет, не реализует внешних для спорта символических практик. Следствием этого выступает размывание границ допустимого в спорте, невозможность рационального обоснования, почему спортивное соревнование может становиться пространством поддержки одних политических идей и запрещать иные. С позиции косоаров или каталонцев их борьба за независимость есть воплощение светлых идеалов свободы и равенства, выражение их права на политическое самоопределение, которое ничуть не менее значимо, чем право на равный доступ к культурным и социальным благам вне зависимости от расовой принадлежности. Привнесение политики в соревновательный процесс в любом виде разрушит фундаментальные принципы существования самого спорта в современном мире.

Таким образом, борьба с расизмом необходима на уровне создания системы правил и реализации принципов, которые гарантируют каждому спортсмену защиту от дискриминации и охрану его личного достоинства. Равным образом позитивно следует воспринимать гражданский активизм спортсменов вне пространства спортивного состязания. Однако ни при каких условиях невозможно допустить, чтобы внеспортивные практики становились частью спортивного мира, превращая спорт в инструмент влияния на власть или создания условий для реализации претензий на участие в отправлении публичной власти.

Список литературы

1. Байрамов, С.В., Байрамов, В.М. (2018). Подходы и рекомендации по предотвращению дискриминации, расизма и экстремизма в области физической культуры и спорта и их реализация при трудоустройстве. *Закон и право*, (1), 25–28.
2. Борисов, О.А. (2009). Хулиганство и расизм в современном спорте: уголовно-правовой и криминологический анализ. *Вестник Волгоградской академии МВД России*, (3), 121–129.
3. Песков, А.Н. (2012). Расизм, национальный и религиозный экстремизм на олимпийских играх и других спортивных мероприятиях. История и реальность. (Криминологический анализ, предупреждение и пресечение экстремизма в спорте). *Спорт: экономика, право, управление*, (2), 23–29.
4. Сальников, Е.В. (2015). Формы расизма в современном футболе и основные направления противодействия ему. *Спорт: экономика, право, управление*, (4), 14–17.
5. Фишман, Л.Г. (2020). Новая ересь гражданской религии. *Россия в глобальной политике*, 18(5), 90–101.
6. Alkmeyer, T., & Bröskamp, B. (1996). Strangerhood and racism in sport. *Sport Science Review*, 5(2), 30–52.

7. Bonilla-Silva, E. (2013). *Racism without racists: Color-blind racism and the persistence of racial inequality in the United States*. Plymouth: Rowman & Littlefield Pub Inc.
8. Bruening, J.E. (2005). Gender and racial analysis in sport: Are all the women white and all the blacks men? *Quest*, 57(3), 330–349. <https://doi.org/10.1080/00336297.2005.10491861>
9. Burdsey, D. (2004). Obstacle race? “Race”, racism and the recruitment of British Asian professional footballers. *Patterns of Prejudice*, 38(3), 279–299. <https://doi.org/10.1080/0031322042000250466>
10. Hall, S. (1989). Rassismus als ideologischer diskurs. *Das Argument*, (178), 913–922.
11. Hargreaves, J. (2000). *Heroines of sport: The politics of difference and identity*. London: Routledge.
12. Hoerber, L., & Frisby, W. (2001). Gender equity for athletes: Rewriting the narrative for this organizational value. *European Sport Management Quarterly*, 1(3), 179–209. <https://doi.org/10.1080/16184740108721896>
13. Hylton, K. (2005). “Race”, sport and leisure: Lessons from critical race theory. *Leisure studies*, 24(1), 81–98. <https://doi.org/10.1080/02614360412331313494>
14. Hylton, K. (2009). *“Race” and sport: Critical race theory*. New York: Routledge.
15. Hylton, K. (2010). How a turn to critical race theory can contribute to our understanding of “race”, racism and anti-racism in sport. *International Review for the Sociology of Sport*, 45(3), 335–354. <https://doi.org/10.1177/1012690210371045>
16. Lusted, J. (2009). Playing games with “race”: Understanding resistance to “race” equality initiatives in English local football governance. *Soccer & Society*, 10(6), 722–739. <https://doi.org/10.1080/14660970903239941>
17. Massao, P., & Fasting, K. (2010). Race and racism: Experiences of black Norwegian athletes. *International Review for the Sociology of Sport*, 45(2), 147–162. <https://doi.org/10.1177/1012690210368233>
18. Oshiro, K., Weems, A., & Singer, J. (2020). Cyber racism toward black athletes: A critical race analysis of <http://TexAgs.com> online brand community. *Communication and Sport*, 23, 76–92. <https://doi.org/10.1177/2167479520911888>
19. Rankin-Wright, A., Hylton, K., & Norman, L. (2016). Of-colour landscape: Framing race equality in sport coaching. *Sociology of Sport*, 33(4), 357–368. <https://doi.org/10.1123/ssj.2015-0174>
20. Swart, K., & Maralack, D. (2021). Black Lives Matter: Perspectives from South African cricket. *Sport in Society*, 24(5), 715–730. <https://doi.org/10.1080/17430437.2020.1819693>

References

1. Alkmeyer, T., & Bröskamp, B. (1996). Strangerhood and racism in sport. *Sport Science Review*, 5(2), 30–52.
2. Bairamov, S.V., & Bairamov, V.M. (2018). Podxodyirekomendacii po predotvrashheniyu diskriminacii, rasizma i e'kstremizma v oblasti fizicheskoy

kul'tury i sportai ix realizaciya pri trudoustrojstve [Approaches and recommendations for the prevention of discrimination, racism and extremism in physical culture and sports, and their implementation in employment]. *Zakon i pravo*, (1), 25–28.

3. Bonilla-Silva, E. (2013). *Racism without racists: Color-blind racism and the persistence of racial inequality in the United States*. Plymouth: Rowman & Littlefield Pub Inc.

4. Borisov, O. A. (2009). Xuliganstvo i rasizm v sovremennom sporte: Ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij analiz [Hooliganism and racism in modern sports: Criminal legal and criminological analysis]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii*, (3), 121–129.

5. Bruening, J. E. (2005). Gender and racial analysis in sport: Are all the women white and all the blacks men? *Quest*, 57(3), 330–349. <https://doi.org/10.1080/00336297.2005.10491861>

6. Burdsey, D. (2004). Obstacle race? “Race”, racism and the recruitment of British Asian professional footballers. *Patterns of Prejudice*, 38(3), 279–299. <https://doi.org/10.1080/0031322042000250466>

7. Fishman, L. G. (2020). Novaya eres' grazhdanskoj religii [The new heresy of civil religion]. *Rossiya v global'noj politike*, 18(5), 90–101.

8. Hall, S. (1989). Rassismus als ideologischer diskurs. *Das Argument*, (178), 913–922.

9. Hargreaves, J. (2000). *Heroines of sport: The politics of difference and identity*. London: Routledge.

10. Hoerber, L., & Frisby, W. (2001). Gender equity for athletes: Rewriting the narrative for this organizational value. *European Sport Management Quarterly*, 1(3), 179–209. <https://doi.org/10.1080/16184740108721896>

11. Hylton, K. (2005). “Race”, sport and leisure: Lessons from critical race theory. *Leisure studies*, 24(1), 81–98. <https://doi.org/10.1080/02614360412331313494>

12. Hylton, K. (2009). *“Race” and sport: Critical race theory*. New York: Routledge.

13. Hylton, K. (2010). How a turn to critical race theory can contribute to our understanding of “race”, racism and anti-racism in sport. *International Review for the Sociology of Sport*, 45(3), 335–354. <https://doi.org/10.1177/1012690210371045>

14. Lusted, J. (2009). Playing games with “race”: understanding resistance to “race” equality initiatives in English local football governance. *Soccer & Society*, 10(6), 722–739. <https://doi.org/10.1080/14660970903239941>

15. Massao, P., & Fasting, K. (2010). Race and racism: Experiences of black Norwegian athletes. *International Review for the Sociology of Sport*, 45(2), 147–162. <https://doi.org/10.1177/1012690210368233>

16. Oshiro, K., Weems, A., & Singer, J. (2020). Cyber racism toward black athletes: A critical race analysis of <http://TexAgs.com> online brand community. *Communication and Sport*, 23, 76–92. <https://doi.org/10.1177/2167479520911888>

17. Peskov, A. N. (2012). Rasizm, nacional'nyj i religioznyj e'kstremizm na olimpijskix igrax i drugix sportivnyx meropriyatiyax. Istoriya i real'nost'. (Kriminologicheskij analiz, preduprezhdenie i presechenie e'kstremizma v sporte) [Racism, national and religious extremism at the Olympic games and other sports events. History and reality. (Criminological analysis, prevention and suppression

of extremism in sports)]. *Sport: e'konomika, pravo, upravlenie*, (2), 23–29.

18. Rankin-Wright, A., Hylton, K., & Norman, L. (2016). Of-colour landscape: Framing race equality in sport coaching. *Sociology of Sport*, 33(4), 357–368. <https://doi.org/10.1123/ssj.2015-0174>

19. Salnikov, E. V. (2015). Formy rasizma v sovremennom futbole i osnovnye napravleniya protivodejstviya emu [Forms of racism in modern football and the main directions of countering it]. *Sport: e'konomika, pravo, upravlenie*, (4), 14–17.

20. Swart, K., & Maralack, D. (2021). Black Lives Matter: perspectives from South African cricket. *Sport in Society*, 24(5), 715–730. <https://doi.org/10.1080/17430437.2020.1819693>

Информация об авторах

Евгений Вячеславович Сальников, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, Россия, e-mail: esalnikov2005@yandex.ru

Инна Николаевна Сальникова, старший преподаватель кафедры сервиса, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орел, Россия, e-mail: inna-salnikova@yandex.ru

Information about the authors

Evgeny Vyacheslavovich Salnikov, Doctor of Philosophical Sciences, Chief of the Department of Social and Philosophical Disciplines, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia, e-mail: esalnikov2005@yandex.ru

Inna Nickolaevna Salnikova, Senior Lecturer of the Department of Service, Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia, e-mail: inna-salnikova@yandex.ru

РОССИЯ И МИР В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАНДЕМИИ*

Лидия Николаевна Тимофеева,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия,
Timofeeva-lidiya@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 16.05.2021, принята к публикации 30.06.2021

Для цитирования: Тимофеева Л.Н. Россия и мир в условиях политической пандемии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 125–141. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_125

* Статья написана организатором и ведущей IV Субботних политологических чтений профессором Л.Н. Тимофеевой по итогам выступлений трех известных российских ученых: 1) Сильвестров Сергей Николаевич, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве РФ, член Научного совета при Совете безопасности Российской Федерации, заслуженный экономист Российской Федерации, тема доклада: «Экономика 2020-х сквозь призму политики в условиях пандемии»; 2) Шабров Олег Федорович, доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, президент Академии политической науки, тема доклада: «Политическое управление в условиях нестабильности»; 3) Камышанов Виктор Иванович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Школы политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, президент Международной общественной организации «Федерация мира и согласия», член Научного совета при Совете безопасности Российской Федерации, тема доклада: «Международная политика государств в условиях пандемии: сравнительный анализ».

© Тимофеева Л.Н., 2021

Аннотация

Статья построена на основе размышлений, вызванных научной дискуссией, развернувшейся на заседании IV Субботних политологических чтений в Президентской академии, которые традиционно проводятся совместно с Российской ассоциацией политической науки (РАПН) и Академией политической науки (АПН). В центре внимания собравшихся был анализ положения России и мира в условиях политической пандемии. Тема заинтересовала широкий круг отечественных и зарубежных ученых. В заседании приняли участие более 70 человек из 13 городов Российской Федерации – Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Владимира, Екатеринбурга, Йошкар-Олы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Красноярска, Пскова, Ростова-на-Дону, Севастополя, Ярославля, а также из Донецка, аспиранты и преподаватели из Болгарии, Македонии, Украины, Нигерии. С докладами выступили известные специалисты в области экономики, политического управления и международных отношений. Анализ показал, во-первых, что стратегический прогноз, сделанный давно рядом известных европейских и американских университетов и фондов, предсказывал появление мировой пандемии с ее политическими и экономическими последствиями и неизбежностью формирования нового мирового порядка; во-вторых, коронавирус лишь обострил проблемы, которые давно назрели и связаны с постоянно растущим потреблением, истощаемостью природных ресурсов и чрезвычайным усложнением объекта политического управления, с которым не справляются управляющие элиты. На этом фоне возникли всевозможные концепции будущего: «демократического фашизма», новой «нормальности», упрощения объекта управления за счет контроля и цифровизации его жизни и деятельности и т. д. Усиливается роль транснациональных компаний, которые обогащаются за счет подобных пандемий; много теряет средний и малый бизнес, а значит, убывает средний класс; ослабевает роль межгосударственных структур типа ООН, Евросоюза и особенно международных общественных объединений, чье мнение сегодня никто не учитывает при принятии важных политических решений. В этой связи возникают следующие вопросы: каковы политические перспективы у России и мира в целом справиться с пандемией и все усложняющимися задачами управления, в чем смысл «нового реализма», и к чему он может привести.

Ключевые слова:

политическая пандемия, мировой кризис, насилие, солидарность, «демократический фашизм», «новый реализм».

RUSSIA AND THE WORLD IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL PANDEMIC

Lidiya N. Timofeeva,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia,
Timofeeva-lidiya@inbox.ru

Article received on May 16, 2021, accepted on June 30, 2021

For citation: Timofeeva, L.N. (2021). Russia and the World in the Context of the Political Pandemic. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(2), 125-141. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_125

Abstract

The article is based on the reflections caused by the scientific discussion that unfolded at the meeting of the Fourth Saturday Political Science Readings at the Russian Presidential Academy, which are traditionally held in conjunction with the Russian Political Science Association and the Academy of Political Science. The focus of the meeting was on the analysis of the situation in Russia and in the world in the context of the political pandemic. A wide range of domestic and foreign scientists got interested in the topic. The meeting was attended by more than 70 people from 13 cities of the Russian Federation – Moscow, Saint Petersburg, Bryansk, Vladimir, Ekaterinburg, Yoshkar-Ola, Nizhny Novgorod, Novosibirsk, Krasnoyarsk, Pskov, Rostov-on-Don, Sevastopol, Yaroslavl, as well as from Donetsk, graduate students and teachers from Bulgaria, Macedonia, Ukraine, and Nigeria. The presentations were made by well-known experts in the field of economics, political management and international relations. The analysis showed, firstly, that the strategic forecast made long ago by a number of well-known European and American universities and foundations predicted the emergence of a global pandemic with its political and economic consequences and inevitability of a new world order formation; secondly, the coronavirus only exacerbated the problems that had matured long ago and are associated with the constantly growing consumption, with natural resources depletion and with the extreme complexity of the political management object, which the governing elites cannot cope with. Against this background, all kinds of concepts of the future have emerged: “democratic fascism”, the new “normality”, simplification of the management object by controlling and digitalizing its life and activities, etc. The role of multinational companies, which are enriched by such pandemics, is increasing; medium and small businesses are losing a lot, which means that the middle class is decreasing; the role of intergovernmental organizations such as the UN, the European Union, and, especially, international NGOs, whose opinion is not taken into account today when making important political decisions, is weakening. In this regard, the following questions

are raised: what are the political prospects for Russia and the world as a whole to cope with the pandemic and the increasingly complex management tasks, what is the meaning of the “new realism” and what can it lead to.

Keywords:

political pandemic, global crisis, violence, solidarity, “democratic fascism”, “new realism”.

Введение

Планету охватил мощный кризис, связанный с пандемией коронавирусной инфекции. По определению специалистов, «кризис – это крупное, нерутинное происшествие, затрагивающее безопасность людей, окружающей среды, репутацию организации, которое требует немедленного внимания к себе или постоянного контроля и которое получило или может получить широкие неблагоприятные отзывы» (Пурселл, 2001, с. 19). В свое время С. Блэк разделил кризисы на два типа: «известное неизвестное» и «неизвестное неизвестное». В первом случае мы располагаем сведениями, что авария может произойти, но неизвестно, произойдет ли она, и если да, то когда. Во втором случае мы имеем дело с катастрофами и авариями, которые никто не способен предусмотреть (Блэк, 1990, с. 42). Но сегодня этот подход оспаривается, поскольку возможности науки, информационного общества и международного информационного обмена практически не оставили примеров кризисов, которые можно было бы назвать «неизвестное неизвестное». Вот и в случае с пандемией COVID-19, если обратиться к докладам международных аналитических центров, можно заметить, что кризис прогнозировали. Другое дело, как к этому относиться: как к результату международного заговора или естественному течению взаимосвязанных событий в микро- и макромире.

Но сейчас всех волнует вопрос, как справиться с пандемией и не ждать ли миру новой, еще более беспощадной волны. Конфликтный менеджмент подсказывает, что правильно организованное управление кризисом придает процессу формы, обеспечивающие минимизацию неизбежных политических, социальных, экономических и нравственных потерь; оптимизацию тех или иных сфер общественной жизни. И тут мы столкнулись с явлением *политической пандемии*, или кризисом политического управления, в котором оказался весь мир. В нем проявились конфликты интересов самого разного характера: геополитических, финансово-экономических, экологических, культурных, этнических, технологических и др. Возникает вопрос: как быстро и в чью пользу будет разрешен этот кризис? Страх перед смертельной инфекцией, многократно усиленный Интернетом и традиционными СМИ, еще больше обнажил противоречия между развитыми и развивающимися государствами, между бедными и богатыми, различными политическими союзами, людьми разных рас, между странами с различным цивилизационным укладом и т. д. (Тимофеева, 2020b). На наших глазах формируется политика «нового реализма», чьи перспективы еще предстоит оценить исследователям.

К какому будущему толкает нас пандемия?

Мировой кризис, в котором оказались Россия и весь мир, ряд экспертов считают неслучайным, ожидаемым и, возможно, даже запланированным. Как известно, пандемия (греч. πανδημία «весь народ») – эпидемия, характеризующаяся распространением инфекционного заболевания (чума, холера, грипп и др.) на территории всей страны, сопредельных государств, иногда группы стран и континентов. Чем вызвана многослойность пандемической проблемы? Почему этот кризис возник сейчас? Каким будет мир после пандемии? Версий немало. Приведем некоторые из них.

По мнению С.Н. Сильвестрова, во-первых, все кризисы имеют циклическую природу. При этом за прошедшее столетие произошло сжатие циклов кризисов: если раньше они возникали каждые 12–14 лет, то сейчас гораздо чаще – через 6–8 лет. Постоянно предпринимаются попытки проанализировать их, научиться предвидеть, однако пока это удается плохо. Самый длинный цикл завершился 10 лет назад финансовым кризисом 2007–2008 гг.: он длился 119 месяцев. В 2020 г. начался новый экономический кризис, отягощенный пандемией.

Во-вторых, человечество живет не в изолированном пространстве, рядом существует микромир бактерий, биосреда, которая взаимодействует с нами и отвечает на наши попытки перестроить ее, защищаясь определенным образом.

В-третьих, есть подозрение об умышленном вмешательстве мировой элиты в экономику разных стран через объявление «планетарного заражения». Высказывается предположение, что кто-то наживается на кризисах, провоцируя всеобщую панику. Например, в 2009 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о первой за последние 40 лет пандемии вируса А/Н1N1, или «свиного гриппа». Ей была присвоена высшая – шестая – степень опасности. С тех пор «свиной грипп» унес жизни более 18 тыс. человек¹. Спустя год после объявления пандемии чиновники ВОЗ обвинили в коррупции и лоббировании интересов фармацевтических компаний, которым паника принесла немалую прибыль. Так, например, на продаже противовирусных препаратов они заработали порядка \$10 млрд. Возникла версия, что пандемия – это заговор фармкомпаний².

В намеренном планировании сегодняшнего кризиса подозревается Университет Джонса Хопкинса в США, который с 2001 г. регулярно проводит пандемические учения, где моделируются возможные сценарии развития событий, связанных с тем или иным заболеванием. Последние учения под названием *Event 201* состоялись в октябре 2019 г., т.е. за несколько месяцев до начала пандемии COVID-19. Организаторами мероприятия, помимо университета, выступили Фонд Билла и Мелинды Гейтс и Всемирный экономический форум. В учениях приняли участие главы фармацевтических корпораций и центры по профилактике и контролю заболеваний³. Возникает вопрос: а не является ли сегодняшний кризис итогом скрытых действий подобных организаций?

¹ При этом за год в мире умирает в среднем 56 млн. человек (около 153 тыс. в день).

² Гринкевич, В. (2010, 11 июня). *А/Н1N1: страшная угроза или великая афера?* Взято 10 апреля 2021, с <https://ria.ru/20100611/245076874.html>

³ Колобова, В. (2021, 3 мая). *Замутненный источник: кто ведет статистику по коронавирусу.* Взято 5 мая 2021, с https://octagon.media/istorii/zamutnennyj_istochnik

В-четвертых, те, кто изучает риски и знаком с докладом «Сценарии будущего технологий и международного развития», подготовленным в 2010 г. Фондом Рокфеллера совместно с известной консалтинговой компанией *Global Business Network*, увидел в нем реальную картину настоящего, предсказанную десять лет назад. Там, правда, за точку отсчета эпидемии был взят 2012 г., приведено четыре сценария развития событий, один из которых достаточно точно предсказал то, что происходит сегодня.

Данный сценарий касался нового штамма гриппа и коротко описан следующим образом. Этот штамм, в отличие от предыдущих, чрезвычайно заразен и смертелен. Даже в самых подготовленных к пандемии странах вирус быстро распространяется, затронув почти 20 % населения мира и убив 8 млн. человек за 7 месяцев. Больше всего людей умирает в Африке, Юго-Восточной Азии и Центральной Америке. Это критически отражается на экономике: сокращается до нуля международная мобильность людей и товаров, что приводит к ослаблению многих отраслей и разрыву глобальных цепочек поставок. Страдают и более развитые страны, прежде всего с либеральными режимами. Правительство США сначала просто советует гражданам остерегаться передвигаться внутри страны и за рубежом, но к этим рекомендациям мало кто прислушивается, что ускоряет распространение вируса не только в стране, но и за ее пределами. А вот в Китае дела обстоят намного лучше. Правительство быстро вводит жесткий карантин абсолютно для всех граждан и закрывает границы. Это помогает остановить распространение вируса, спасти миллионы людей и вернуться к нормальному ритму жизни намного быстрее, чем в других странах.

Но полномочия государства усиливаются не только в Китае. В других странах также вводятся разные меры: от обязательного ношения масок до проверки температуры тела на входе в общественные места. И хотя пандемия идет на спад, власти не отказываются от авторитарного контроля и надзора за гражданами. Объясняется это защитой не только от вирусных пандемий, но и от транснационального терроризма, экологических кризисов, растущей нищеты и неравенства. Сначала граждане с пониманием относятся к ограничениям, передав часть своих прав и свобод властям, ожидая от них помощи и поддержки. Но режимы со временем становятся более патерналистскими. Это приводит к двум последствиям. С одной стороны, во многих развитых странах принудительное согласие и одобрение набора новых правил и соглашений медленно, но неуклонно восстанавливало как порядок, так и, что важнее, экономический рост. Но в развивающихся странах укрепление авторитета властей принимает вариативный характер и зависит от лидера. С сильными и разумными лидерами экономическое положение граждан и качество их жизни улучшаются. Там же, где правящая элита использует ситуацию только себе во благо, ситуация ухудшается. Усиливается контроль за предпринимательской деятельностью, сокращаются расходы на инновации, обостряются националистические настроения. Ценности уже не имеют значения, действуют только жесткие интересы, которые влияют на создание новых альянсов государств.

Через несколько лет люди устают от усиленного контроля и от того, что позволили лидерам и властям делать за них выбор. Везде, где национальные

kto_vedet_statistiku_po_koronavirusu.html

интересы столкнулись с интересами отдельных граждан, стали возникать конфликты. Единичный поначалу отпор давлению сверху становится все более организованным и скоординированным. Недовольная молодежь и люди, которые видят, как их социальный статус понижается (это относится в большей мере к развивающимся странам), провоцируют гражданские беспорядки. Из-за множества ограничений, жестких правил и строгости национальных норм начинают возмущаться граждане развитых стран и большинства стран мира, пошедших на ограничения из-за вируса. В некоторых странах (типа Нигерии) случаются перевороты⁴.

Насколько реалистичен этот сценарий, мы убеждаемся, анализируя события 2020–2021 гг. Практические все указанные тенденции налицо. Более того, сегодня мы видим уход от либеральной демократии в сторону дирижизма. Следует отметить, что подобную мрачную перспективу для мира нарисовал еще в 1980 г. американский политолог Б.М. Гросс, президент Общества исследований по общей теории систем. Он ввел в политический лексикон термин «дружелюбный фашизм», применяя его непосредственно к США. Книга так и называлась: «Дружелюбный фашизм: Новый облик власти в Америке» (Gross, 1980). В ней было предсказано появление новой формы тоталитарной политики. В отличие от обыкновенного фашизма, известного со Второй мировой войны, «дружелюбный фашизм» действует более тонко. Он применяет технологии подавления опосредованно, оправдывая их необходимостью защиты прав человека и гражданских свобод, разрушая вместе с тем традиционные ценности общества.

Б. Гросс присваивает новой форме фашизма семь основных категорий⁵:

1) Новый тип власти. Крупный капитал сливается с государственным аппаратом. Возникает новая технократическая идеология, которая выражается в более развитом искусстве правления и оболванивания народа.

2) Изощенный метод подавления оппозиции, что проявляется в манипуляциях демократическими механизмами и правами человека, а также контроле над деятельностью партий. Речь идет о новой социально-политической идеологии, которая по своей сути столь же тоталитарна, как и национал-социализм XX в., но имеет более мягкие способы воздействия на граждан своих и чужих стран.

3) Метод уничтожения неугодных. Прямой террор комбинируется с тайным – разжиганием этнических конфликтов, поиском множества «внешних угроз», организацией массовых беспорядков.

4) Способы убеждения: информационная война, усиленная высокотехнологичными средствами контроля и слежки, ее цель – подчинить сознание элиты и парализовать массы. Это телевидение, интернет-технологии с социальными сетями, за которыми стоит тандем военных и политиков, всевозможные системы наблюдения, от видеокамер до спутников, дактилоскопические и иные методы сбора биометрических данных.

⁴ *Scenarios for the future of technology and international development* (2010, May). Retrieved April 10, 2021, from https://earth-chronicles.ru/Publications_16/8/Rockefeller_Foundation_compressed.pdf

⁵ Савин, Л. (2014, 22 января). *Дружелюбный фашизм. О новой социально-политической идеологии США и Евросоюза*. Взято 10 апреля 2021, с https://www.stoletie.ru/vzglyad/druzhelubnyj_fashizm_412.htm

5) Способы поощрения: дозированные вознаграждения в виде должностей и крупных сумм денег для элиты; профессиональный рост, расширение прав потребителей для некоторых групп населения; система социального обеспечения для широких масс, обусловленная «хорошим поведением».

6) Отвлечение внимания от серьезных проблем, что выражается в разнообразных способах «утешения» – секс, психоактивные вещества, религиозные секты, а также алкоголизм, азартные игры, спортивные состязания и сцены крайне жестокого насилия.

7) Живучесть политической системы основана на усиливающих ее существование реформах, тщательно продуманной военной экспансии, многоуровневой кооптации недовольных лиц и политической апатии масс.

Следует отметить, что Б. Гросс не давал советов по борьбе с данной формой неонацизма, также он не верил в идеи марксизма, т. е. был скептиком в отношении планетарного будущего.

Отход от либерального демократизма к мировому дирижизму виден по документам Всемирного экономического форума в Давосе. В 2020 г. на мероприятии, на которое собирается вся мировая экономическая и политическая элита, был поставлен ребром вопрос о необходимости улучшения капитализма, ориентации инвестиций на взаимный прогресс, уделении большего внимания экологическим инициативам, т. е. либо мы кардинально меняемся, либо остаемся в старом мире, который преподнесет нам еще более суровые неприятности. Основатель и исполнительный председатель Форума К. Шваб вместе с управляющим партнером «Ежемесячного барометра» Т. Маллере опубликовали по этому поводу книгу «COVID-19: Великая перезагрузка». Главный тезис состоит в следующем: мировая система экономического и политического устройства требует пересмотра. Но что же именно надо изменить? Приведем некоторые выдержки из книги⁶.

Во-первых, частная собственность отменяется, вместо нее вводится «экономика пользования». «Мир больше не будет прежним, капитализм примет иную форму, у нас появятся совершенно новые виды собственности помимо частной и государственной. Крупнейшие транснациональные компании возьмут на себя больше социальной ответственности, они будут активнее участвовать в общественной жизни и нести ответственность ради общего блага».

Во-вторых, экономика станет не только пользовательской, но и «зеленой». Предполагается введение лимитов на потребление воды, электричества и экологически опасных продуктов, например, мяса. Увеличение населения ведет за собой увеличение потребления, нагрузку на природу. Отсюда вывод: чем больше демографический рост, тем выше риск новых пандемий.

В-третьих, если демократия и глобализация будут расширяться, то национальному государству не останется места, на смену национальным правительствам придет мировое.

В-четвертых, необходимо сохранять локдаун во всемирном масштабе. «Проблема рассинхронизации между двумя группами (теми, кто принимает

⁶ Все, что нужно знать о скандале года – книге «COVID-19: великая перезагрузка» (2021, 14 января). Взято 15 апреля 2021, с https://www.nix.ru/computer_hardware_news/hardware_news_viewer.html?id=205155

решения, и общественностью), чей горизонт сильно разнится, стоит остро, и справиться с ней в разрезе пандемии будет непросто. Стремительность шока и глубина причиненной боли несопоставимы с политической стороной вопроса... Люди могут смутиться от стресса и стать «непослушными».

В-пятых, с введением локдауна усиливается привязанность к близким, мы больше ценим тех, кого любим – членов семьи и друзей. Но обратная сторона заключается в том, что это вызывает рост патриотических и национальных чувств вместе с темными религиозными воззрениями и этническими предпочтениями. «И это токсичное смещение выявляет в нас худшее...». Поэтому долой национальную идентичность.

В-шестых, утверждается новая реальность без возврата к старой. «Великая перезагрузка» влечет за собой сложную систему перемен и корректировок. «Столкнувшись с этим, некоторые лидеры отраслей и руководители захотят остановить эту перезагрузку, рассчитывая вернуться к старым нормам и восстановить то, что когда-то работало: традиции, устоявшиеся процедуры и привычные способы ведения дел. Короче говоря, к обычной реальности. Этого не произойдет, потому что этого уже не может быть». Что же придет на смену прежнему управлению производством? «Чтобы положить конец пандемии, необходимо создать всемирную сеть цифрового контроля». «Светлое будущее» – это роботизация всех сфер экономики и жизни. А чтобы народ не умер от голода, вводится безусловный базовый доход (ББД), но только при наличии санитарного паспорта. «До 2035 г. может быть автоматизировано до 86 % рабочих мест в ресторанах, 75 % рабочих мест в торговле и 59 % в отраслях развлечения».

Вывод, который делают авторы: «Многие спрашивают: когда мы вернемся к нормальной жизни? Ответ короткий: никогда. Жизнь никогда не вернется к ощущению «сломанной» нормальности, царившему до кризиса. Мира, каким мы его знали в первые месяцы 2020 г., больше нет, он рассыпался на фоне пандемии. Наша история разделится на две части: до коронавируса и после». Формируется «новая нормальность», радикально отличающаяся от той, которую мы понемногу оставим позади. Наступает эпоха трансгуманизма.

В этой связи возникает вопрос. Есть ли у России и мирового сообщества свое понимание лучшего будущего в условиях, когда главенствуют интересы транснациональных корпораций, когда зависящие от этих компаний политические элиты угрожают суверенитету отдельных национальных государств экономическими санкциями и новыми видами оружия? Есть разные представления о таком будущем. Одно из них связано с Хартией Земли, одобренной ООН, второе – с идеей трансгуманизма.

Мировая общественность приняла Хартию Земли в начале XXI столетия, цель заключается в создании справедливого, устойчивого и мирного глобального общества. Оно может возникнуть в процессе широкого многокультурного, многосекторального обсуждения, которое направлено на пробуждение чувства взаимозависимости и общей ответственности за благополучие всех людей, в том числе будущих поколений. Хартия призывает человечество установить всеобщее сотрудничество в критический момент истории. При этом защита окружающей среды, прав человека, равного человеческого развития и мира в целом взаимозависимы и неразделимы.

Для продвижения Хартии создана организация «Инициатива Хартия Земли», чей официальный представитель в России – общероссийская общественная организация «Центр экологической политики и культуры»⁷. В конце 2015 г. ООН подвела промежуточные итоги программы развития. Согласно опубликованному отчету, удалось добиться значительных успехов, многие поставленные цели выполнены⁸. Пандемия COVID-19, естественно, повлияла на их дальнейшую реализацию.

Что касается идеи трансгуманизма, то она имеет как сторонников, так и противников. Предполагается совершенствование физических и умственных возможностей человека и животных с помощью науки и технологий. Научный иммортализм (возможность отсрочить момент смерти силами науки) – одна из главных сверхзадач трансгуманизма. Его радикальное направление допускает возможность полного перемещения разума человека в виртуальный мир, слияние с компьютером. Личность приобретает сходство с искусственным интеллектом, потребность в физическом теле отпадает. Основная критика: из-за трансгуманизма человек лишается самой человечности, т. е. люди утрачивают те особенности, которые отличают их как биологический вид.

Но что реально нас ожидает в ближайшем будущем? Сегодня мир находится в состоянии одного из самых серьезных экономических и политических кризисов. В ближайшем будущем наступит финансовый кризис, спровоцированный чудовищной волной долговых обязательств. Только за 2020 г. эмитировано около \$20 трлн., которые гасят различные вспышки, связанные с пандемией и не только с ней. Не случайно Международный валютный фонд и Всемирный банк высказались в Давосе за то, чтобы не допустить депрессию в экономике, как это было перед Второй мировой войной.

Что делать в этой ситуации России? Некоторые эксперты называют наше правительство «реактивным». Это неплохо, когда оно действует по принципу: импульс-реакция, но надо видеть то, что нас ожидает в 2030–2050 гг. Главное сегодня не прибыль, а управление рисками. С.Н. Сильвестров полагает, что нам надо серьезно работать над этим⁹. Стратегия России должна быть рассчитана до 25–30 лет вперед. Страна не может существовать без понимания основных направлений социально-экономического развития: необходимо видеть риски, оценивать их, иметь набор различных сценариев этого развития. Следует создавать компании-лидеры, развивать новые технологии, понимать, с чем и когда выйти на мировые рынки. Наши конкуренты – японцы, китайцы, американцы – разрабатывают стратегии, и они рассчитаны как минимум до 2035–2040 гг. Такая стратегия должна быть у нас, иначе мы будем подвержены стихийному влиянию разнообразных факторов и общемировой турбулентности.

⁷ 16 октября 2003 г. Генеральная Конференция ЮНЕСКО официально признала Хартию Земли (Резолюция 32 С/СОМ.III/DR.1) и обратилась к государствам-участникам с предложением использовать документ в качестве инструмента образования, особенно в рамках Десятилетия образования в интересах устойчивого развития, провозглашенного ООН.

⁸ *Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 г.* (без даты). Взято 15 апреля 2021, с <https://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf>

⁹ Более подробно эта тема раскрывается в работах автора (Сильвестров, 2016; Сильвестров и др., 2021).

Научиться управлять сложным сообществом

По мнению профессора О. Ф. Шаброва (2021), мир находится в состоянии непредсказуемости, а применив синергетический подход, можно сказать – в точке бифуркации. И эта одна из характеристик политической пандемии – кризиса управления. Основные вызовы, которые породили эту нестабильность: завершение цикла мировой гегемонии одной страны и очередного цикла длинной волны Н. Д. Кондратьева (1989). Человечество вошло в зону неустойчивости, где действуют законы самоорганизации с использованием таких понятий, как «бифуркации», «аттракторы», «нелинейность» и т. п. Процессы самоорганизации не могли не обострить проблемы управления.

О. Ф. Шабров (2021) выделяет несколько наиболее значимых факторов. Во-первых, завершение цикла мировой гегемонии с соответствующим обострением борьбы за передел сфер влияния, основными сторонами которой наряду с США выступают Китай и Индия. Спрогнозировать сегодня исход этой борьбы вряд ли представляется возможным, и здесь возникает первая точка бифуркации. Во-вторых, формирование могущественной глобальной элиты, включившейся в борьбу за сферы влияния и стремящейся подчинить себе весь мир, предоставив ряду могущественных государств роль операторов своих интересов. Исход этой борьбы также не предопределен. В-третьих, рост антропогенной нагрузки на природную среду, что сделало борьбу за ресурсы беспрецедентно острой. При этом военно-технические возможности сторон не позволяют ни одной из них рассчитывать на победу без невосполнимых потерь. И это предопределило перенос центра противоборства из военной в экономическую и духовную сферы, сферу общественного сознания. В этой точке бифуркации возможны только три аттрактора: сокращение среднего потребления материальных ресурсов на жителя планеты; сокращение численности населения планеты; экологическая катастрофа при сохранении численности населения и уровня потребления природных ресурсов.

Необходимость решения этих проблем объективно стимулирует поиск совместных действий и подталкивает к созданию и использованию инструментов глобального управления. Данная тенденция совпадает с заинтересованностью глобальных элит в механизмах надгосударственного управления общественными системами, и они используют объективные тенденции в своих интересах.

Проблемы управления в этих условиях также приобретают глобальный характер. Одна из них связана с возникшим противоречием между степенью разнообразия общественных систем, нарастающей по мере их развития, и одним из принципов кибернетики, сформулированным У. Р. Эшби, – принципом необходимого разнообразия. Согласно этому принципу, для эффективного управления необходимо, чтобы по степени разнообразия управляющая подсистема превосходила управляемую. В современных общественных системах переход к постиндустриальному и более высокому технологическим укладам породил лавинообразный рост степени разнообразия. Попытки же глобального управления наталкиваются на несравнимо более высокую степень разнообразия всего человечества в сравнении с локальными общественными системами. Но степень разнообразия управляющих подсистем достигла своего предела, и решение проблемы дальнейшего существования планетарного сообщества

возможно в двух направлениях: расширение сферы самоорганизации по мере повышения степени разнообразия общественных систем либо их упрощение. Первый вариант не вписывается в стратегии реализации интересов глобальных и многих национальных элит. Второй может быть реализован за счет целенаправленного упрощения человека, снижения образовательного уровня, что мы и наблюдаем сегодня; унификации поведения в соответствии с формируемыми навыками, компетенциями, инструкциями; раскультиуривания. Радикальное сокращение численности населения планеты также укладывается в стратегию второго пути (О.Ф. Шабров, 2021).

Другое дело, что восполнять разнообразие управляющей системы нужно за счет внедрения компьютерных и других прогрессивных технологий управления и математических методов, а не за счет привлечения дополнительных людских ресурсов. Если центральный орган управления при сохранении разумных размеров не обладает необходимым разнообразием, то следует развивать иерархическую структуру, передавая принятие определенных решений на нижние уровни и не допуская, чтобы они превращались в передаточные инстанции. Однако и здесь мы сталкиваемся с новыми проблемами.

Одно из следствий цифровизации – виртуализация социальных отношений, их нарастающее замещение общением в виртуальной среде, отчуждение от окружающего мира и самоотчуждение человека. Наряду с массовой миграцией это создает благоприятные условия для нарушения механизма культурного наследования. Что касается самоуправления или общественного управления на нижнем уровне, то и здесь мы наблюдаем кризис. Кризис испытывает и сама представительная демократия, в основе которой лежит делегирование гражданном мандата избранному им кандидату или партии на представительство своего интереса в органах государственной власти.

Что же происходит? Чем дольше человек пребывает в виртуальной среде, тем больше он утрачивает осознание собственного реального интереса. Опосредованное виртуальной средой представление о кандидатах и партиях он обращает в свой «голос» в виде мандата на представительство собственного интереса некому «симулякру», до конца не понимая, с кем он имеет дело. А тот, будучи избранным, попадает под влияние глобальной элиты и не в полной мере свободен представлять интерес своего избирателя.

О.Ф. Шабров (2021) приходит к выводу, что пандемия сыграла роль катализатора процессов разрушения и виртуализации социальных отношений, раскультиуривания, ориентации образования на обучающие цифровые технологии, тем самым освобождая путь повышению эффективности глобального управления за счет упрощения человеческих сообществ. Принимая во внимание, что степень разнообразия является источником развития систем, эти тенденции, если они не будут преодолены, станут началом деградации человечества.

Новые вызовы в системе международных отношений

В XXI столетии сформировались новые корреляции критических вызовов в системе международных отношений, считает В.И. Камышанов (2021). По его мнению, в условиях пандемии мы столкнулись с пониманием, что подобного противоречия между состоянием международных интересов, глобальных вы-

зовов и политикой государств при защите своих национальных интересов в современной истории еще не было. Произошло кардинальное изменение соотношения рационального и иррационального в системе международных отношений, что связано с отрицанием императива сотрудничества как ключевого элемента в этой сфере. А ведь сотрудничество является основой для формирования базового принципа мирного сосуществования между субъектами международных отношений.

В. И. Камышанов (2021) отмечает, что современный этап оказался во власти вируса иррационального. Кризис современной мировой политической системы, вызванный изменением отношения к доминирующей идеологии либерализма и ее носителям, ставит на повестку дня вопрос о выборе пути развития современного цивилизационного политического пространства. Проблема заключается не только в отказе от сосуществования различных идеологий, но и в нарушении современными политическими элитами принципов для образования минимального консенсуса. Нарушение баланса в принципах международных отношений приводит к смене полярности этого процесса, к переходу от рационального к иррациональному состоянию и наоборот. Далее российский политолог приводит несколько примеров.

Первый иллюстрирует ситуацию, когда иррациональное довлеет над рациональным. Это действия основных игроков международных отношений перед началом Второй мировой войны, что привело к сделке с Гитлером. Итогом стало возвышение идеологии фашизма и превращение ее в метод борьбы с человеком как биологическим видом через разделение человечества по расовому принципу.

Второй пример иллюстрирует ситуацию, когда рациональное довлеет над иррациональным. Гонка ядерных вооружений изначально была явлением иррациональным, которое пытались использовать в достижении глобальных целей. В конечном итоге соотношение угрозы последствий и уровень непроизводительных затрат достигли предела, который позволил рациональному подходу победить иррациональный и создать условия для сдерживания гонки ядерных вооружений, а затем и для достижения определенного уровня разоружения, закрепленного как принцип разрядки международных отношений и сохранения человека как биологического вида.

Анализ развития глобальных политических процессов показывает, что смена полярности этого процесса связана с переходом от биполярности через этап моноцентричности к современной полицентричности. Иррациональное в данном случае заключается в борьбе за исключительное доминирование в процессе управления политическими процессами в условиях многоуровневой полицентричности. Одним из проявлений этого стало присвоение Соединенными Штатами права на одностороннее навязывание санкций в отношениях между государствами.

Далее В. И. Камышанов (2021) задается вопросом, каким образом этот вывод можно экстраполировать на современное состояние международных отношений? Пандемия ставит вопрос о соотношении рационального и иррационального в формировании международного ответа наций на новый вызов человеку как биологическому виду. Как проявляется иррациональное в отношениях между государствами? В поиске выгоды от сугубо индивидуальных действий и отказе от координации совместных научных действий в борьбе с COVID-19,

являющимся модификацией вирусной угрозы человеку как биологическому виду; в разрушении поля политического сотрудничества по решению текущих проблем международного развития; в обострении экономического кризиса в результате применения санкций; в усилении внутривнутриполитических и региональных противоречий через разрушение межэтнического и социального поля.

В.И. Камышанов (2021) выделяет основной вызов. Сегодня борьба идеологий находится уже на втором уровне противостояния, а в основе современного развития и принятия решений лежит проблема неограниченного стремления к обогащению и неудовлетворенность контролирующими амбиций у основных участников международного рынка. «Складывается впечатление, что политический истеблишмент потерял ориентиры в современном мире. Кризис либерально-демократической концепции управления миром становится все более очевидным. Поэтому, наверное, имеет смысл обратиться к некоторым идеям, которые существуют в поиске нового многоуровневого национального управления в системе федерализационного построения мира»¹⁰.

Что это может означать в современных условиях? Прежде всего, переосмотр концепции монетарного управления мировым развитием. Мы видим, что во множестве случаев эта система порождает все более негативные последствия, представляет собой одну из причин разрушения стабильности мирового сообщества.

Развитие международных отношений в условиях пандемии следует рассматривать через призму постановки задачи: перспективное планирование или игра на опережение? В настоящее время мы наблюдаем, что доминирующим вектором стало достижение превосходства через реализацию политики опережения. Каждая из стран, обладающая необходимым научно-производственным потенциалом, постаралась сыграть на опережение в выработке противоядия от глобальной угрозы на локальном уровне с одновременным блокированием альтернативных вариантов. Отказ от задач перспективного планирования, которое требует, как минимум, разграничения интересов и объединения усилий в наиболее слабых точках развития, повлек глобальный отказ от императива сотрудничества.

Отсутствие перспективного планирования в сфере международных отношений привело Россию к необходимости концентрации дополнительных политических усилий в двух важных для нее направлениях: ситуация в Арктике и достройка газопровода «Северный поток-2». В первом случае это курс на правовое обоснование принадлежности ей участков Северного Ледовитого океана, в частности, хребта Ломоносова, для создания конкурентоспособного политико-экономического пространства. Во втором случае, связанном с торжеством строительства газопровода, проявилась недооценка политики США, ориентированной на принцип опережения в установлении контроля над газовым рынком Евросоюза и отдельных крупных игроков регионального уровня.

Если говорить в целом, то Соединенные Штаты по-прежнему стремятся к глобальному доминированию на мировой арене (хотя в последнее время наме-

¹⁰Levi, L. (Ed.) (n. d.). *Multi-level governance and federalism*. Retrieved April 12, 2021, from <http://www.federalist-debate.org/index.php/component/k2/itemlist/category/7-year-xxiii-number-3-november-2010>

тилась некоторая тенденция изменения способа взаимодействия с миром). «Тем не менее, этот подход не является главной причиной нынешнего дисфункционального состояния глобальных дел. И, если уж на то пошло, это не сводится ни к растущему соперничеству между Китаем и США, ни к возрождению России как самостоятельного актера в доминантном на переломе веков спектакле либерального международного порядка. Действуют более крупные силы»¹¹.

В заключение В. И. Камышанов (2021) делает вывод, что по мере того, как великие державы приспосабливаются к более плюралистическому миру, средние и малые державы будут стремиться к тому, чтобы быть более активными, более гибкими, более уверенными в себе, более ориентированными на поиск широкого рационального политического решения за рамками кризисной либеральной идеологии, готовыми защищать собственные интересы. В условиях пандемии и ослабления офлайн-дипломатии мир вступил в новую фазу, которую можно назвать веком плюрализма без единого гегемона, способного решать множество глобальных проблем и требующего согласованных действий. Эта новая эпоха имеет глубокие последствия для поведения всех стран.

Заключение

Политическая пандемия, или кризис политического управления, стала вершиной нерешенных экономических, экологических, энергетических, политических и других конфликтов, обострившихся в связи с *casus belli* – биологической угрозой самой жизни на Земле. Эта пандемия связана с ростом народонаселения, нехваткой ресурсов, «перегревом» экологии, необычайным усложнением объекта политического управления, усилением господства транснациональных компаний (Тимофеева, 2020а), ослаблением роли международных объединений государств типа ООН, Евросоюза и особенно международных общественных объединений, чье мнение сегодня никто не учитывает при принятии важных политических решений. «Страна-гегемон» стремится установить свои правила игры и подчинить им другие государства. Однако мир изменился. Об этом говорили прогнозы ряда аналитических центров, сделанные задолго до пандемии COVID-19. На этом фоне возникли всевозможные концепции будущего: модель «демократического фашизма», «трансгуманизма», новой «нормальности» и т.д. Но все они подвергаются критике. В связи с этим открывается шанс для «нового реализма», холодного расчета, связанного, в частности, с нормализацией российско-американских отношений. России необходимо найти выход из политической пандемии, заняться серьезным стратегическим планированием через управление рисками, определить свой образ будущего, создавать инновационные технологии, начать конструктивный диалог с другими государствами по поводу мирного существования и соуправления в условиях повторяющихся кризисов, в том числе эпидемиологического характера.

¹¹Johnstone, I., & Lincoln, J. (2021, January 14). *How to make diplomacy more effective – and inclusive – in the new age of pluralism*. Retrieved April 30, 2021, from <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29352/how-to-make-diplomacy-more-effective-and-inclusive-in-the-new-age-of-pluralism>

Список литературы

1. Блэк, С. (1990). *Паблик рилейшнз. Что это такое?* М.: Новости.
2. Камышанов, В.И. (2021). *Международная политика государств в условиях пандемии: сравнительный анализ*. Взято 10 мая 2021, с <http://shabrov.info/APN/Kamishanov.pdf>
3. Кондратьев, Н.Д. (1989). *Большие циклы экономической конъюнктуры*. В *Проблемы экономической динамики* (с. 172–226). М.: Экономика.
4. Пурселл, Э. (2001). *Управление кризисной ситуацией: практические и теоретические подходы*. Н. Новгород: Штрих.
5. Сильвестров, С.Н. (2016). Глобализация и глобальное регулирование: новейшие тенденции и вызовы для российской экономической политики. *Российский экономический журнал*, (3), 62–91.
6. Сильвестров, С.Н., Крупнов, Ю.А., Старовойтов, В.Г. (2021). Определение и реализация национальных целей развития в российском стратегическом планировании. *Российский экономический журнал*, (1), 32–44. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-1-32-44>
7. Тимофеева, Л.Н. (2020а). Макроконфликты социальности в политике: вызовы и пути решения. *Конфликтология*, 15(1), 74–93. <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2020-15-1-74-93>
8. Тимофеева, Л.Н. (2020b). «Политическая пандемия»: наблюдения и уроки на будущее. В О.П. Новоженина (Ред.), *Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?»*. Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: материалы научно-практической конференции (Москва, 10 декабря 2020 г.) (с. 114–120). М.: ФНИСЦ РАН. <https://doi.org/10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020>
9. Шабров, О.Ф. (2021). *Политическое управление в условиях нестабильности*. Взято 12 мая 2021, с <http://shabrov.info/APN/Shabrov.pdf>
10. Gross, B. (1980). *Friendly fascism: The new face of power in America*. New York: M. Evans & Company.

References

1. Black, S. (1990). *Publik rileyshnz. Chto e' to takoe?* [Public relations. What is it?]. Moscow: Novosti.
2. Gross, B. (1980). *Friendly fascism: The new face of power in America*. New York: M. Evans & Company.
3. Kamyshanov, V.I. (2021). *Mezhdunarodnaya politika gosudarstv v usloviyax pandemii: Sravnitel'nyj analiz* [International policy of states in the context of a pandemic: A comparative analysis]. Retrieved May 10, 2021, from <http://shabrov.info/APN/Kamishanov.pdf>
4. Kondratiev, N.D. (1989). *Bol'shie cikly e'konomicheskoy kon'yunktury* [Long cycles of the economic conjuncture]. In *Problemy e'konomicheskoy dinamiki* (pp. 172–226). Moscow: E'konomika.
5. Purcell, A. (2001). *Upravlenie krizisnoj situaciej: prakticheskie*

i teoreticheskie podhody [Crisis management: Practical and theoretical approaches]. Nizhny Novgorod: Shtrix.

6. Shabrov, O.F. (2021). *Politicheskoe upravlenie v usloviyax nestabil'nosti* [Political management in conditions of instability]. Retrieved May 12, 2021, from <http://shabrov.info/APN/Shabrov.pdf>

7. Silvestrov, S.N., Krupnov Yu.A., & Starovoitov, V.G. (2021). Opređenje i realizaciya nacional'nyx celej razvitiya v rossijskom strategicheskom planirovanii [Determination and implementation of national development goals in Russian strategic planning]. *Rossijskij e'konomicheskij zhurnal*, (1), 32–44. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-1-32-44>

8. Silvestrov, S.N. (2016). Globalizaciya i global'noe regulirovanie: novejšie tendencii i vyzovy dlya rossijskoj e'konomicheskoy politiki [Globalization and global regulation: trends and challenges for economic policy in Russia]. *Rossijskij e'konomicheskij zhurnal*, (3), 62–91.

9. Timofeeva, L.N. (2020a). Makrokonflikty social'nosti v politike: vyzovy i puti resheniya [Macro-conflicts of sociality in politics: Challenges and solutions]. *Konfliktologiya*, 15(1), 74–93. <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2020-15-1-74-93>

10. Timofeeva, L.N. (2020b). «Politicheskaya pandemiya»: nablyudeniya i uroki na budushhee [“Political pandemic”: Observations and lessons for the future]. In O.P. Novozhenina (Ed.), *Vtorye dekabr'skie social'no-politicheskie chteniya “Kak zhivesh', Rossiya?” Rossijskoe social'noe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v 2020 godu: realizaciya nacional'nyx proektov v usloviyax postpandemicheskoy real'nosti: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 10 dekabrya 2020 g.)* (pp. 114–120). Moscow: FNISC RAN. <https://doi.org/10.19181/sbornik.978-5-89697-341-6.2020>

Информация об авторе

Лидия Николаевна Тимофеева, доктор политических наук, профессор, Школа политических исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5278-886X>, e-mail: Timofeeva-lidiya@inbox.ru

Information about the author

Lidiya Nikolaevna Timofeeva, Doctor of Political Sciences, Professor, School of Political Studies, Institute for Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5278-886X>, e-mail: Timofeeva-lidiya@inbox.ru

УДК 16+11+17+51-7+512+510.687+510.82+531.62

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_142

ЛОГИЧЕСКИ ФОРМАЛИЗОВАННАЯ АКСИОМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЭПИСТЕМОЛОГИИ КСИ, МОДЕЛИРУЮЩАЯ ЭКСТРАОРДИНАРНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ КАНТА О ПРЕДПИСЫВАНИИ ФИЗИКОМ АПРИОРНЫХ ЗАКОНОВ ПРИРОДЕ

Владимир Олегович Лобовиков,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
vlobovikov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.02.2021, принята к публикации 30.06.2021

Для цитирования: Лобовиков В.О. Логически формализованная аксиоматическая система эпистемологии Кси, моделирующая экстраординарное утверждение Канта о предписывании физиком априорных законов природе // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 142–157. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_142

Аннотация

Предмет исследования – приложение логики и дискретной математики к философии физики, а именно к учению Канта о *предписывании априорных законов природе*. Метод – конструирование и исследование дискретных математических моделей: *формальной аксиоматической теории знания*, именуемой Кси; *двузначной алгебраической системы метафизики* как формальной аксиологии. Научная новизна: впервые даются качественно новые (а именно *формально-аксиологические*) интерпретация, уточнение, объяснение и оправдание странной идеи Канта о *предписании физиком априорных законов природе*. Упомянутая до сих пор неизвестная дискретная мате-

© Лобовиков В.О., 2021

математическая модель предписывания априорных законов природе рассматривается на примере закона сохранения энергии. Согласно обсуждаемой идее Канта, если некто *a-priori* знает закон сохранения энергии, то этот некто *предписывает* данный закон природе, которая *должна* ему подчиняться. В системе *эмпирического* знания «есть» и «предписано (должно быть)» логически разделены «Гильотиной Юма». Если этот принцип логического разделения абсолютно универсален, то утверждение Канта, что «*понимание предписывает априорные законы природе*», является ложным. Вопреки такому выводу, с помощью формальной аксиоматической теории Кси и двузначной алгебраической системы метафизики как формальной аксиологии в данной статье *дедуктивно доказывается*, что идея Канта о *предписывании* физиком *априорных законов природе* совершенно адекватна. Это *дедуктивное доказательство* неожиданно и нетривиально; оно означает, что сфера применимости «Гильотины Юма» является не универсальной, а ограниченной; такой ограничивающий результат – важная инновация. Это вызов доминирующей парадигме, что, в *логически непротиворечивой* теории Кси, *формально доказуема* такая схема формул, которая означает логическую эквивалентность модальности «необходимо» и модальности «обязательно (предписано)» при условии, что знание является априорным. Будучи формально доказана в Кси, упомянутая схема формул является математической моделью и оправданием обсуждаемой загадочной идеи Канта.

Ключевые слова:

мультимодальная логика, алгебра метафизики, формально-аксиологический закон, формальная аксиоматическая теория, эпистемология, априорное знание, эмпирическое знание, философские основания физики, идея Канта о предписывании априорных законов природе, закон сохранения энергии.

UDC 16+11+17+51-7+512+510.687+510.82+531.62

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_142

A LOGICALLY FORMALIZED AXIOMATIC EPISTEMOLOGY SYSTEM KSI MODELING KANT'S EXTRAORDINARY STATEMENT OF PHYSICIST'S PRESCRIBING A-PRIORI LAWS TO NATURE

Vladimir O. Lobovikov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vlobovikov@mail.ru

Article received on February 18, 2021, accepted on June 30, 2021

For citation: Lobovikov, V.O. (2021). A Logically Formalized Axiomatic Epistemology System Ksi Modeling Kant's Extraordinary Statement of Physicist's Prescribing A-Priori Laws to Nature. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(2), 142-157. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_142

Abstract

The subject-matter – applying logic and discrete mathematics to philosophy of physics, namely, to Kant's conception of *prescribing a-priori laws to nature*. Method – constructing and investigating discrete mathematical models: a *formal axiomatic theory-of-knowledge* called "Ksi"; a two-valued *algebraic system of metaphysics* as formal axiology. Scientific novelty: for the first time, qualitatively new (namely, *formal-axiological*) interpretation, explication, explanation, and vindication are given for Kant's odd idea of physicist *prescribing a-priori laws to nature*. The hitherto unknown discrete mathematical model of prescribing a-priori laws to nature is exemplified by the law of conservation of energy. According to Kant's idea in question, if one *a-priori* knows the energy-conservation-law, then the one *prescribes* the law to nature which *must* obey the law. In *empirical-knowledge* system "is" and "is prescribed (must be)" are logically separated by "Hume-Guillotine". If this logical-separation principle is absolutely universal, then Kant's affirming that "the understanding prescribes a priori laws to nature" is wrong. Notwithstanding this conclusion, by means of the formal-axiomatic-theory Ksi and the two-valued algebraic system of metaphysics-as-formal-axiology, this article *proves deductively* that Kant's idea of physicist's *prescribing a-priori-laws-to-nature* is perfectly adequate. This *deductive proof* is surprising and nontrivial; it means that applicability domain of "Hume-Guillotine" is not universal but limited; such limiting-result is an important innovation. It is a challenge for the dominating paradigm that, in the *consistent* theory Ksi, such a formula-scheme is *formally provable* which means logical equivalence of modality "necessary" and modality "obligatory (prescribed)" under the condition that knowledge is *a-priori* one. Being formally proved in Ksi the wonderful formula-scheme is a mathematical model and vindication of Kant's enigmatic idea.

Keywords:

multimodal-logic, algebra-of-metaphysics, formal-axiology-law, formal-axiomatic-theory, epistemology, a-priori-knowledge, empirical-knowledge, philosophical-grounds-of-physics, Kant's-idea-of-prescribing-a-priori-laws-to-nature, law-of-conservation-of-energy.

"It has hitherto been assumed that our cognition must conform to the objects; but all attempts to ascertain anything about these objects *a priori*, by means of conceptions, and thus to extend the range of our knowledge, have been rendered abortive by this assumption. Let us then make an experiment whether we may not be more successful in metaphysics, if we assume that the objects must conform to our cognition" (Kant, 1994, p. 7).

“Even the main proposition that has been elaborated throughout this entire part, already leads by itself to the proposition: that the highest legislation for nature must lie in our self, i.e., in our understanding, and that we must not seek the universal laws of nature from nature by means of experience, but, conversely, must seek nature, as regards its universal conformity to law, solely in the conditions of the possibility of experience that lie in our sensibility and understanding; ...” (Kant, 2004, p. 71).

“We must, however, distinguish empirical laws of nature, which always presuppose particular perceptions, from the pure or universal laws of nature, which, without having particular perceptions underlying them, contain merely the conditions for the necessary unification of such perceptions in one experience; with respect to the latter laws, nature and possible experience are one and the same, and since in possible experience the lawfulness rests on the necessary connection of appearances in one experience (without which we would not be able to cognize any object of the sensible world at all), and soon the original laws of the understanding, then, even though it sounds strange at first, it is nonetheless certain, if I say with respect to the universal laws of nature: *the understanding does not draw its (a priori) laws from nature, but prescribes them to it*” (Kant, 2004, pp. 71–72).

Introduction

The above-placed quite representative citations from I. Kant’s writings introduce philosophical (epistemological) contents of the nontrivial problem to be an object of applying discrete mathematics in this article. In my opinion, today the problem under consideration is suspended in a deadlock. I think that to jump out from the deadlock and to succeed in solving the problem it is relevant to utilize the conceptual apparatus and methods of contemporary logic and discrete mathematics. I guess that applying discrete mathematics to philosophical grounding physics is an effective means for successful solving the problem which is heavy one. Being formulated and discussed by philosophers in the ambiguous natural language exclusively, the indicated nontrivial problem formulation is too knotty; it is not quite clear. Hence, to apply the machinery of discrete mathematics to this problem successfully, first of all, it is necessary to translate the problem formulation from the natural language to an artificial language of mathematical model of this problem. This translating into the artificial language starts from the next paragraph of the present paper. However, below in the introduction it is worth giving a short formulation of the problem in natural language.

As a rule, the physicists who deal exclusively with experiments, facts and measurements, believe not in physicist mind’s prescribing laws to nature but in nature’s prescribing laws to physicist’s mind. Usually, the contrary position is evaluated by the physicists as a vulgar (or “subjective”) idealism which is labeled by them as utterly not sound philosophical worldview incompatible with proper science of nature. I. Kant used to criticize the vulgar (or “psychological”) idealism as well (Kant, 1994, 1996). Nevertheless, he insisted that physicist’s understanding prescribes pure *a-priori* laws to nature (Kant, 1994, 1996, 2004). Some people think that this

makes a significant discrepancy (even inconsistency) in Kant's philosophy of physics. Below in the present article, at the level of a discrete mathematical model, I am to demonstrate that the impression of Kant's self-contradiction is an illusion naturally arising from complete identifying notions: "knowledge (in general)", "*a-priori*-knowledge", and "*a-posteriori*-knowledge". Such identifying is a blunder to be eliminated. However, being psychologically camouflaged the blunder is committed by negligence very often. Therefore, in first approximation, Kant's extraordinary idea of physicist's prescribing *a-priori* laws to nature seems somewhat paradoxical and enigmatic. The puzzling idea has attracted special attention by respectable researchers: (Massimi, 2014a, 2014b; Massimi & Breitenbach, 2017; Pollok, 2014; Watkins, 2014). In complement to these publications systematically studying Kant's works (written in natural language) by methods of history of philosophy, below in this paper for the first time in philosophy of physics and in Kantian studies, a *formal-axiological* interpretation, explication, and reconstruction of Kant's enigmatic idea is undertaken by means of a formal axiomatic epistemology theory Ξ (Ksi) formulated in an unambiguous artificial language.

In the logically formalized axiomatic theory Ξ , the formula-scheme ($A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow O\omega)$) is a scheme of theorems. Here: symbols α and ω stand for any formulae of Ξ ; $A\alpha$ stands for "physicist *a-priori* knows that α "; $\Box\omega$ stands for "it is *necessary* that ω ", and $O\omega$ stands for "it is *commanded, prescribed, obligatory* that ω ". The modality $\Box\omega$ represents a law of nature. The modality $O\omega$ represents "physicist's command, *prescription*, making obligatory that ω ". The theorem-scheme ($A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow O\omega)$) formally proved (within Ξ) below in this article is considered as a discrete mathematical model of/for the enigmatic statement by Kant. The mentioned formal axiomatic epistemology theory synthesizing consistently the three different notions: "knowledge (in general)"; "*a-priori* knowledge"; and "*empirical* knowledge", is defined as follows.

1. A precise definition of Ξ

The paragraph 2 of this paper is aimed at making the reader acquainted with the rigorous formulation of Ξ originally given in (Lobovikov, 2018b, 2018c). The formal axiomatic epistemology theory Ξ is a result of developing the axiomatic epistemology system suggested in (Lobovikov, 2016a, 2016b).

According to the definition, the logically formalized axiomatic epistemology system Ξ contains all symbols (of the alphabet), expressions, formulae, axioms, and inference-rules of the classical propositional logic. Symbols q, p, d, \dots (called propositional letters) are *elementary* formulae of Ξ . Symbols $\alpha, \omega, \pi, \beta, \dots$ (belonging to meta-language) stand for any formulae of Ξ . In general, the notion "formulae of Ξ " is defined as follows.

- 1) All propositional letters q, p, d, \dots are formulae of Ξ .
- 2) If α and ω are formulae of Ξ , then all such expressions of the object-language of Ξ , which possess logic forms $\neg\alpha, (\alpha \supset \omega), (\alpha \leftrightarrow \omega), (\alpha \& \omega), (\alpha \vee \omega)$, are formulae of Ξ as well. (Here $\neg, \supset, \leftrightarrow, \&, \vee$ are called "negation", "material implication", "equivalence", "conjunction", "not-excluding disjunction", respectively.)

- 3) If α is a formula of Ξ , then $\Psi\alpha$ is a formula of Ξ as well.
- 4) Successions of symbols (belonging to the alphabet of the object-language of Ξ) are formulae of Ξ , only if this is so owing to the above-given items 1) – 3) of the present definition.

The symbol Ψ belonging to meta-language stands for any element of the set of modalities $\{\square, K, A, E, S, T, F, P, Z, G, O, B, U, Y\}$. Symbol \square stands for the alethic modality “necessary”. Symbols K, A, E, S, T, F, P, Z , respectively, stand for modalities “agent knows that...”, “agent *a-priori* knows that...”, “agent *a-posteriori* knows that...”, “under some conditions in some space-and-time a person (immediately or by means of some tools) *sensually perceives* (has *sensual verification*) that...”, “it is *true* that...”, “person *believes* that...”, “it is *provable* that...”, “there is an *algorithm* (a machine could be constructed) *for deciding* that...”.

Symbols G, O, B, U, Y , respectively, stand for modalities “it is (*morally*) good that...”, “it is *obligatory* that ...”, “it is *beautiful* that ...”, “it is *useful* that ...”, “it is *pleasant* that ...”. Meanings of the mentioned symbols are defined by the following schemes of own-axioms of proper philosophical epistemology system Ξ which own-axioms are added to the axioms of classical propositional logic. Schemes of axioms and inference rules of the classical propositional logic are applicable to all formulae of Ξ (including the ones constructed by the item 3 of the definition).

Axiom scheme AX-1: $A\alpha \supset (\square\omega \supset \omega)$.

Axiom scheme AX-2: $A\alpha \supset (\square(\omega \supset \beta) \supset (\square\omega \supset \square\beta))$.

Axiom scheme AX-3: $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \ \& \ (\square\alpha \ \& \ \square\neg S\alpha \ \& \ \square(\omega \leftrightarrow \Omega\omega)))$.

Axiom scheme AX-4: $E\alpha \leftrightarrow (K\alpha \ \& \ (\neg\square\alpha \ \vee \ \neg\square\neg S\alpha \ \vee \ \neg\square(\omega \leftrightarrow \Omega\omega)))$.

In AX-3 and AX-4, the symbol Ω (belonging to the meta-language) stands for any element of the set $\mathfrak{R} = \{\square, K, T, F, P, Z, G, O, B, U, Y\}$. Let elements of \mathfrak{R} be called “*perfection-modalities*” or simply “*perfections*”.

A proof of logic consistency of Ξ has been submitted originally in (Lobovikov, 2018c).

2. Formal proofs (in Ξ) of such philosophically interesting theorem-schemes which are directly relevant to Kant’s statement in question

Strictly speaking, here I mean not proofs of theorems but schemes of proofs of schemes of theorems. They are the following.

2.1. A theorem-scheme ($A\alpha \supset (\Sigma\omega \leftrightarrow \Omega\omega)$)

For any Σ and Ω , it is provable in Ξ that ($A\alpha \supset (\Sigma\omega \leftrightarrow \Omega\omega)$), where the symbols Σ and Ω (belonging to the meta-language) stand for any elements of the set $\mathfrak{R} = \{\square, K, T, F, P, Z, G, O, B, U, Y\}$. The following succession of schemes of formulae is a scheme of proofs of/for ($A\alpha \supset (\Sigma\omega \leftrightarrow \Omega\omega)$) in Ξ .

- 1) $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \ \& \ (\square\alpha \ \& \ \square\neg S\alpha \ \& \ \square(\omega \leftrightarrow \Omega\omega)))$: axiom scheme AX-3.
- 2) $A\alpha \supset (K\alpha \ \& \ (\square\alpha \ \& \ \square\neg S\alpha \ \& \ \square(\omega \leftrightarrow \Omega\omega)))$: from 1 by the rule of elimination of \leftrightarrow .
- 3) $A\alpha$: assumption.
- 4) $(K\alpha \ \& \ (\square\alpha \ \& \ \square\neg S\alpha \ \& \ \square(\omega \leftrightarrow \Omega\omega)))$: from 2 and 3 by *modus ponens*.

- 5) $\Box(\omega \leftrightarrow \Omega\omega)$: from 4 by the rule of elimination of $\&$.
 - 6) $(\omega \leftrightarrow \Omega\omega)$: from 5 by the rule¹ of elimination of \Box .
 - 7) $(\omega \leftrightarrow \Sigma\omega)$: from 6 by substituting Σ for Ω .
 - 8) $(\Sigma\omega \leftrightarrow \omega)$: from 7 by commutativity of \leftrightarrow .
 - 9) $(\Sigma\omega \leftrightarrow \Omega\omega)$: from 8 and 6 by transitivity of \leftrightarrow .
 - 10) $A\alpha \vdash (\Sigma\omega \leftrightarrow \Omega\omega)$: by 1–9. (In this paper the symbol “... \vdash ...” stands for “from... it is logically derivable that...”.)
 - 11) $\vdash A\alpha \supset (\Sigma\omega \leftrightarrow \Omega\omega)$: from 10 by the rule of introduction of \supset .
- Here you are.

2.2. Theorem-schemes ($A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box\Omega\omega)$), ($A\alpha \supset \Box\Omega\alpha$), and ($A\alpha \supset \Omega\alpha$)

It is relevant to mention here that the following finite succession of formula-schemes is a formal proof (in Ξ) of the philosophically interesting theorem-scheme ($A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box\Omega\omega)$), where Ω takes values from the set \mathfrak{R} .

- 1) $A\alpha \leftrightarrow (K\alpha \& (\Box\alpha \& \Box\neg S\alpha \& \Box(\omega \leftrightarrow \Omega\omega))$: axiom scheme AX-3.
- 2) $A\alpha \supset (K\alpha \& (\Box\alpha \& \Box\neg S\alpha \& \Box(\omega \leftrightarrow \Omega\omega))$: from 1 by the rule of elimination of \leftrightarrow .
- 3) $A\alpha$: assumption.
- 4) $K\alpha \& \Box\alpha \& \neg\Box\neg S\alpha \& \Box(\omega \leftrightarrow \Omega\omega)$: from 2 and 3 by *modus ponens*.
- 5) $\Box(\omega \leftrightarrow \Omega\omega)$: from 4 by the rule of $\&$ -elimination.
- 6) $A\alpha \supset (\Box(\omega \leftrightarrow \beta) \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box\beta))$: theorem scheme.
- 7) $A\alpha \supset (\Box(\omega \leftrightarrow \Omega\omega) \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box\Omega\omega))$: from 6 by substituting $\Omega\omega$ for β .
- 8) $\Box(\omega \leftrightarrow \Omega\omega) \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box\Omega\omega)$: from 7 and 3 by *modus ponens*.
- 9) $(\Box\omega \leftrightarrow \Box\Omega\omega)$: from 8 and 5 by *modus ponens*.
- 10) $A\alpha \vdash (\Box\omega \leftrightarrow \Box\Omega\omega)$: by 1–9.
- 11) $\vdash (A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box\Omega\omega))$: from 10 by the rule of introduction of \supset .

Here you are.

The following continuation of the previous succession of formulae-schemes is a proof of the formula-scheme ($A\alpha \supset \Box\Omega\alpha$).

- 12) $\Box\alpha$: from 4 by the rule of $\&$ -elimination.
- 13) $(\Box\alpha \leftrightarrow \Box\Omega\alpha)$: from 9 by substituting α for ω .
- 14) $(\Box\alpha \supset \Box\Omega\alpha)$: from 13 by elimination of \leftrightarrow .
- 15) $\Box\Omega\alpha$: from 12 and 14 by *modus ponens*.
- 16) $A\alpha \vdash \Box\Omega\alpha$: by 1–15.
- 17) $\vdash (A\alpha \supset \Box\Omega\alpha)$: from 16 by the rule of introduction of \supset .

Here you are.

Finally, by applying the (conditioned) rule of elimination of \Box to 16) $A\alpha \vdash \Box\Omega\alpha$, it is proved that $A\alpha \vdash \Omega\alpha$. Consequently, $\vdash (A\alpha \supset \Omega\alpha)$.

¹ This conditioned (limited) rule is formulated as follows: $A\alpha, \Box\omega \vdash \omega$. The mentioned rule is not included into the above-given definition of Ξ , but it is easily *derivable* in Ξ by means of the axiom scheme AX-1 and *modus ponens*. The rule $\Box\omega \vdash \omega$ is not derivable in Ξ , and also Gödel’s necessitation rule is not derivable in Ξ . Nevertheless, a limited (conditioned) necessitation rule is derivable in Ξ , namely, $A\alpha, \omega \vdash \Box\omega$.

2.3. Philosophical interpretation and discussion of the above-proved theorems in relation to Kant's extraordinary statement that physicist's understanding prescribes *a-priori* laws to nature

From the viewpoint of purely mathematical technique, the formal proofs of $(A\alpha \supset (\Sigma\omega \leftrightarrow \Omega\omega))$, $(A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box\Omega\omega))$, $(A\alpha \supset \Box\Omega\alpha)$, and $(A\alpha \supset \Omega\alpha)$ in Ξ are not interesting (too simple). But from the viewpoint of proper philosophy contents, they are very interesting and important. Various concrete philosophical interpretations (particular cases) of these statements are well-known as fundamental philosophical principles of the rationalism (*a-priori*-ism). Representative examples of the specific philosophical principles are given in (Lobovikov, 2016a, 2017b, 2018a). A long list of different concrete philosophical interpretations of formulae-schemes $(A\alpha \supset (\Sigma\omega \leftrightarrow \Omega\omega))$, $(A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box\Omega\omega))$ has been submitted in (Lobovikov, 2018c).

In particular, the following specific philosophical interpretations of the theorem-scheme $(A\alpha \supset (\Sigma\omega \leftrightarrow \Omega\omega))$ are immediately connected with Kant's odd idea under consideration.

a) $A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow O\omega)$: this is obtained from $(A\alpha \supset (\Sigma\omega \leftrightarrow \Omega\omega))$ by substituting: \Box for Σ ; and O for Ω . The theorem-scheme models the nontrivial philosophical principle of interconnection of corresponding *alethic* and *deontic* modalities, which principle has been manifestly expressed for the first time by (Leibniz, 1971, p. 466, 481). However, concealed prerequisites of this principle exist even in works by Aristotle (1994a).

b) $A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow G\omega)$: this theorem-scheme (obtained by substituting: \Box for Σ ; and G for Ω) represents the rationalistic principle of equivalence between necessary being and goodness. Initially the principle was expressed by some outstanding creators of Ancient-Roman-Law, for example, Ulpian, some great theologians, for example, T. Aquinas (1994a, 1994b), and some great representatives of rationalism philosophy, for instance, B. Spinoza (1994) and G.W. Leibniz (1903, 1952, 1971, 1996).

c) $A\alpha \supset (G\omega \leftrightarrow O\omega)$: this surprising statement follows logically from a) and b).

In its turn, the above-proved theorem-scheme $(A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box\Omega\omega))$ may be instantiated by the following nontrivial philosophical principles directly connected with the present paper theme.

i. $A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box G\omega)$: the *a-priori* natural-law principle of *equivalence of necessary being and necessary goodness*, represented in (Aristotle, 1994a, 1994b), and (Aquinas, 1994a, 1994b). In the Roman Law this principle was used by Ulpian.

ii. $A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box O\omega)$: the *a-priori* natural-law principle of *equivalence of necessary being and necessary norm (duty)*, represented, for instance, in works by Cicero, I. Kant, and H. Kelsen.

From (i) and (ii), it follows logically that $A\alpha \supset (\Box O\omega \leftrightarrow \Box G\omega)$: the *a-priori* principle of equivalence of the *normative* (deontic) and the *evaluative* options of formulating the natural-law doctrine.

In my opinion, the above-mentioned set of principles (deductively proved above in the axiomatic theory Ξ) is an adequate model of/for Kant's genius idea of physicist's *prescribing a-priori laws to nature*.

3. A hitherto not recognized formal-axiological aspect of the law of conservation of energy as an instantiation of corollaries following logically from the above-proved theorem-schemes

Suppose that absolutely-universal-and-necessarily-necessary *a-priori* laws of nature do exist. What follows logically from this assumption in the theory Ξ ? With respect to Kant's philosophy of physics this question is very interesting. However, the above supposition of existence is not constructive. For its constructiveness it is necessary to give at least one concrete example of such laws. Therefore, let us assume that the great law of conservation of energy is an absolutely-universal-and-necessarily-necessary *a-priori* law of physics. Obviously, this assuming is risky, but let us risk to accept the hypothesis (at least temporarily) for systematical investigating its consequences (being psychologically ready to abandon the hypothesis at any moment). In other words, let us exploit the famous hypothetic-deductive method. Let the symbol α stand for the *concrete* proposition of physics "in any closed system, finite quantity of its energy does not change". Owing to the hypothetic-deductive method, within Ξ , from the three-element set {the hypothetical premise $\Box\alpha$, the assumption $A\alpha$, and the theorem ($A\alpha \supset (\Box\alpha \leftrightarrow \Box G\alpha)$) obtained from the theorem-scheme (i) $A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow \Box G\omega)$ by substituting: α for α ; and α for ω } it is formally derivable that $\Box G\alpha$. This is a surprise and even an astonishment for the positivist-minded scientists equipped with dogmatic (not-revisable) belief in absolute universality of the domain of relevant applicability of the *anti-axiology* paradigm in general: (Carnap, 1931; Mach, 1914, 2006; Russel, 1914, 1948, 1956, 1986, 1992; Schlick, 1974, 1979a, 1979b) and in absolute universality of the well-known particular doctrine of "naturalistic fallacies in ethics" by G. E. Moore (2004), especially. Owing to the hypothetic-deductive method, within Ξ , one can rigorously demonstrate that the domain of applicability of Moore's doctrine is limited (Lobovikov, 2017b). Soundness of absolute separation between statements of being and corresponding ones of value is not absolutely universal: under a perfectly definite extraordinary condition (namely, under the assumption that $A\alpha$) an affirmation of *necessary being* is equivalent to corresponding affirmation of *necessary goodness*.

Can it be so that *necessary being* of conservation of energy in a closed system is *necessarily good*? Let us undertake systematical investigating this nontrivial question. Firstly, let us try to construct such a formal-axiology system in which the notion "necessarily good" is defined precisely and an effective method (algorithm) exists for deciding whether something is necessarily good or not. To do this let us define a two-valued algebra of formal axiology (Lobovikov, 2014, 2016d). I had created this algebra at the very beginning of 70th of XX century, but due to the ideological circumstances in the USSR (Marxism-Leninism fight with formalism in philosophy, science and fine arts), it was published only at the very beginning of 80th of XX century. A list of the first publications on two-valued algebra of formal axiology can be found in (Lobovikov, 1999).

Algebra under consideration is based upon the set Δ of any such (and only such) either existing or not-existing things, or processes, or persons (individual or collective ones – it does not matter), which are either good, or bad ones (from the viewpoint

of an evaluator). Algebraic operations defined on the set Δ are abstract-evaluation-functions (in particular, moral-value-ones). Abstract-evaluation-variables of these functions take their values from the set $\{g, b\}$. Here the symbols “g” and “b” stand for the abstract positive values “good” and “bad”, respectively. The functions take their values from the same set. The symbols: “x” and “y” stand for axiological-forms of elements of Δ . Elementary axiological-forms deprived of their contents are independent abstract-evaluation-arguments. Compound axiological-forms deprived of their contents are abstract-evaluation-functions determined by these arguments.

Let symbol Σ stand for the *evaluator*, i. e. for that person (individual or collective one – it does not matter), in relation to which all evaluations are generated. In the abstract-evaluation-relativity theory, Σ is a variable: changing values of the variable Σ can result in changing evaluations of concrete elements of Δ . However, if a value of the variable Σ is fixed, then evaluations of concrete elements of Δ are definite.

Speaking of abstract-evaluation-functions in this paper I mean the following mappings (in the proper mathematical meaning of the word “mapping”): $\{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the functions determined by *one* variable; $\{g, b\} \times \{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, where “ \times ” stands for the Cartesian multiplication of sets, if one speaks of the functions determined by *two* variables; $\{g, b\}^N \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the functions determined by *N* variables, where *N* is a finite positive integer. Below tabular definitions are given of/for some elementary evaluation-functions immediately related to the contents of this article.

The *glossary* for the below evaluation-table 1: Let the symbol Bx stand for the evaluation-function “*being (existence) of (what, whom) x*”. Nx stands for the evaluation-function “*non-being (nonexistence) of (what, whom) x*”. Mx – “*movement of (what, whom) x*”. Fx – “*finite (what, who) x*”. Jx – “*possibility of x*”. Ex – “*energy of x*”. Qx – “*quantity (magnitude) of x*”. Cx – “*conservation of x, i. e. x’s being constant, immutable*”. Dx – “*closedness, protected-ness of x, i. e. x’s being closed, isolated, independent, protected from any outside action*”. The introduced functions are defined by the following table 1.

Table 1 – The Unary Evaluation-Functions

x	Bx	Nx	Mx	Fx	Jx	Ex	Qx	Cx	Dx
g	g	b	b	b	g	b	g	g	g
b	b	g	g	g	b	g	b	b	b

Below in the table 2 defining the binary evaluation-functions, the symbol K^2xy stands for “*conjoining, uniting x and y in a whole*”; the symbol E^2xy – “*equating, equalizing (identifying the values of) x and y*”; W^2xy – “*y’s war, fight, struggle with x*”. The symbol A^2xy – “*y’s action (aggression, assault, attack, offensive) on x*”. T^2xy – “*y’s termination, annihilation, destruction of (what, whom) x*”. C^2xy – “*conservation, preservation, protection, defense of (what, whom) x by (what, whom) y*”. (In the table 2 and hear-after in this paper the upper index 2 informs that the indexed capital letter stands for a *binary* evaluation-function.)

Table 2 – The Binary Functions

x	y	K^2xy	E^2xy	W^2xy	A^2xy	T^2xy	C^2xy
g	g	g	g	b	b	b	g
g	b	b	b	b	b	b	g
b	g	b	b	g	g	g	b
b	b	b	g	b	b	b	g

Definition 1 (of *formal-axiological-equivalence-relation*): in two-valued algebraic system of formal *axiology*, abstract-evaluation-functions (pure evaluation-forms) Ω and Ψ are *formally-axiologically equivalent* (this is represented by the symbol " $\Psi = + = \Omega$ "), if and only if they acquire identical axiological values (from the set $\{g \text{ (good)}, b \text{ (bad)}\}$) under any possible combination of the values of their abstract-evaluation-variables.

Definition 2 (of *formal-axiological law*): in two-valued algebra of formal *axiology*, any abstract-evaluation-function Ψ is called *formally-axiologically (or invariantly) good one* (or a *law of algebra of formal axiology*), if and only if it acquires the value g (good) under any possible combination of the values of its variables. In other words, the function Ψ is *formally-axiologically (or constantly) good one*, iff $\Psi = + = g$ (good).

By using the above-given definitions and computing relevant evaluation-tables it is easy to demonstrate the following equations of algebra of formal-axiology.

- 1) $Ex = + = JMx$. (This equation could be used as a definition of Ex .)
- 2) $Dx = + = CFQEx$.
- 3) $E^2DxCFQEx = + = g$.

The formal-axiological equivalences 2) and 3) represent the *formal-axiological law* of conservation of energy, which law is a *formal-axiological analog* of the corresponding necessarily universal law of physics. (Originally, the *formal-axiological law* of conservation of energy was published in (Lobovikov, 2012a, 2012b, 2015a). Now let us depart from *formal-axiology* to logic². To do this let us define a function (called "realization-function") such that, for any evaluation-function Ψ , the symbol $[\Psi]$ stands for either true or false *proposition* informing that Ψ is realized (exists in reality). Owing to the above-said, the following logic equivalences are to be accepted.

- A. $\alpha \leftrightarrow [E^2DxCFQEx]$.
- B. $G[E^2DxCFQEx] \leftrightarrow G\alpha$.

According to the above formal-axiological equivalence 3) $E^2DxCFQEx = + = g$, demonstrated by computing the corresponding evaluation-table, it is true that $G[E^2DxCFQEx]$, and *it cannot be otherwise*; consequently, it is *necessarily* true that $G[E^2DxCFQEx]$. Hence, it is true that $G\alpha$ and $\Box G\alpha$.

From $G\alpha$ and the theorem ($A\alpha \supset (G\alpha \leftrightarrow O\alpha)$), obtained from the theorem-scheme ($A\alpha \supset (G\alpha \leftrightarrow O\alpha)$) by substituting α for α , it follows logically that ($A\alpha \supset$

² Although there is a heuristically important fundamental analogy between two-valued algebra of formal axiology and two-valued algebra of formal logic, strictly speaking in general, "formal axiology" and "formal logic" are not synonyms as "value (in general)" and "truth" are not synonyms, respectively.

O^α). Translating this corollary into the natural language is the following: if knowledge of the energy-conservation-law in physics is *a-priori* one then *the law is prescribed (commanded) to nature* by physicist cognizing nature. Thus, Kant's enigmatic statement under discussion is vindicated; it is justified in general (at the abstract theory level), and exemplified by the energy-conservation-law presumed as *a-priori* one.

Another option (more direct, and short one): in Ξ , from the two-element set {the assumption A^α , the theorem $(A^\alpha \supset (\Box^\alpha \leftrightarrow O^\alpha))$ obtained from the theorem-scheme $(A\alpha \supset (\Box\alpha \leftrightarrow O\alpha))$ by substituting α for α } it is formally derivable that O^α . The inference is very simple because $(A^\alpha \supset \Box^\alpha)$ is a theorem in Ξ .

Moreover, in Ξ , from the two-element set {the assumption A^α , the theorem $(A^\alpha \supset \Box O^\alpha)$ obtained from the above-proved theorem-scheme $(A\alpha \supset \Box O\alpha)$ by substituting: α for α ; and O for Ω } it is formally derivable that $\Box O^\alpha$ (by *modus ponens*). Thus, from the viewpoint of the discrete mathematical model under investigation, Kant is right: if physicist's knowledge of a law of nature is *a-priori* one then it is *necessary* that *the law is prescribed (commanded) to nature* by physicist understanding nature.

The simplest option of effective justifying Kant's enigmatic statement in question is the following. In Ξ the *universal* formulation of Kant's statement under discussion is proved by substituting O for Ω in the above-proved statement that $\vdash (A\alpha \supset \Omega\alpha)$. The *particular* case used above in Ξ (for instantiation by the concrete example from physics) is proved by substituting α for α in the already proved statement that $\vdash (A\alpha \supset O\alpha)$.

Conclusion

Being a formally proved theorem-scheme in Ξ , the wonderful formula-scheme $(A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow O\omega))$ is considered in this paper as an adequate model of/for Kant's puzzling idea in question. The model has shown Kant's significant deviation from the extreme empiricism of J. Locke (1994) and D. Hume (1874, 1994) to Spinoza-Leibniz' rationalism and *a-priori*-ism in spite of Kant's being inclined to criticize Leibniz' rationalism metaphysics as a whole.

The theorem-scheme $(A\alpha \supset (\Box\omega \leftrightarrow O\omega))$, formally proved in Ξ , undermines absolute universality of domain of applicability of the well-known principle of logically unbridgeable gap between "is" and "is prescribed" (or "is obligatory") *conventionally* called "Guillotine of Hume" (Lobovikov, 2015b, 2016c, 2016d, 2018c). The indicated theorem-scheme limits (reduces) the Guillotine's applicability domain to the pure *empirical* knowledge system, i. e. to the totality of *facts (contingent truths)*, exclusively. Thus, in some sense, in the present article the nontrivial problem of significant restricting and precise defining the scope of valid applicability of Hume-and-Moore doctrine of fact/value dichotomy is solved finally.

However, this paper does not completely exhaust the possibilities of fruitful scientific activity in the newly indicated direction. Still there are relevant themes for discussions and interesting theoretical problems waiting their solutions. I guess that further developing the research submitted in this article may be accomplished in two ways.

Firstly, in future it is worth thinking of a possibility of significant development of the formal axiomatic epistemology system Ξ . It has been shown in (Lobovikov,

2018c) that Ξ is consistent but what about its completeness? Still the question is open. Yet it is not quite clear whether the above-presented set of axiom-schemes of Ξ is sufficient for adequate mathematical modeling the application domain. At the present moment it is even not possible exactly to formulate the problem of completeness of Ξ because only the *syntax* of Ξ is elaborated sufficiently and represented manifestly. In future, an option of *formal-axiological semantics* of logically formalized axiomatic philosophical-epistemology-and-ontology system is to be elaborated and represented manifestly as well. I guess that some new axiom-schemes are to be added to Ξ . I believe that some of the additional axiom-schemes are to define precisely the *formal-axiological* aspect of universal philosophical epistemology and ontology. In a future hypothetical extension of Ξ , the formal philosophical ontology, the formal philosophical epistemology and formal axiology are to be synthesized.

Secondly, in future it is worth thinking of a possibility of applying two-valued algebra of formal axiology to some other instances of necessarily universal laws of nature, for example, to some other great laws of conservation in physics, or to the principles of thermodynamics. Such hypothetical application attempts could be theoretically interesting, although it is necessary to be psychologically ready to failures of some of hypothetical-deductive reasonings and intellectual experiments. Let us try and see. In any way, the above-submitted unusual application of contemporary modal logic and discrete mathematics to philosophical grounds of physics is worth discussing and developing further.

References

1. Aquinas, T. (1994a). The summa Theologica. Vol. 1. In M.J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 17). Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc.
2. Aquinas, T. (1994b). The summa Theologica. Vol. 2. In M.J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 18). Chicago; London: Encyclopaedia Britannica, Inc.
3. Aristotle (1994a). The works of Aristotle. Vol. 1. In M.J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 7). Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc.
4. Aristotle (1994b). Nicomachean Ethics. In M.J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 8, pp. 339–444). Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc.
5. Carnap, R. (1931). Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache. *Erkenntnis*, 2(1), 219–241. <https://doi.org/10.1007/bf02028153>
6. Hume, D. (1874). A treatise of human nature being an attempt to introduce the experimental method of reasoning into moral subjects. In T.H. Green & T.H. Grose (Eds.), *The philosophical works of David Hume in four volumes* (Vol. 2, pp. 1–374). London: Longmans, Green, and Co.
7. Hume, D. (1994). *An enquiry concerning human understanding*. In M.J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 33, pp. 451–509). Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc.
8. Kant, I. (1994). The critique of pure reason. Fundamental principles

of the metaphysics of morals. The critique of practical reason. Preface and introduction to the metaphysical elements of ethics. General introduction to the metaphysics of morals. The science of right. The critique of judgement. In M. J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 39). Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc.

9. Kant, I. (1996). *Prolegomena to any future metaphysics: in focus*. London; New York: Routledge.

10. Kant, I. (2004). *Metaphysical foundations of natural science*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

11. Leibniz, G.W. (1903). *Generales Inquisitiones de Analyysi Notionum et Veritatum*. In L. Couturat (Ed.), *Opuscles et Fragments Inédits de Leibniz: extraits de la Bibliothèque royale de Hanovre* (pp. 356–399). Paris: Alcan.

12. Leibniz, G.W. (1952). *Theodicy: Essays on the goodness of God, the freedom of man, and the origin of evil*. London: Routledge & K. Paul.

13. Leibniz, G.W. (1971). *Elementa Juris Naturalis* [Elements of the natural law]. In *Philosophische Schriften, Band 1: 1663–1672* (pp. 431–485). Berlin: Akademie-Verlag.

14. Leibniz, G.W. (1996). *New essays on human understanding*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

15. Lobovikov, V.O. (1999). *Mathematical jurisprudence and mathematical ethics (a mathematical simulation of the evaluative and the normative attitudes to the rigoristic sub-systems of the positive law and of the natural-law-and-morals)*. Ekaterinburg: The Urals State University Press; The Urals State Law Academy Press; The Liberal Arts University Press.

16. Lobovikov, V.O. (2012a). Eleates' metaphysical doctrine of movement (Parmenides, Melissus) and physics law of conservation of energy, from the viewpoint of two-valued algebra of metaphysics as formal axiology. In A.E. Konversky (Ed.), *The Days of science of the Faculty of Philosophy – 2012: Proceedings of the International scientific conference (April 18–19, 2012, Kiev, Ukraine)* (Part 6, pp. 113–114). Kiev: Publishing Center “Kiev University”. (In Russ.).

17. Lobovikov, V.O. (2012b). From the finitism in mathematics to a finitism in physics (Physics of Eleates, the principle of impossibility of perpetuum mobile, the law of conservation of energy, and the consequence of E. Noether's theorem, from the viewpoint of two-valued algebra of metaphysics). *Philosophy of Science*, (4), 36–48. (In Russ.).

18. Lobovikov, V.O. (2014). Algebra of morality and formal ethics. In K. Bronk (Ed.), *Looking back to see the future: Reflections on sins and virtues* (pp. 17–41). Oxford: Inter-Disciplinary Press.

19. Lobovikov, V.O. (2015a). The finitism principle in philosophy of nature and the great laws of conservation in the light of two-valued algebra of metaphysics-as-formal-axiology (The physics of Parmenides and Melissus and its evaluation-functional connection with the universal laws of conservation of energy and of electric charge). *Journal of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology, Political Studies*, (2), 29–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863x/30/4>

20. Lobovikov, V.O. (2015b). Formal limiting domain of applicability of “Hume's Guillotine” and explicating the border-line between the nature-metaphysics and the classical physics by means of two-valued algebra of metaphysics as formal

axiology. *Journal of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology, Political Studies*, (4), 115–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863x/32/13>

21. Lobovikov, V.O. (2016a). An axiomatic definition of the domain of adequateness of the rationalistic optimism of G.W. Leibniz, D. Gilbert, and K. Gödel. *The Siberian Journal of Philosophy*, 14(4), 69–81. (In Russ.).

22. Lobovikov, V.O. (2016b). An axiomatization of philosophical epistemology (A conceptual synthesis of Leibniz' rationalism and the empiricism of Locke, Hume, Moore). *Journal of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology, Political Studies*, (4), 69–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863x/36/7>

23. Lobovikov, V.O. (2016c). A new form of analytical philosophy of law-and-morals – algebraic system of formal ethics-and-natural-law: Precise formal defining domain of relevant applicability of “Hume’s Guillotine”. *Journal of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology, Political Studies*, (2), 93–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863x/34/11>

24. Lobovikov, V.O. (2016d). An equivalence of Moore’s paradox and Gödel’s incompleteness sentence in two-valued algebra of formal ethics. *Philosophy study*, 6(1), 34–55. <https://doi.org/10.17265/2159-5313/2016.01.004>

25. Lobovikov, V.O. (2017a). A deductive proof of equivalence of truthfulness and usefulness of a-priori knowledge in axiomatic system of epistemology (A precise axiomatic definition of the domain of adequateness of the main principle of pragmatism “The true is the useful”). *The Siberian Journal of Philosophy*, 15(2), 40–52. (In Russ.).

26. Lobovikov, V.O. (2017b). A formal deductive proof of equivalence of evaluative modalities of moral goodness, utility and pleasure within an axiomatic system of epistemology from the assumption of a-priori-ness of knowledge (An axiomatic definition of the scope of relevant applying G. Moore’s doctrine of the naturalistic fallacies in ethics). *Journal of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology, Political Studies*, (39), 30–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863x/39/4>

27. Lobovikov, V.O. (2018a). Evolutionary epistemology and non-normal modal logic of knowledge. *Journal of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology, Political Studies*, (41), 5–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863x/41/1>

28. Lobovikov, V.O. (2018b). Moving from the opposition of normal and non-normal modal logics to universal logic: Synthesizing T, S4, Tr, Verum and Falsum systems by the square and hexagon. In J.-Y. Beziau, A. Buchsbaum, & C. Rey (Eds.), *Handbook of the 6th World congress and School on universal logic (June 16–26, 2018, Vichy, France)* (pp. 449–450). Vichy: Université Clermont Auvergne.

29. Lobovikov, V.O. (2018c). Proofs of logic consistency of a formal axiomatic epistemology theory Ξ , and demonstrations of improvability of the formulae $(Kq \rightarrow q)$ and $(\Box q \rightarrow q)$ in it. *Journal of Applied Mathematics and Computation*, 2(10), 483–495. <https://doi.org/10.26855/jamc.2018.10.004>

30. Locke, J. (1994). *An essay concerning human understanding*. In M.J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 33, pp. 85–395). Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc.

31. Mach, E. (1914). *The analysis of sensations, and the relation of the physical to the psychical*. Chicago; London: Open Court.

32. Mach, E. (2006). *Measurement and representation of sensations*. Mahwah:

L. Eribaum Associates.

33. Massimi, M. (2014a). Preface. Kant and the lawfulness of nature. *Kant-Studien*, 105(4), 469–470. <https://doi.org/10.1515/kant-2014-0021>

34. Massimi, M. (2014b). Prescribing laws to nature. Part I. Newton, the pre-Critical Kant, and three problems about the lawfulness of nature. *Kant-Studien*, 105(4), 491–508. <https://doi.org/10.1515/kant-2014-0023>

35. Massimi, M., & Breitenbach, A. (Eds.). (2017). *Kant and the laws of nature*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1515/kant-2020-0027>

36. Moore, G. E. (2004). *Principia Ethica*. Mineola: Dover Publications.

37. Pollok, K. (2014). “The understanding prescribes laws to nature”: Spontaneity, legislation, and Kant’s transcendental hylomorphism. *Kant-Studien*, 105(4), 509–530. <https://doi.org/10.1515/kant-2014-0024>

38. Russell, B. (1914). *On scientific method in philosophy*. Oxford: Clarendon Press.

39. Russell, B. (1948). *Human knowledge: Its scope and limits*. London: George Allen and Unwin; New York: Simon and Schuster.

40. Russell, B. (1956). *Logic and knowledge*. London: George Allen and Unwin.

41. Russell, B. (1986). Is there an Absolute Good? *Russel: The Journal of Bertrand Russell Studies*, 6(2), 144–149. <https://doi.org/10.15173/russell.v6i2.1679>

42. Russell, B. (1992). *An inquiry into meaning and truth*. London: Routledge.

43. Schlick, M. (1974). *General theory of knowledge*. New York; Wien: Springer-Verlag.

44. Schlick, M. (1979a). *Philosophical papers* (Vol. 1). Dordrecht: D. Reidel.

45. Schlick, M. (1979b). *Philosophical papers* (Vol. 2). Dordrecht: D. Reidel.

46. Spinoza, B. (1994). Ethics. In M. J. Adler (Ed.), *Great books of the Western world* (Vol. 28, pp. 589–697). Chicago; London: Encyclopedia Britannica, Inc.

47. Watkins, E. (2014). What is, for Kant, a law of nature? *Kant-Studien*, 105(4), 471–490. <https://doi.org/10.1515/kant-2014-0022>

Информация об авторе

Владимир Олегович Лобовиков, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8760-0452>, e-mail: vlobovikov@mail.ru

Information about the author

Vladimir Olegovich Lobovikov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8760-0452>, e-mail: vlobovikov@mail.ru

НОВОЕ РЕНТНОЕ ОБЩЕСТВО

Валерий Алексеевич Глазырин,

Уральский государственный юридический университет,
Екатеринбург, Россия,
glazur@olympus.ru

Статья поступила в редакцию 24.04.2021, принята к публикации 30.06.2021

Для цитирования: Глазырин В.А. Новое рентное общество // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С. 158–169. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_158

Аннотация

Цель работы состоит в том, чтобы осуществить аналитический обзор ключевых положений концепции рентного общества Л.Г. Фишмана, В.С. Мартьянова, Д.А. Давыдова. Под рентными понимаются социумы, институциональным стержнем которых выступают распределительные (дистрибутивные) отношения. С либеральной точки зрения сокращение в обществах сферы рыночных обменов является архаизацией социальной жизни, но в условиях стагнации глобальных рынков эта аксиома становится дискуссионной. В современном мире рыночный капитализм достиг границ территориальной и ресурсной экспансии, и высока вероятность, что в обозримой перспективе мировое хозяйство ожидает нулевой экономический рост. Это приведет к дополнительному увеличению численности социальных аутсайдеров, исключаемых из технологических цепочек глобальной рыночной экономики процессами автоматизации, роботизации и цифровизации. В результате рентные (распределительные) механизмы доступа разных общественных групп к жизненным ресурсам становятся все более важными регуляторами социального порядка. В современных обществах, интенсивно пронизанных рентными отношениями, рыночные социальные группы последовательно утрачивают политическое и экономическое влияние. Российское общество демонстрирует яркий пример трансформации своего ценностно-институционального ядра под влиянием рентных принципов распределения ресурсов. Эти принципы в условиях достижения разнообразных пределов рынка и девальвации ресурсов труда все чаще соответствуют запросам большинства

© Глазырин В.А., 2021

населения. В результате рыночные ценности и метафоры, институты и способы легитимации политического порядка закономерно вытесняются на периферию общественных отношений. Ключевым субъектом стратификации общества становится государство, а основным критерием доступа граждан и социальных групп к ресурсам выступает их полезность для государства.

Ключевые слова:

рендное общество, социальные группы, распределительные отношения, капитализм, глобальный рынок, мировая экономика, миросистема.

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_158

NEW RENTAL SOCIETY

Valery A. Glazyrin,

Ural State Law University,
Ekaterinburg, Russia,
glazur@olympus.ru

Article received on April 24, 2021, accepted on June 30, 2021

For citation: Glazyrin, V.A. (2021). New Rental Society. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(2), 158–169. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_158

Abstract

The purpose of the article is to carry out an analytical review of main provisions of the rent society theory by L.G. Fishman, V.S. Martyanov, D.A. Davydov. Rent-based societies are understood as societies whose institutional core is distribution relations. From a liberal point of view, reduction in the sphere of market exchanges in societies is an archaization of social life, but in conditions of global markets stagnation, this axiom has become controversial. In the modern world, market capitalism has reached the limits of its territorial and resource expansion, and there is a high probability that the world economy expects zero economic growth in the foreseeable future. This will lead to an additional increase in the number of social outsiders excluded from technological chains of the global market economy by the processes of automatization, robotization and digitalization. As a result, rent-based (distribution) mechanisms of access of different social groups to vital resources are becoming increasingly important regulators of the social order. In modern societies, which are intensely permeated with rent relations, market social groups are gradually losing their political and economic influence. The Russian society is a vivid example of its value-institutional core transformation under the rent principles influence of resource distribution. These principles, in the context of reaching various market limits and labor resources devaluation, are getting more frequent to meet the needs

of the majority of the population. As a result, market values and metaphors, institutions and ways of legitimizing the political order are naturally pushed to the periphery of social relations. The state is becoming the key actor of social stratification, and the main criterion for access of citizens and social groups to resources is their usefulness for the state.

Keywords:

rental society, social groups, distribution relations, capitalism, global market, world economy, world-system.

Введение

Монографическое исследование «Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии» (2019), подготовленное Л.Г. Фишманом, В.С. Мартьяновым и Д.А. Давыдовым, научными сотрудниками Института философии и права УрО РАН, и опубликованное Издательским домом Высшей школы экономики, представляет, пожалуй, наиболее значительное издание, посвященное изучению истоков, сущности, особенностей и механизмов воспроизводства отношений социальной ренты в различных социумах. Работа содержит множество пластов, граней, дискутируемых вопросов; их подробное обсуждение потребовало бы написания отдельной брошюры или книги, поэтому в данном отзыве будут рассмотрены лишь отдельные стороны разбираемого изыскания, направленного на обоснование положений о том, что такое рентные отношения и рентные общества в прошлом, настоящем и будущем.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы осуществить аналитический обзор ключевых положений концепции рентного общества Л.Г. Фишмана, В.С. Мартьянова, Д.А. Давыдова. В статье применяется политологическая и социологическая методология изучения обществ как социальных систем. Актуальность исследования обусловлена тем, что в изучении рентных отношений в обществах современной миросистемы остается немало познавательных лакун.

Результаты исследования

Еще сравнительно недавно, отмечают авторы рассматриваемой монографии, познание ренты представляло собой «слепое пятно» в социальных науках. Несмотря на то, что под влиянием идей Дж. Бьюкенена (1997, с. 129–236), Г. Таллока (2011, с. 350–358) и других ученых возник определенный интерес к изучению социальной ренты, маргинальный характер исследований рентных отношений до сих пор не преодолен (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 8).

Имеющийся в науке каталог положений о социальной ренте сравнительно невелик. Так, исторические границы рентных отношений, как правило, ограничиваются докапиталистическими («феодальными», «старыми», «традиционными», «патримониальными») обществами; нередко понимание ренты сводится к земельной; выделяются «хорошая»/легитимная рента (доход/ресурсы/блага социальных акторов, получаемые в результате инноваций в различных областях

их деятельности, увеличивающие объем «общественного пирога» и создающие новые возможности другим членам обществ) и «плохая»/нелегитимная рента (имеются в виду лоббизм, монополизм, привилегии и пр.); зачастую рентные социальные связи сопоставляются с патрон-клиентскими отношениями и рассматриваются как проявления коррупции в обществах (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 26–30).

В рецензируемой работе формулируется иное, более емкое видение социальной ренты. Это вид социальных обменов наряду с даром и рынком, поэтому рентные связи нельзя отождествлять с социальными патологиями, в том или ином виде отношения ренты воссоздаются в обществах различных исторических эпох, включая нынешнее время. Истоки рентных отношений увязываются с иерархическим политико-социальным структурированием обществ. Когда в социумах разрастается пространство использования распределительных отношений, а сфера действия рыночных отношений сужается, складывается социальная ситуация, способствующая формированию у социальных акторов мотивации на занятие более выигрышных социальных позиций, дающих им лучшие возможности для доступа к благам и ресурсам, распределяемым под контролем государства (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 103–118).

Рента – не экономическое понятие (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 10–32). Под ней понимаются «материальные и иные блага, которые получают индивиды, группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре» (с. 25). Сегодня рентное общество имеет планетарное распространение. Существует специфика проявления рентных отношений в странах ядра капиталистической миросистемы и ее периферии (с. 50–69).

Важным является тезис, что изучение рентных отношений позволяет разглядеть в обществах позднего капитализма тенденции, которые не видны или не очевидны при использовании других концептуальных рамок (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 27, 54). В этой связи возникает ряд вопросов. Каким образом рентные общества образуются «в тени отношений» обществ современного мира? Почему при капитализме регенерируется рента? Может ли рентное общество выступить «могильщиком» рынка и буржуазных социумов? На эти вопросы стремятся найти ответы авторы рассматриваемой монографии.

Рента и капитализм. В научных работах, написанных в духе воззрений А. Смита, рыночный капитализм изображается хозяйственным порядком, основанным на свободных обменах субъектов экономической жизни; общественным строем, отрицающим сословно-феодалные устои, дистрибутивные обмены, ренту. Доктринально провозглашается, что капитализм призван установить безличную власть невидимой руки, систему экономических отношений, в которых нет места принуждению, зависимости, приказу. Однако реальный капитализм не стал воплощением идеального рынка, и только в воображении отношения *laissez-faire* могут быть уподоблены естественному порядку вещей. Очевидно, что свободный рынок не мог возникнуть и функционировать без законодательной работы государства и исполнения им широкого круга административно-управленческой, правоприменительной деятельности. В капиталистических обществах политическая элита и крупный капитал контролируют устройство форм общественной жизни и экономическую деятельность.

Капитализму не удалось освободиться от разнообразных способов воспроизводства ренты, более того, поиск ренты социальными акторами выступает принципом его существования (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 39–41, 50). В значительной мере рентоориентированное поведение акторов востребуется и подкрепляется природой государства как стационарного бандита, создающего элитным политическим и экономическим группам особые благоприятные хозяйственные условия, юридические и иные преимущества существования (с. 39, 42–45). Еще одним источником ренты при капитализме выступают инновации в производстве и орудиях труда (с. 37). Дополнительный (рентный) доход также производится потому, что в буржуазном обществе жажда обогащения превратилась в этически одобряемый стандарт добропорядочного человека (с. 32, 248–277). Помимо этого, рентный – контролируемый и дифференцируемый – доступ к ресурсам обеспечивается институциями «монетарного социального порядка» (финансовыми рынками, банками, инструментами страхования и др.) (с. 85, 156). Но и это еще не все. В обстоятельствах, когда возможности нахождения «хорошей»/легитимной ренты сокращаются или серьезно усложняются, элитные группы с целью обеспечения своих экономических интересов и социального доминирования используют различные формы внеэкономического воздействия и давления на внутриэлитных оппонентов и неэлитные группы (с. 38–39, 42).

Рента и государство. Перспективы капитализма связаны с исторической динамикой государства. Если становящийся капитализм, вытесняя в обществах дарообменные и дистрибутивные отношения, расширяет сферу рыночных обменов, то в позднем капитализме уже государство, а не рынок выступает ключевым экономическим игроком, в результате дистрибутивные социальные коммуникации, составляющие механизмы распределения ренты, вновь обретают силу (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 91). С либеральной точки зрения сокращение сферы рыночных обменов является архаизацией социальной жизни, но сегодня эта аксиома становится дискуссионной. В условиях, когда рынок работает все хуже, а капитализм достиг границ территориальной экспансии и высока вероятность того, что в обозримой перспективе мировое хозяйство будет характеризоваться нулевым экономическим ростом (Пикетти, 2015, с. 350–358), а также вследствие нарастающих темпов автоматизации, роботизации, цифровизации, приводящих к резкому возрастанию численности социальных аутсайдеров, рентный капитализм позволяет удерживать относительный социальный порядок, и только от государства рентополучатели могут ожидать обеспечение их рентных прав-привилегий (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 74, 92).

В обществах сферы/доли рынка и дистрибуции находятся в разных пропорциях. В первую очередь их соотношение обусловливается интересами властной элиты и групп, которым по разным причинам может быть выгодно распределительная система доступа к ресурсам. В периферийных обществах миросистемы могут превалировать дистрибутивные обмены, но и страны, составляющие ее основу, едва ли смогут осуществить полный отказ от дистрибуции в пользу свободного рынка, будут так или иначе использовать в собственных интересах их доминирующее положение в мировом порядке (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 91–92).

В рентном капитализме рыночные акторы не свободны от рентных связей и отношений. Дело в том, что производя прибыль, они приумножают общий

рентный потенциал государства. Их автономия, независимость и экономическая деятельность дозволены государством, которое заинтересовано в получении нужных ему доходов. В кризисных ситуациях государство может изымать ресурсы с рынка (посредством национализации, роста налогов и штрафов, изменения юридических правил и пр.), сокращать рыночное пространство, обращать ресурсы рынка в собственные блага (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 91–92, 187).

Как стационарный бандит рентное государство действует в логике нужд властных альянсов, а не по поручению общества (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 69–118). Конечно, в глобальном мире ресурсные возможности национальных политических элит имеют внешние ограничения, во многих случаях им приходится лишь реагировать на текущие процессы в мировой экономике и политике (с. 88–90).

Рента, демократия, стратификация. Социальная рента в феодальных обществах была следствием монополии на власть, принадлежащей аристократии. Ранний капитализм – это общество, в котором политическим господством обладала буржуазия. Демократия, демонополизировав власть, принципиальным образом изменила правила доступа к властно-политическому ресурсу. В демократических обществах права человека и гражданина закреплены и гарантируются конституционными актами; социальные группы, включая властные, не имеют никаких формально закрепленных привилегий; граждане, их различные организации и сообщества вправе включаться в политическую жизнь и добиваться получения властно-политических должностей и полномочий. Тем не менее в демократиях воспроизводятся рентные социальные связи и отношения (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 42–46, 88–90, 169–191).

«Рыночная» и «рентная» демократии значительно различаются между собой. В «рентной» демократии распределение ресурсов осуществляется не через рынок, а через государство, за доступ к ресурсам конкурируют не социальные классы, а сословия (новые сословия). Почему сословия? Потому что полезность и рентные права социальные группы/общности должны «доказывать» не рынку и обществу, а рентному государству. Сословия зиждутся на внеэкономических рентных отношениях, когда доступ групп к ресурсам зависит от степени их приближенности к власти. Группы и классы, служа интересам государства и имея свои рентные доходы, превращаются в сословия (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 180–187). Рентным государствам нужны контролируемые группы-сословия, поэтому «государственные люди» (чиновники, правоохранители и др.), а также бизнесмены, работающие в связке с государством, занимают привилегированные позиции в пирамиде социальных статусов.

Разумеется, новое сословное общество не означает прямой откат к докапиталистическим феодальным социумам. В современных обществах с антирыночными явлениями и трендами сохраняются социальная подвижность и социальные лифты. При этом социальная конкуренция приобретает «новый профиль». В рентных государствах соперничество групп, общностей происходит по критериям их полезности для государства. Показателем социального успеха в рентных социумах выступает обретение группой-сословием более высокой статусной позиции в иерархической системе рентно-дистрибутивных отношений (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 185–186).

В демократиях проявления ренты могут маскироваться статусом гражданина. Так, преимущества граждан перед мигрантами не ограничиваются наличием активного и пассивного избирательного права. Лица, не имеющие гражданства страны пребывания, сталкиваются с различными проблемами с трудоустройством, условиями работы и ее оплаты, социальным обеспечением, медицинским обслуживанием, юридической защитой прав и пр. (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 51–52, 175–183). В демократических обществах на формирование рентных групп также влияют кризис социального государства, рост численности лишних людей, прекариата, воспринимающих себя на фоне привилегированного салиариата исключенными из преимуществ, предоставляемых гражданством (с. 51–54).

В демократиях источниками прорастания ренты могут выступать различные этнические, религиозные, субкультурные и другие различия между социальными группами. Например, «большинство» может оценивать некоторые социокультурные особенности «меньшинств» как «ненормальные», что может приводить к их дискриминации (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 48).

В преддверии рентного общества? «Линейных» закономерностей социальных изменений не существует. Представление о трансформации модернизированных обществ в рентные опирается на предположение, что такая возможность не исключена в ситуациях, когда накопится критическая масса благоприятствующих этому условий и факторов (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 69). Их в сжатом виде можно показать следующим образом. Поздний капитализм изменился и перестал соответствовать канонам видения капитализма, заданным классической экономической мыслью. Охватив весь мир, он стал подвержен разнообразным кризисам-ограничениям, связанным, например, с нарастанием центр-периферийной поляризации стран в глобальном мире, отсутствием расширяющихся рынков и значительным торможением экономического роста, возникновением производств без людей (с. 50–103). Эти и другие обстоятельства порождают сомнения в способности современного капитализма, невидимой рыночной руки создавать новые возможности для всех, а представления о свободном рынке – капитале, труде, конкуренции – теряют значение перед фундаментальным условием существования/выживания – обладанием и контролем над ресурсами (с. 177). Расширяющийся круг граждан и домохозяйств, не имеющих доходов для поддержания достойного уровня жизни в условиях рынка, и экономические акторы, испытывающие вызовы конкуренции и провалы рынка, с большей готовностью апеллируют к государству, представляя его надежным гарантом обеспечения своих нужд и более справедливым, чем свободный рынок, распределителем ресурсов. В итоге социальное структурирование обществ происходит из патрон-клиентских (рентных) связей, в которых государство выступает доминирующей (господствующей) стороной, а другие участники социальных отношений, по сути, становятся его агентами (с. 182–183). Корректное объяснение образования рентных связей и отношений в современных обществах предполагает понимание, что в «чистом» виде возврат к прошлому невозможен. Рентные общества – это гибридные социумы, в которых есть и рыночные, и рентные отношения. Значение вторых в структуре отношений рентных социумов обретает доминирующее значение (с. 180).

Рентное общество в России. Рыночные преобразования, проводимые в России в последнее десятилетие XX в. и позднее, ознаменовались рентно-сословным откатом. Сегодня страна представляет гибридный социум. Его институциональный центр организован по рентной модели, а рыночные ценности и институты вытесняются на периферию общественных отношений. Россия представляет относительно статичный социум, в котором превалирует государство. Другими словами, Российская Федерация – это сословно-рентное государство в оболочке периферийного модерна (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 192–247).

Под углом зрения концепции рентного общества классы, социальные группы российского социума преобразовываются в новые сословные группы. К ним можно отнести большую часть населения страны. За малым исключением россияне заняты либо на «сдаче» ресурсов на производстве, либо на их «раздаче» в сфере управления, либо в осуществлении контроля за «социальной справедливостью». Формирование и укрепление рентного социума выгодно сословным элитам, т. к. позволяет им контролировать ресурсы общества и ставит незлитные социальные группы в подначальное положение, в том числе через зависимость от государства (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 193, 199, 221).

Отличается ли описание рентного общества, данное Л.Г. Фишманом, В.С. Мартьяновым и Д.А. Давыдовым, от приобретшей известность в отечественных научных кругах теории сословного общества С.Г. Кордонского (2007)? В обеих концепциях признается рентно-сословный характер современного российского социума, отмечается релевантность термина «новые сословия» социально-стратификационным реалиям сегодняшней России, подвергаются критике мейнстримовские отображения обществ позднего капитализма. Но имеются и отличия. Ученые Института философии и права УрО РАН рассматривают рентные отношения не только в рамках отдельных государств, но и на миросистемном уровне, не солидаризируются с позицией С.Г. Кордонского о том, что все попытки изменить российский сословный порядок тщетны (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 208–211), полагают, что условием устойчивости социальных реорганизаций, позволяющих преодолеть российский феномен транзита без трансформации (с. 193), выступают социокультурные модификации. Без перемен в культуре, задающей цель и смысл общественным преобразованиям, реформы модернистского толка обречены на провал, т. к. внутри новых институтов будут воспроизводиться дореформенные социальные привычки. Расширение рынка без требуемых институциональных правил и практик приводит к тому, что общественные отношения принимают вид иерархических рентных связей, контролируемых высокостатусными политическими группами, государством. Цивилизованного рынка, при отсутствующих гарантиях прав собственности, разделении властей, независимом суде, не бывает. В таких обстоятельствах гражданами и экономическими акторами «свободный рынок» может восприниматься менее привлекательным (справедливым), чем их рентная зависимость от государства (с. 241–244).

Заключение

Осуществив в общих чертах описание концепции рентного общества, мы понимаем, что не все ее аспекты были рассмотрены. Рентное общество – это

все-таки фантом или реальность? Удалось ли авторам рассматриваемой работы достичь поставленной цели: выделить, описать, объяснить рентные отношения и рентные социумы, «затаившиеся в тени» современных обществ?

Чтобы рентное общество было явью, а не вымыслом, у него должны быть социальные (экономические/политические/социальные) основания. В работе их описанию уделено значительное внимание. Элитные группы, защищая свои интересы в условиях рисков, возникающих в обществах эпохи позднего капитализма, стремятся использовать занимаемые ими статусные позиции в собственных интересах, извлекать для себя рентный доход, контролируя через государство доступ к ресурсам других социальных групп. «Сворачивающийся» рынок подталкивает бизнес к «сотрудничеству» с государством в надежде на его поддержку. Неопределенность социальных перспектив среднего класса, как и «лишних людей» – социальных жертв новейшего времени, будет вынуждать их обращаться за социальной помощью в официальные государственные структуры. Таким образом, социальная логика рентного общества раскрыта, за ним будущее? Как бы то ни было, грядущее не предопределено. Объяснять социальные трансформации указанием на социальные тренды/тенденции в качестве их причин недостаточно. Социальная динамика сложна. Проявление и действие социальных тенденций обусловлены историческими развилками, окнами возможностей, ответами обществ на внутренние и внешние вызовы и пр. «Живая» социальная логика разнообразнее любых интеллектуальных изысков и предположений. Что в действительности произойдет, зависит от общественной практики социальных акторов.

Рентный порядок как любой социальный порядок является противоречивым и не лучшим из возможных. Становление рентного общества представляет собой лишь одно из потенциальных направлений социальной динамики, порождаемой множающимися проблемами новейшего капитализма. Двигаться вперед, отвечая на вызовы времени, находить креативные решения, создавать новые социальные практики всегда трудно. Легче ничего не менять, но если это невозможно, то проще обратиться к чему-то известному, старомодному порядку, потому что кажется, что так будет надежнее. Рентные общества сегодня – это практика элитарных групп и сообществ граждан, сопряженная с определенной деструкцией модерна и архаизацией социумов перед лицом надвигающегося будущего. По видимости, нельзя исключить, что адаптация к социальным переменам с применением домодерных институтов может провоцировать запуск механизмов их самовоспроизводства.

В рентных социумах образуются общества социального единства? Отнюдь нет. Несомненно, «консенсус» групп в рентно-сословном обществе нельзя воспринимать в качестве социального контракта, заключенного сторонами на добровольной основе. Для неэлитарных групп это принудительный (вынужденный) договор. В рентных социальных системах, с одной стороны, элиты стремятся гарантировать политическую лояльность большинства граждан посредством их рентной зависимости; с другой – элитный альянс постоянно устремлен на увеличение своей доли в общем объеме ренты, поэтому подвластные могут вознамериться пересмотреть статус-кво этого общественного порядка. К тому же нельзя не учитывать, что внутри властной коалиции идет непрекращающаяся борьба за позиции, сферы влияния, полномочия и ресурсы.

Обсуждение рентного общества в плоскости новой утопии или «грядущего светлого» посткапитализма (Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, с. 315–388) есть *una fantasia*. В рентных социумах стран мировой периферии скорее наступит историческое «вчера», чем «завтра», изъятие рынка из системы социальных обменов приведет к их неминуемому краху, т.к. окажется, что нечего делить. В принципе любые рентные общества «самоедские», а не производительные социальные системы. Действительно ли капитализм себя изжил, достигнув границ рыночной экспансии? На самом ли деле исчезло созидательное разрушение – важная особенность буржуазной формы ведения хозяйства, а развитие экономик и обществ измеряется только показателями роста ВВП? Предположение, что для развитых государств рентное общество может стать предтечей коммунизма (с. 378–388), не выглядит убедительным. Во-первых, коммунизма, кроме первобытного, в истории человечества не было. К будущему такой коммунизм не имеет никакого отношения. Во-вторых, если рентное общество оценивать мерой марксистского принципа коммунизма – «от каждого по способностям, каждому по потребностям», то какие-либо комментарии не требуются. Рентное общество и коммунизм – несовместимые социумы.

В рассматриваемой работе при описании процессов модернизации российского общества признается приоритет культуры перед институтами. На том основании, что без надлежащей «культурной начинки» институты превращаются в «бумажных тигров». Социальная диалектика поливариантна. В обществах без подвижек в их институциональных системах невозможно достичь сколь угодно значимых перемен. Так, Япония, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Южная Корея освоили многие западные институты в различных областях социальной жизни, но при этом обладают собственной культурой. Изначально у Северной Кореи и Южной Кореи общая культура. Но глубокие институциональные различия, утвердившиеся в последние десятилетия, делают эти два государства и общества основательно отличными друг от друга.

В концепции рентного общества эксплицитно/имплицитно поднимается вопрос о фундаментальных основах обществ современной миросистемы. В анализируемом исследовании страны сегодняшнего мира, столкнувшиеся с различными проблемами-вызовами, рассматриваются (большей частью) сквозь призму ограниченности ресурсов и теории М. Олсона о государстве как кочующем и стационарном бандите. Если это так, то будущее человеческих сообществ может видеться за рентными социумами. Отметим, что институциональная матрица современных обществ не ограничивается данными рамками. Так, в монографии обойден стороной вопрос о соотношении рентных социальных порядков с правопорядком. Следует ли считать, что право, конституционный правовой порядок, выступающие ценностными и институциональными столпами многих государств, исчезают в обществах позднего капитализма или перестают иметь значение? В теории рентных обществ феномен властесобственности признается краеугольным камнем социума. Означает ли это, что конституционных принципов и институтов недостаточно, чтобы одолеть этот социальный «порок»?

Современные государства имеют правовое измерение. Прежде всего, правовой порядок зафиксирован в их конституциях. Этими основополагающими правовыми актами закрепляются права и свободы граждан, институциональный порядок их обеспечения, юридико-правовые параметры устройства государств.

И даже в тех случаях, когда конституционные уложения и реальная структура отношений в обществах значительным образом расходятся, значимость правового порядка для них не может быть преуменьшена. Институциональные начала современных социумов воплощаются в общественном (конституционном) договоре о правах. Рентные отношения не эквивалентны отношениям, основанным на праве. Утверждение рентных связей в социумах означает крушение права, правовой свободы (Алексеев, 2009, с. 10–25). Будущее не предначертано, но имеет институциональный базис, выработанный человечеством, позволяющий обществам отыскивать надлежащие ответы на вызовы, выдвигаемые историей, чтобы, например, не уподобиться рентным обществам. Это общественный договор о правах. «Живой», действенный, актуальный договор о правах.

Безусловно, рассматриваемое монографическое исследование достойно пристального внимания со стороны научного сообщества и беспристрастного обсуждения. Погружение в изучение рентных отношений побуждает исследователей развивать межпредметный подход в изучении общественных отношений, социумов, формулировать идеи, объясняющие существо и особенности социальной морфологии и динамики обществ современного мира.

Список литературы

1. Алексеев, С.С. (2009). *Крушение права*. Екатеринбург: Институт частного права.
2. Бьюкенен, Дж. (1997). *Сочинения: Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы*. М.: Таурис Альфа.
3. Кордонский, С.Г. (2007). *Ресурсное государство*. М.: REGNUM.
4. Пикетти, Т. (2015). *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем Пресс.
5. Таллок, Г. (2011). *Общественные блага, перераспределение и поиск ренты*. М.: Институт Гайдара.
6. Фишман, Л.Г., Мартьянов, В.С., Давыдов, Д.А. (2019). *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. М.: Высшая школа экономики. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1913-4>

References

1. Alekseev, S.S. (2009). *Krushenie prava* [The collapse of law]. Ekaterinburg: Institut chastnogo prava.
2. Buchanan, J. (1997). *Sochineniya: Konstituciya e'konomicheskoy politiki. Raschet soglasiya. Granicy svobody* [Works: The constitution of economic policy. Consent calculation. The boundaries of freedom]. Moscow: Taurus Al'fa.
3. Fishman, L.G., Martyanov, V.S., & Davydov, D.A. (2019). *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rental society: In the shadow of labor, capital and democracy]. Moscow: Vysshaya Shkola E'konomiki. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1913-4>
4. Kordonsky, S.G. (2007). *Resursnoe gosudarstvo* [Resource state]. Moscow: REGNUM.

5. Piketti, T (2015). *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st century]. Moscow: Ad Marginem Press.

6. Tullock, G. (2011). *Obshchestvennyye blaga, peraspredelenie i poisk renty* [Public goods, redistribution and rent seeking]. Moscow: Institut Gajdara.

Информация об авторе

Валерий Алексеевич Глазырин, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия, e-mail: glazur@olympus.ru

Information about the author

Valery Alexeevich Glazyrin, Doctor of Social Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia, e-mail: glazur@olympus.ru

Для заметок

A series of horizontal dotted lines for writing notes.

DISCOURSE-P ДИСКУРС*Ми

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.
16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер в тексте статьи. Нумерация иллюстраций – сквозная. Электронный вариант

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

каждой иллюстрации с подрисовочными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
4. **Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. В аннотации должна быть отражена следующая информация: цель, методы исследования (теоретико-методологическая и эмпирическая основа исследования), полученные в ходе исследования результаты, основные выводы.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
13. **Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию, следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. **Информация об авторе**

Имя, фамилия, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. **Information about the author**

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

<p>Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи</p>	<p>Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i>, 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1</p>	<p>Bezhtentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitiya territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i>, 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1</p>
--	---	--

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

<p>Художественные книги</p>	<p>Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i>. М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i>. New York: Literary Classics of the United States.</p>
<p>Законы, акты (курсивом выделяется название закона)</p>	<p><i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-О3) ст. 5 (Россия)</i>. Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018</i> (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/</p>
<p>Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)</p>	<p>Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i>. Взято 20 сентября 2020, с http://gefeter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell</p>
<p>Новость (курсивом выделяется заголовок новости)</p>	<p><i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574</p>

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in "Discourse-P" scientific journal.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a "quoted text" (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number in the text of the article. The numbering of illustrations should be continuous. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).

3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the purpose of the study; research methods; major findings of the analysis or trends detected; and the brief summary of scientific contribution and conclusions.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	<p>Author, A.A. (year). <i>Book title</i>. Location: Publisher.</p> <p>Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i>. M.: Gnosis.</p> <p>Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i>. New York, NY: Routledge.</p>

Requirements to the Articles
Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title, volume</i> (issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China, 6</i> (1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov